Лис Арден

Книга Амадея

Оглавление

Глава первая, в которой герой отправляется на ночную прогулку, и заключаются сразу два договора.....	3
Глава вторая, в которой герой узнает тайну вечного котла и постигает тонкости обращения с соседями.....	15
Глава третья, в которой герой и его друзья видят волка, лису и зайца.....	28
Глава четвертая, в которой наш герой покидает дом госпожи Стафиды и отправляется навстречу судьбе.....	40
Глава пятая, короткая, но познавательная, в которой нам предстоит погрузиться в историю Тринакрии.....	56
Глава шестая, в которой герой узнает чужую тайну и обзаводится новой одеждой.....	67
Глава седьмая, в которой герой приезжает в Трискелион и встречает там того, кого никак не ожидал встретить.....	85
Глава восьмая, в которой герой вспоминает старые уроки и открывает новые двери.....	102
Глава девятая, в которой герою приходится довольствоваться малым, а в итоге и вовсе отойти в сторону.....	117
Глава десятая, в которой герой отправляется за одним, а возвращается с вдвое большим.....	127
Глава одиннадцатая, в которой Кьяра покупает весьма дорогую вещь.....	142
Глава двенадцатая, в которой в которой пойдет речь о власти железа и сахара.....	157
Глава тринадцатая, в которой все поначалу складывается как нельзя лучше.....	172
Глава четырнадцатая, в которой торжествует справедливость	186
Глава пятнадцатая, в которой, наконец, случается праздник.....	197

*Глава первая, в которой герой отправляется на ночную прогулку,
и заключаются сразу два договора*

-Чего ты хочешь, мальчик?

Голос прозвучал тихо, но отчетливо; он возник из ниоткуда, будто сама ночь заговорила с Амадеем. Мальчишка заозирался, пытаясь понять, кто задал ему этот вопрос – впервые за десять лет жизни его спрашивали, чего хочет именно он! - но вокруг были только темнота, холодный дождь и горести. Ждать чего-то другого от ноябрьской ночи способен только наивный дурачок, удобно устроившийся в теплом месте.

В голосе не было нетерпения или раздражения, он просто спрашивал – а поскольку кроме Амадея поблизости других мальчиков заметно не было, то спрашивал он все-таки его.

Дыхание вырывалось изо рта Амадея белесым облачком, ноги в дырявых башмаках застыли до бесчувствия, в животе гулко заурчало, и мальчик потер его привычным движением. Он услышал вопрос и понял его; осталось только ответить – честно и искренне, от всей души.

-Я есть хочу.

-А еще?

Амадей удивился: чего еще можно хотеть? Хотя, если хорошенько подумать, то неплохо было бы...

-Хочу красивую одежду.

-А еще чего ты хочешь?

Амадей фыркнул. Как спрашиваете, так и отвечу, решил он, и сказал, усмехаясь:

-Хочу, чтобы был праздник! - Потому что по праздникам даже таким, как он, что-нибудь, да перепадало.

Кто-то невидимый удовлетворенно вздохнул - так вздыхают, когда заканчивают (или начинают) важное дело, и Амадею почудилось, что его погладила по голове очень легкая и горячая рука.

-Да будет так.

Прошло несколько минут, однако ничего чудесного не произошло. Дождь зарядил с удвоенной силой, ветер засвистел в облетевших кустах, заполонивших Ведьмин лог. Амадей понял, что стоя на одном месте, так на нем стоять и останешься, и пошел, куда глаза глядят – по раскисшей грязной дороге, уходя все дальше от городских стен. Он все шел и шел, все дальше в ночь, ни о чем не думая; холод и голод были ему привычны с младенчества, темноты он не боялся, людей опасался, но в такую погоду даже отпетые лихие отсиживаются в своих логовах. Через полчаса дорога вывела его на перекресток, украшенный

виселицей – в настоящее время пустой и несколько потерявшей от этого в назидательности. На минуту мальчик замешкался, но продолжил путь вперед – и вверх, поскольку дорога поднималась по склону. Оказавшись на вершине, Амадей увидел слабый огонек, мерцающий у подножия холма. Не сомневаясь, он поспешил к нему, оскальзываясь на мокрых камнях. Дорога вывела его к дому в два этажа с выпученными слюдяными оконцами – одно из них слабо светилось, а значит, там кто-то не спал. Амадей подошел к двери, взялся за тяжелое дверное кольцо и постучал.

Сначала ничего не происходило, только дождь на пару с ветром трепали охапку сена, лежавшую возле лошадиной колоды, но вот в глубине дома что-то заворочалось, послышались ворчание и рычание, а потом и шаги. Еще через минуту дверь распахнулась перед носом Амадея и вырвавшийся на волю теплый, сытный запах похлебки согрел и оживил его.

-Ты кто такой? Чего тебе надо? Откуда ты взялся? – Мальчик поднял глаза и увидел стоящую в дверном проеме женщину – высокую, дородную, что твоя герцогиня, держащую в одной руке масляный светильник, а в другой – здоровенную скалку. Рядом с ней стоял мосластый пес, в холке достающий мальчику почти до груди; он молча смотрел на незваного гостя, лаять ему нужды не было, от одного его оценивающего взгляда любой грабитель обделался бы, не сходя с места.

-Меня зовут Амадей. Прошу вас, пустите меня на ночлег, я отработаю. Я из города. – Он честно ответил на все ее вопросы.

-Ишь ты! – Тетка приблизила светильник к фигурке мальчика, разглядывая его. – В чем только душа держится... а белый-то какой! Ладно, заходи. Живо-глот, иди к себе, уж с этим я и сама справлюсь. – Пес, похоже, тоже не увидел в Амадее угрозы и преспокойно удалился.

Хозяйка протянула ручищу и втащила мальчика в дом.

- Ноги обсуши в соломе. Да проходи к очагу, обсохни. Есть хочешь?

Амадей, грея руки у очага, уже счастливый, кивнул, и у него опять заурчало в животе, да так громко, что хозяйка засмеялась.

-Ты там соловья прячешь, что ли? – Продолжая смеяться, она взяла с полки глиняную миску, налила в нее из котла, висевшего над очагом, густой похлебки и поставила на стол. – Садись, парень, и поешь, не хватало еще, чтобы в моей харчевне кто-то от голода помер.

Амадей пригладил высохшие волосы, обтер руки о полусырую рубаху и, поклонившись хозяйке, сел за стол. Он не успел даже как следует оглядеться вокруг – ведь перед ним стояла миска, до краев наполненная благодатью. В крепком мясном бульоне плавали стайкой кусочки поджаренного свиного сала, лениво дрейфовали ломтики картофеля, репы и лука, кувыркались гладкие тестя-

ные клеточки, травы источали пряные ароматы, и все это золотилось обещанием самого обычного счастья. Амадей втянул в себя запах похлебки, чуть не поперхнулся слюной, схватил ложку и заработал ею с таким усердием, что хозяйка не могла не почувствовать себя польщенной. Вскоре миска опустела, мальчик выскреб ее дочиста, оставив лишь одинокий лавровый листок лепиться к донцу. От обильной еды и тепла, а также от недавнего путешествия сквозь холодную осеннюю ночь его потянуло в сон. Амадей оглянулся – хозяйка сидела на стуле с высокой спинкой у очага, лушила горох и, казалось, и думать забыла о своем нежданном госте. Мальчик зевнул и опустил голову на сгиб локтя; уже через минуту он крепко спал, так и не выпустив из руки ложки.

А теперь, мой любезный читатель, мы оставим нашего героя в тепле и безопасности, пусть выспится, как следует. Мы как раз успеем рассказать, что случилось с ним до того, как он очутился посреди ночи в Ведьмином логоу одинешенек.

Ровно десять лет тому назад, в такую же промозглую ноябрьскую ночь старьевщик Сепий покинул свой убогий домишко на окраине Шэлога, второго по величине города на севере королевства, и отправился за помощью к старой ведьме, живущей за городскими стенами, в заросшей орешником лощине. Сепий совсем отчаялся: его жена умирала неведомо от чего, по полу ползали четверо детей мал мала меньше, еще один истошно вопил в колыбели, будто резаный поросенок. Старьевщик понимал, что если жена помрет, то вскорости туда же отправятся и дети – сам-то он целыми днями бродил по городу, собирая тряпье, обшаривая сточные канавы, и присматривать за оглоедами ему было недосуг. Не сказать, чтобы Сепий был очень уж любящим мужем и отцом, избытком храбрости он тоже не отличался, но денег на настоящего лекаря у него не было. А у ведьмы слава была хоть и дурная, но дело свое, судя по слухам, она знала.

Сепий промок насквозь, пока добрался до нехорошего места; он весь ободрался, продираясь сквозь заросли ежевики, но решимости не утратил, поскольку от рождения был лишен и воображения, и предвидения. Ведьма встретила его на пороге своей хижины, будто ждала.

-С чем пожаловал? – В темноте ее лица было не разглядеть, только слабо отсвечивали седые волосы.

-Хозяйка моя больна. Вылечи ее. – Сепий не стал рассусоливать и выложил все как есть сразу. – Денег больших у меня нет, но...

-Сама знаю. Те, кто при деньгах, верхом приезжают и сначала здороваются. Заходи в дом, поговорим.

В доме было тепло, темно и тихо, как в логове зверя; в свете очага Сепий смог разглядеть дощатый стол, уставленный чем ни попадя, стул с ножной ска-

меечкой, придвинутые к огню, стены были увешаны пучками трав, а земляной пол устлан соломой. Старьевщик сел на деревянный обрубок, заменяющий гостевое кресло, протянул застывшие руки к огню. Ведьма села на свой стул, уставилась куда-то в угол. Встрепенувшееся пламя осветило ее, и стало видно, что она очень стара, что глаза ее похожи на полустертые медяки, а в сети морщин запутался не один десяток лет.

-Сильно больна?

-Третий день в себя не приходит, жар такой, что иссохла вся.

-Пока в себе была, жаловалась на что?

-Живот болел, говорила. Как слегла, крови много было, я тюфяк соломенный выкинул из-под нее, насквозь был.

-Детей у вас сколько?

-Пятеро.

-А было бы шестеро. И будет, если условия примешь. Вот что, Сепий. Услуга за услугу. Я твою жену вылечу, а ты моего подкидыша себе забереешь. Одним ртом больше – тебе не привыкать.

-Какого подкидыша? – заинтересовался старьевщик.

Ведьма встала, подошла к кровати, стоявшей в самом темном углу, и склонилась над ней. Вернулась к очагу и показала Сепию завернутого в убогое одеяльце малыша примерно полугода от роду, беленького как зубок чеснока.

-Чего вылупился? Да не мой он, совсем сдурел, что ли? Я же сказала – подкидыш. Был у меня один должок, вот и взыскали.

-А это... родители его?

-Пф! – Ведьма пренебрежительно фыркнула. – Отец его и знать не знает, что сыном обзавелся! Он приезжий был, с севера, из Краглы. Приплыл сюда за красотами, сейчас на каждом корабле такой дурень найдется, а то и не один, шархаются ночью по холмам, потом стихи пишут, а то и еще чего похуже.

-А мать? Это она тебе его оставила?

-Не твое дело. – Отрезала старуха. – Есть у него и отец, и мать. Может, когда и найдутся. Ну что, согласен?

Старьевщик почесал в затылке. Братъ на себя еще одного оглоеда, когда своих не знаешь чем кормить – едва ли разумно, однако же, с другой стороны – кто знает, сколько еще он проживет, в его возрасте дети мрут как мухи по осени.

-Этот не помрет. – Развеяла его надежды ведьма. – И не надейся. И вот еще что – я тебе его не навсегда отдаю. Через десять лет, день в день, вернешь его туда, откуда взял.

Сепий оживился. Это уже другой разговор: десяток лет как-нибудь прокормит он лишний рот, тем более, такой маленький, а как жизнь мальчишки устраивать – не его забота будет.

-Что, ожил? – усмехнулась ведьма. – А то, что я к тому времени уже в земле сгнию, тебя не смущает? А, помолчи. – Она махнула на Сепия свободной рукой. – Главное, запомни – ровно через десять лет приведешь мальчика сюда, где моя хижина стоит, в мой Ведьмин лог. И уйдешь, не оглядываясь. Непохоже, чтобы ты уж очень совестлив был, но оставить ребенка одного в таком месте – тоже суметь надо. Последний раз спрашиваю, согласен?

-Согласен.

-Хорошо. Тогда вот мои условия – ты забираешь мальчика к себе в дом, не пытаешься избавиться от него, растишь как своего ребенка – до оговоренной поры. Я взамен выхаживаю твою жену, чего бы это мне ни стоило. Тебе с нашей сделки живая жена и младенец в придачу, мне – спокойная старость. Уговор? – Ведьма плюнула себе на ладонь и протянула руку старьевщику.

-Уговор. – И Сепий крепко пожал ведьмину руку.

-Держи. – Ведьма протянула Сепию младенца. – Теперь он твой. Его зовут Амадей.

Старьевщик покачал легкий сверток, невольно улыбнулся безмятежному покою ребенка, чья судьба только что круто изменилась.

-Ишь ты, беленький какой... будто мукой обсыпали.

-Он альбинос. – Бросила ведьма, кутаясь в дорожный плащ и собирая котомку. – У него все белое, кроме крови и глаз. Они красные. Привыкнешь. Ну, пошли, что ли?

Ведьма провела в доме старьевщика неделю; за это время она выходила умирающую, навела в доме порядок, даже приласкала детей. Если не считать того, что ее настои, которыми она поила жену Сепия, варились из подозрительных даже для старьевщика ингредиентов, а саму ведьму не замечал никто, кроме домочадцев, - все было так мирно, будто приехала помочь с хозяйством старая тетушка из деревни.

Жена Сепия приняла известие о новом ребенке с великолепным безразличием породистой свиньи, впоследствии она заботилась о нем так же, как и о собственных отпрысках – то есть почти никак. Дети росли как сорная трава, бегали полураздетыми и голодными, ни воспитанием, ни тем паче образованием их никто не был озабочен, разве что улица. И если Амадей и выделялся среди прочих старьевщических детей, то только белыми как кость волосами и проглядывающей сквозь слой грязи белой кожей – прочие в их стае были смуглыми и черноволосыми.

Что касается характера и склонностей ведьминого подкидыша, то в детстве он ничем особым не выделялся, разве что был более сообразителен и скор на выдумку, чем дети самого старьевщика. Амадей целыми днями пропадал на улицах Шэбота, познание жизни началось для него с изнанки; случалось ему и

воровать по мелочи, и быть битым, и убегать со всех ног. Он не был особенно силен, но был проворен и изворотлив, а к его мнению прислушивались даже старшие дети. И нередко так случалось, что его слово становилось окончательным.

Десять лет прошли быстро. В доме Сепия мало что изменилось, разве что прибавилось еще четверо ртов, да поубавилось порядка, которого и без того не было. И вот в одну из ночей ноября Сепий, посчитав года на пальцах, вспомнил об уговоре со старой ведьмой – и о том, что пришла пора его исполнить. Он покряхтел, собрался с духом – и на следующий день сообщил Амадею, что вечером им предстоит долгая прогулка. Мальчик давно подозревал, что отец приворовывает, а иначе откуда бы у матери взялись деньги на новую пару туфель (обычно все домочадцы Сепия довольствовались теми предметами одежды, которые он добывал), и решил, что на этот раз ему нужна помощь. Они покинули город почти ночью, миновали ворота, долго шли по разбитой дороге, пока не оказались в ложбине, поросшей орешником и ежевикой. Тут старьевщик остановился.

-Вот что, сынок. – Он положил руку на плечо мальчику. – Сейчас такое время... человек с головой легко устроит свою жизнь. Ты парень смышленный, так что тебе в нашей доле? Оставь нас, мы в нищете жили, в ней же и помрем. Иди своей дорогой, вот тебе мое на то благословение, а больше мне тебе дать нечего.

С этими словами он погладил Амадея по голове, повернулся и поспешил обратно в город, оставив мальчика одного, посреди большой дороги, под безжалостным ноябрьским дождем.

Амадей постоял, глядя вслед отцу; идти за ним вслед он не решился. Кажется, он не был даже удивлен, будто всегда знал, что вот этим все и закончится. А может, просто был ошарашен произошедшим. Сначала мальчик побродил по заросшей лощине, набрел на развалины дома, но там ни согреться, ни спрятаться от дождя было невозможно – крыша давно обвалилась и на земляном полу густо пророс кустарник. И когда уже испуганный мальчик вернулся на дорогу, чтобы бежать обратно в город, его и настиг тот самый бесплотный голос, спросивший о сокровенных желаниях.

Так вот ведьмин подкидыш и попал в придорожный трактир, где мы оставили его безмятежно спящим.

Проснулся Амадей от того, что толстый рыжий кот, пытаясь устроиться поудобнее, улегся прямо ему на голову. Оказалось, что хозяйка перенесла спящего в угол комнаты, где он и спал на куче соломы, прикрытый драным, пахнущим псиной, но все-таки одеялом. Мальчик сел, протер глаза и потянулся. Ску-

по освещенная солнцем поздней осени комната оказалась кухней: большой очаг, открытый шкаф с посудой, развешанные над очагом поварешки и сковороды, длинный стол. За столом сидела хозяйка и пила что-то горячее из кружки, похожей на небольшой котелок.

-Проснулся?

Амадей встал, отряхнулся от соломы и подошел поближе к столу. Он почтительно поклонился тетке и сказал:

-Доброго утра, госпожа. Скажите, как я могу отблагодарить вас за еду и ночлег?

Многие на его месте попытались бы удрать, не заплатив и не отработав, но Амадей, старьевщиков сын, отлично усваивал преподанные улицей уроки. А один из них был таков – не стоит пытаться поиметь тетку с прищуром арбалетчика королевской гвардии и телосложением битюга. В городе еще есть хоть какая-то вероятность удрать, нырнув в первый же закоулок, но здесь, в ее же доме... Лучше быть вежливым. Иначе будешь битым.

Хозяйка довольно усмехнулась.

-А ты неглуп. Украд что-то слишком ценное? Или узнал что-то лишнее?

-Нет. Похоже, я сам стал лишним.

-И такое случается. – Тетка шумно отхлебнула из кружки. – Ну вот что, бельш. Мне нужен помощник – дрова таскать, котлы чистить, пол мести. Мне самой лень этим заниматься, супруг мой год как помер, хвала богам, прежде-то мы с ним вдвоем харчевню эту держали, а теперь я все одна... Помощник у меня есть, но стар он стал, больше спит, чем работает. Ты, я так понимаю, никуда не торопишься? Оставайся у меня, раз уж пришел.

Амадей призадумался. Идти ему некуда, с этим не поспоришь. На дворе поздняя осень, а за ней не лето ожидается. У него, кроме штанов, рубахи и дырявых башмаков больше ничего и нет. Можно, конечно, вернуться в Шэлот и попроситься в приют к старику Юсу, только ведь и самый глупый городской голубь знает, что этот приют на самом деле воровская шайка, и красть придется уже не по мелочам. Живется у Юса весело, это да. Пока не попадешься. Может, вернуться домой?..

Дом старьевщика – не лучшее место под солнцем, с этим не поспоришь. Жилище ветхое и грязное; одна комната, разгороженная дощатой стенкой надвое: в одной половине очаг и колченогий стол со скамьями, во второй – кровать, на которой спали Сепий с женой, и несколько тощих тюфяков на полу для их многочисленного потомства. Позади дома двор, заваленный мусором всех родов и свойств; отдельно стоящие кучи тряпья, костей, деревяшек... Едва обретя некую самостоятельность, Амадей предпочитал проводить время в городе.

-Как тебя зовут?

-Амадей.

-А меня Стафида. Для тебя тетка Стафида. Для госпожи я слишком много работаю руками. Ну что, надумал?

Амадей посмотрел на хозяйку – здоровенная, как бык, но вроде не злая... нос орлиный, глаза как угли, копна черных с проседью волос упрятана под чепец, платье опрятное – не то, что у матери, там пятно на пятне.

-А кроме черной работы, вы меня чему-нибудь научите? Мне отцовское ремесло не по душе.

-Если проявишь способности – научу. Тебе вчерашняя похлебка понравилась?

-Еще как! Да я вкуснее ничего в жизни не ел!

-То-то. Ну что, остаешься?

-Остаюсь. – И Амадей решительно плюнул на ладонь и протянул руку тетке Стафиде. – Уговор? Я работаю у вас, а вы меня кормите и научите варить похлебку.

-Уговор. – И она пожала руку мальчика. – Если не возражаешь, еще я тебя малость приодену, а то на твою одежонку смотреть страшно, того гляди на нитки распадется.

-Да и помыть его не помешает. – В кухню с охапкой хвороста вошел старик. – Нам и своих блох хватает, не тот случай, чтобы породу улучшать.

-Ну, про породу ты получше меня знаешь, – согласно кивнула хозяйка. – Знакомься, белыш. Это Горча, присмотришь к нему получше и потом не пялься, он этого не любит.

Амадей и без этого совета во все глаза смотрел на стоящего перед очагом старика – по тому словно на колеснице проехали, причем не один раз. Лицо перечеркивал шрам, глубокий и безобразный, вместо левого глаза темнела кожаная нашлапка повязки.левой руки тоже не было, культя заканчивалась медной чашкой с крюком. При ходьбе Горча сильно хромал и подволакивал правую ногу. У него не хватало доброй половины зубов, зато на голове в преизбытке и в беспорядке бушевало море пепельных кудрей, без малейшего намека на лысину.

-Нагляделся? – буркнул старик.

-Кто это вас так украсил? – хорошим манерам на улице не обучали, и Амадей задал свой вопрос, нимало не стесняясь. Впрочем, он всегда знал, с кем можно говорить как со своим с самого начала, а с кем язык стоит придерживать. Горча, несмотря на отталкивающую внешность, сразу же вызвал у мальчика такое доверие, какого он еще никогда и ни к кому не испытывал.

-Война. – Ухмыльнулся Горча, сморщив лицо в отвратительной гримасе. – А ты вежливый мальчик, ничего не скажешь. Считай, один подзатыльник уже заработал. И это в первые минуты службы. Далек пойдешь, белыш.

-Меня зовут Амадей... пожалуйста.

-Так-то лучше. Пойдем, покажу тебе наши угодья. Но сначала натаскай воды и поставь греться. Городскую грязь холодной водой не отмоешь.

Ночной дождь закончился, ветер поменялся, стал значительно холоднее. Под присмотром Горчи мальчик обошел весь постоянный двор: он оказался невелик, но толково и удобно устроен. На первом этаже – общая зала с камином и кухня, на втором – несколько крохотных отдельных спален и одна большая; в пристрое – конюшня, небольшой свинарник, курятник. Дровяной сарай и коптильня. Колодец. Смущало только одно – полное отсутствие постояльцев, о чем Амадей все так же открыто спросил Горчу.

-Ка¹ Горча, а почему постояльцев нету ни одного?

-Беспокоишься, не вылетим ли мы в трубу? Этот двор уже полсотни лет стоит, простоит и еще столько же. Сейчас гнилые недели, сынок, ни ярмарок, ни праздников, погода дрянь – сам видишь. А вот через десяток дней в Гринстон придут корабли из Краглы, значит, у нас через неделю второй этаж под завязку набьется. Потом зимние праздники не за горами, люди потянутся кто в города, кто из городов. И так до гнилых недель по весне. А там лето придет, там и вовсе ни вздохнуть, ни охнуть будет. Осенью урожай на продажу пойдет, ярмарки, торги, всего не упомнишь. Так что тебе повезло, что ты именно сейчас заявился. В другое время не до тебя бы было.

-Это я уже понял. А как это место называется?

-Так вот же вывеска. – Горча указал на покачивающуюся на цепях доску с крупными, когда -то вызолоченными буквами.

Амадей понурился.

-А-а-а... ну, это поправимо. Учиться никогда не поздно. Сегодня же и начнем. – Горча потрепал Амадея по голове. – Бьюсь об заклад, ты парень способный. Не буду тебе говорить, сам прочитаешь, когда сможешь. Ну что, все посмотрел? Пойдем воду таскать, на тебе грязи полпуда, никак не меньше. Одним ведром точно не обойдешься.

Мытье Амадею понравилось, даже вылезать из деревянной бадьи не хотелось. За всю свою жизнь он всего несколько раз бывал в городских банях, о домашнем же купании и речи не шло; жена Сепия и сама мыться не любила, и других не заставляла. Бадья стояла в примыкающему к кухонной стене прачечному закутке, где помимо нее была печь с вмурованным в нее котлом для кипятка, несколько лоханей, корыто, вальки и стиральные доски. Пол был устлан тростником, пахло грубым мылом и сыростью.

¹ Ка – традиционное обращение к мужчине, сокращенное от «кириос» - господин. К женщине в королевстве Тринакрия принято обращение «ки», «кирия».

Какое-то время Амадей развлекался тем, что опускался под воду с головой и пускал пузыри. Хорошенько отмокнув, он принялся отмываться. Волосы, которые Горча заранее подстриг ему здоровенными ножницами для лошадиных хвостов, мальчик тщательно промыл травяным настоем, изгоняющим насекомых. Жесткой щеткой постарался вычистить ногти. Он понимал, что попал в неплохое место и на зиму здесь точно стоит задержаться, даже если придется работать.

Окатившись ведерком уже остывшей воды, Амадей вылез из купальной бадьи, вытерся старой простыней и переделся в хозяйскую одежду: наскоро подрубленные госпожой Стафидой рубаху, штаны, суконный жилет, нитяные чулки, столь уместные по случаю холодов, поношенные, но вполне годные башмаки почти по мерке. Еще ему полагалась теплая шерстяная куртка, ее Амадей оставил висеть на спинке стула. После мытья ему снова захотелось есть – перехваченная во время таскания воды в дом краюшка серого хлеба давно провалилась в бездну его живота.

-Ки Стафида, - Амадей сунул голову в дверь кухни, - какие будут ваши пожелания?

-Горча! – Всплеснула руками хозяйка. – Ты только глянь, никак к нам господин королевский паж пожаловал! А ну-ка, покажись, красавчик!

Амадей вошел и важно поклонился. Отмытый и приодетый, он выглядел совсем иначе, таким его никто и никогда не видел. Белые волосы, подстриженные на уровне плеч, белая кожа, не знающая ни румянца, ни загара, белые – не белесые, а именно белые – и густые брови и ресницы, тонкие светлые губы и темно-красные глаза, похожие на плавающие в молоке вишни. Лицо Амадея не отличалось детской пухлостью, скорее наоборот – чуть впалые щеки, высокие скулы и острый подбородок делали его старше годами. Наспех подогнанная одежда сидела на нем так, будто ее шили именно по его меркам, ловко и ладно.

-Будто снежное дитя из сказки, - покачал головой старик, сидевший у очага. – Что же дальше будет, сынок, когда ты избавишься от грязи невежества и нищеты?

-Ну-ну, не захваливай мальчика раньше времени. – Стафида кивнула мальчику, приглашая сесть за стол. – Вот, давай поешь и принимайся за работу. Вылей воду из купальной лохани, да смотри, не выплескивай ее под дом! Потом натаскаешь воды для стирки, замочишь постельное белье в корыте, завтра прокипятишь его в котле, прополощешь в речке и развесишь на дворе. Купцы предпочитают спать на чистых простынях. Как закончишь с бельем, сходи в курятник, собери яйца и отнеси в погреб, и поосторожнее там! Потом найдешь Горчу, он тебе еще дела найдет, не сомневайся.

Амадей слушал хозяйку и не забывал кивать, уписывая в то же время за обе щеки вчерашнюю похлебку – казалось, она стала еще вкуснее и наваристее.

-Ты сказал, что отцовское ремесло тебе не по душе. – Госпожа Стафида вылила в миску Амадея еще один половник похлебки. – А кто твой отец?

-Старьевщик. – И мальчик принялся за добавку с не меньшим рвением.

Хозяйка и Горча переглянулись, старик покачал головой и скроил гримасу, означавшую что-то вроде «святая простота».

-Старьевщик... - Протянула Стафида. – Ты из Шэлота пришел, так ведь?

-Угу, - на более подробный ответ Амадей не раскошелился.

-Шэлот – большой город, и старьевщику, несомненно, найдется, чем заработать. Так почему ты, Амадей, вдруг стал лишним в доме своего отца?

Хозяйка впервые за все время назвала мальчика по имени.

Амадей с сожалением посмотрел на похлебку и оторвался от тарелки.

-Я не знаю, ки Стафида. – И он рассказал ей обо всем, произошедшем с ним прошлым вечером.

Его внимательно выслушали, не перебивая, и только Горча будто невзначай спросил:

-А в кого ты такой белый получился, сынок? В отца или в мать?

-Сам в себя, - отмахнулся мальчик. – У нас в семье все смуглые, кроме меня. Так вышло, отец говорил.

-И такое бывает, - невозмутимо откликнулся Горча, продолжая раскуривать трубку.

-И ты совсем не держишь обиды на своего старика? – спросила хозяйка, не удержавшись и погладив мальчика по белой голове.

-А за что? – пожал плечами Амадей. – Он никогда не обижал меня прежде. Не знаю, что на него нашло.

-Время покажет. – Горча выпустил клуб дыма и под хозяйкиным взглядом тщательно разогнал его рукой. – Ну что, сынок, наелся? Вот что я тебе скажу, Стафида, этот парень явно не из тех, кого выгодно нанимать за еду. – И старик засмеялся.

Амадей начисто выскреб тарелку, встал, поклонился хозяйке и отправился выполнять порученные ему дела.

Он стащил все грязные простыни в кучу на полу прачечной и принялся укладывать белье в огромное стиральное корыто, время от времени поливая его щелоком. Потом залил серо-белую грудку водой и – зря он, что ли, подглядывал за прачками! – вытащив щипцами из печки заблаговременно положенный туда раскаленный камень, кинул его в корыто. Вода забурлила, вверх метнулось облачко пара, а у Амадея был наготове второй камень. Закончив с приготовлениями к завтрашней стирке, мальчик отправился в курятник. Собрать яйца в

плетеную корзину оказалось нетрудно, гораздо сложнее было поймать курицу, воспользовавшуюся приоткрытой дверью – Амадей бегал за ней, пока ему не помог Живоглот – пес вышел из дома и рывкнул всего один раз. Этого оказалось достаточно, чтобы курица пулей метнулась на свое место.

-А где речка? – спросил мальчик у хозяйки, спустив корзину в погреб.

-Недалеко. Обойди холм слева, там старая роща и речка. Иди к Горче, он ждет тебя в коптильне.

Остаток дня Амадей провел вместе со стариком, потроша и нанизывая на веревку жирных селедок, которых потом развешивал над жаровнями с дымящимися опилками. После вечерней трапезы Горча принес из своего закутка самую настоящую книгу и с позволения хозяйки уселся с Амадеем все за тем же длинным кухонным столом.

-Небось гадаешь, откуда у старика солдата книга? – Горча осторожно раскрыл переплет. – У каждого свои трофеи, сынок. Ну, смотри.

И он, ведя заскорузлым, едва гнущимся указательным пальцем по строке, медленно – но отнюдь не запинаясь, - прочел:

*Единый миг, урочный час и день, что был так светел,
И месяц, памятный навек, и благодатный год,
Благословляю я. Свою судьбу я встретил
В той, что одно страданье мне несет.*

В хозяйстве Стафиды нашлись и грифельная доска с мелком, и вскоре она уже была исписана кособокими амадеевыми каракулями. Буквы в его исполнении кренились и завязывались в узлы, но упорства ему было не занимать, так что Горча был доволен своим учеником. Они сидели бы до полуночи, если бы хозяйка не погнала их спать. Комната Стафиды была позади кухни, Горча приютился в комнатухе между кухней и общей залой. Амадею выделили тюфяк и позволили расстелить его рядом с очагом, вчерашнее одеяло также осталось в его владении.

Все в доме утихло. Слабо потрескивая, теплились угольки в очаге, одинокая мышь осторожно пыталась добраться до хозяйских запасов. Последняя ночь осени выстудила мокрые подушки облаков, они подсохли, распушились и из них посыпался легкий белый пух – сначала еле-еле, потом все сильнее и сильнее. И во всем мире стало так тихо, как бывает только тогда, когда идет снег.

Глава вторая, в которой герой узнает тайну вечного котла и постигает тонкости обращения с соседями

На следующее утро первым делом Амадей отправился в прачечную, закидал во вмурованный в печь котел отмокшее белье, подлил воды до краев и развел огонь. Терпеливо дождался, пока вода закипит, разровнял дрова и придавил белье деревянной крышкой. Потом вернулся в кухню, раздул угли в очаге и поставил на решетку медный чайник. За завтраком мальчик получил кусок тяжелого, сытного пирога с мясом и картофелем и свою порцию дневных дел.

В сопровождении Живоглота, молчаливо одобrivшего прогулку по свежему снегу, Амадей отправился к речке, волоча за собой корзину с мокрым, дымящимся бельем. Небо прояснилось, воздух стал прозрачен и сух, ветер утих. Речка, неглубокая, шириной всего в полдесятка шагов, и в самом деле оказалась поблизости. У подножия холма редела роща старых, поросших мхом деревьев, и по каменистому ложу бежал незамерзающий поток. По совету Стафиды мальчик взял с собой моток прочной веревки: он привязал один ее конец к дереву, лежащему поперек речушки наподобие мостика. Потом прицепил простыни к веревке прищепками, а рубахи и штаны продел насквозь, и всю эту мокрую, тяжелую грудку опустил в холодную воду, крепко держась за веревочный конец, и медленно пошел вверх по течению. Он предоставил речушке самой выполаскивать белье - а что такого, ей все равно заняться нечем. Выждав, пока вода вокруг его флотилии стала чистой, он вернулся вниз, и стал вытягивать вещь за вещью, выкручивая изо всех сил. От непривычной тишины у Амадея закладывало уши, от холодной воды ломило пальцы.

Развесив белье во дворе, Амадей поспешил в дом. После стирки следующее дело - чистка тех котлов и сковородок, до которых не дошли хозяйские руки - оказалось занятием весьма согревающим. Он драил медное воинство песком и жесткой мочалкой, пока не пришел Горча и не забрал его в коптильню, проверить вчерашних селедок.

После обеда они старик показывал ему буквы, пока Стафида не погнала их в рощу за хворостом. Сказать по правде, Амадей наработался уже на неделю вперед, но понимал, что бездельничать здесь ему не придется, а придется работать - и чем раньше он к этому привыкнет, тем лучше.

-Сегодня наберем хвороста, а дров завтра с утра наколешь. - Горча взвалил себе на спину здоровенную вязанку. - Не пытайся прыгнуть выше носа, сынок. Здешнюю работу не переделаешь.

Когда стемнело, и Амадей вернулся в дом, проверив запоры на курятнике и свинарнике, хозяйка поставила перед ним огромную корзину нелущеного гороха, сама уселась напротив и принялась ловко вычищать горошины из сухих

стручков. За этим занятием они и скоротали первый зимний вечер. Горох не был помехой хорошей беседе, из которой Амадей узнал, что прежде постоянный двор принадлежал отцу Стафиды, а до того – ее деду. Что останавливаются здесь и купцы, и путешествующие по своим делам горожане, и даже иные благородные; большей частью, конечно, жители королевства, но бывают и чужестранцы. Амадей так умаялся за день, что поминутно клевал носом; он не помнил, как добрался до своего тюфяка.

Третий и четвертый день прошли в нескончаемых трудах: Амадей на пару с Горчей пилил тонкие дрова, выколачивал перины, вычистил всю кухонную посуду, перебрал в погребе кучу зимних овощей, ощипал пару куриц, перетаскал уйму припасов из тележки приехавшего мясника, потом разгрузил такую же уйму, привезенную сыроваром. Не сказать, чтобы он надрывался как каторжник, но так работать ему еще не приходилось. Но зато и есть так – досыта и вкусно – ему тоже было в новинку, как и спать в тепле, и учиться грамоте. Поэтому мыслей о побеге у него не возникало; да и признаться честно, у Стафиды ему понравилось.

В кухне он успел осмотреться еще в первый день; к концу четвертого весь постоянный двор был для него своим. Амадей всегда хорошо примечал мелочи, но не терял за ними общей картины; так, он заметил, что у Живоглота слишком длинные клыки и холодный, совсем не собачий взгляд, но при этом пес спокоен, если не сказать грустен, и не склонен демонстрировать свое превосходство перед слабыми.

В общей зале он разглядел, что каминная полка украшена резьбой – вставшие на задние лапы волк, лиса и заяц танцуют среди деревьев, а столы выстроены так, чтобы из-за стойки было видно всех сидящих. Второй, жилой этаж он обшарил во время уборки и теперь знал, что маленькие комнатки все как одна запираются изнутри на прочные засовы, а в общей спальне для слуг тюфяки чисты и набиты свежей соломой. Он запомнил, где самые темные углы, где шаткие ступеньки и из какого окна в случае чего можно выскочить на улицу и не поломать ног.

На пятый день хозяйка после завтрака подозвала мальчика к себе.

-Ну вот что, белыш. Еще пара дней, и здесь от гостей не продохнуть будет. А зимой все голодные, с порога готовы в тарелку залезть. Будешь мне на кухне помогать, думаю, из тебя будет толк.

Она отвела Амадея в кладовку, показала, где какие припасы лежат, в какой бочке пиво, в какой вино.

-А теперь самое главное. – Стафида стояла перед кухонным очагом, как первосвященник перед алтарем. – Зима – время супов. Никто не хочет в холода

грызть салатные листья. Хороший суп согревает утробу и примиряет с жизнью. Но далеко не всякое варево способно творить такие чудеса. Мой двор ни плох, ни хорош, однако же многие постояльцы возвращаются ко мне год за годом, хотя могли бы проехать еще пару миль и заночевать в городе, а там точно пороскошнее будет. Как думаешь, ради чего они заворачивают ко мне?

-Ради вашей похлебки. – Сомнений у Амадея не было.

-Именно так, сынок. А что в ней такого... этакое?

-Она вкусная.

Стафида засмеялась.

-А почему?

-Ну... наверно, потому что вы все делаете, как нужно. И вы обещали научить меня.

-И научу. Смотри сюда. – И хозяйка указала на огромный котел, который сегодня Горча притащил из кладовой и водрузил на решетку над углями. – Это вечный котел. Сегодня мы его наполним, и он будет здесь до весенних пустых дней. В городах уже забыли этот старинный обычай, поэтому и вкусных супов там не найдешь, даже и на королевской кухне. Что толку наливать в серебряную тарелку воду из-под вареных яиц?

Стафида выразительно воздела руки и продолжила.

-Вечный котел держала моя мать, и моя бабка, и прабабка, мир ее праху. Запомни, мальчик, главное правило котла такое: сколько ты из него забираешь, столько же и добавляешь. И никогда – никогда! – не клади в него ничего холодного. Доливаешь воды? Лей кипяток. Кидаешь мясо? Обжарь его на вертеле. Понятно?

Амадей кивнул. Он во все глаза смотрел на хозяйку, даже рот приоткрыл от восхищения.

-Правило второе: из ничего ничего и получится. Горе повару, у которого в бульоне тощее мясо плавает. Основа вечного котла – большой, свежий, толстый кусок говядины. Вот такой.

Хозяйка указала на плоскую плетеную корзину, стоящую на столе; в ней, прикрытый тканью, лежал розово-красный кусок мяса. Она вынула его, аккуратно положила на свежеструганный стол.

-Мыть не надо. – Стафида похлопала ладонью по мясу. – Вырезаем кости. – Она ловко орудовала острым ножом, как заправский мясник. Одну из вырезанных костей хозяйка бросила Живоглоту, остальные сложила в полотняный мешок и разбила деревянным молотком. Завязав мешок, она положила его на дно котла, сверху поместила мясо.

-Вот так. – И Стафида подмигнула мальчику. – Теперь вода. Первая вода должна быть теплой. – И она залила в котел воду из кастрюли, стоявшей на краю решетки.

-А дальше самое легкое, но очень важное – нагревай вечный котел медленно, никакой спешки, никакого кипения, иначе получится суп из мочалки.

Амадей старательно разровнял угли под котлом.

-Теперь, пока котел нагревается до первой пены, займись овощами. Морковь, репа, сельдерей – это все корни, поэтому вычисти их и вымой в двух водах, чтобы ни следа земли на них не оставалось. Одна щепоть земли убьет весь аромат, так и будет суп осенней лужей пахнуть. Луковицы очисти и нашпигуй одну чесноком, и еще две - гвоздичками. Я знаю, что ты их не любишь, а в супе они незаменимы. Да куда ты столько схватил, пары гвоздик на луковицу хватит. Как там котел?

-Даже еще и не горячий, - отрапортовал Амадей.

-Так и должно быть. Теперь беремся за вертел. В этот раз пусть будут курица и кролик. Они уже готовы, в следующий раз потрошить будешь сам. Ощипывать умеешь, молодец. Так вот, берем тушки, надеваем на вертел – и в жар. Не забывай поливать маслом, да аккуратно, иначе польешь не мясо, а угли.

Как раз когда тушки зарумянились, Амадей заметил, что на поверхности воды в котле появились серые хлопья пены; под присмотром хозяйки он снял их шумовкой. После этого Стафида торжественно отправила в суп корни, а вслед за ними – обжаренные тушки, которые Амадей проводил сожалеющим взглядом. Ему казалось, что отправлять такие лакомые кусочки в суп – это кощунство.

-Никогда не жалея для супа мяса, а для камина дров! – провозгласила хозяйка. – Ну вот, мой мальчик, дело почти что сделано. Теперь нашему котлу служит очаг. Слабый огонь, никаких холодных добавок. Здесь он должен пробыть не меньше шести часов – это для первой порции. Потом берем сколько нужно бульона, и мясо можем прихватить, и заправляем так, как сочтем нужным. Можем сварить капустный суп, можем луковый, можем сухарный... Тут свои тонкости, о них в свое время узнаешь. Главное - не забывай возместить котлу то, что забрал.

Она осторожно помешала в котле суповой ложкой.

-И вот еще что. Не знаю, способен ли мальчишка понять такую тонкость, но – как говорила моя бабка, *суп должен улыбаться*. Все время, пока котел стоит на углях, он должен быть доволен и спокоен.

-Суп должен улыбаться. – Повторил Амадей. – Я понял.

В оставшиеся два дня работы тоже хватало, и почти вся она была вокруг еды. Хозяйка пекла лепешки, доставала из погреба горшки с соленьями, бочонки с солониной, Горча проверял краны у бочек с пивом, Амадей же старался везде успеть и ничего не пропустить. На полке, тянущейся поверх очага, уже стояла здоровенная кастрюля капустного супа; Амадей сам трижды доливал туда бульон из вечного котла, потому что перевязанные четвертушки капустного кочана впитывали воду как губка. Одна такая четвертушка на миску, кусок копченой ветчины со дна кастрюли, половник бульона – и жизнь снова прекрасна для промерзшего до костей гостя. Заранее приготовили похлебку с каменной крупой – она и сейчас еще не была готова, вот ночь рядом с вечным котлом простоит, тогда и можно будет подавать, тогда похожие на мелкую гальку зернышки раскроются, впитают аромат кореньев, которых Стафида накрошила вдвое больше против обычного, и лягут в животы едоков нежным теплом. Для лукового супа под столом наготове стояла пара корзин с луковицами, на холоде стыл горшок с жидким тестом для клецек, рядом с ним отдыхало гороховое пюре. И благодно – будто милостивый монарх в день своего рождения – на решетке очага улыбался суп в вечном котле.

В последний пустой вечер они уселись за стол втроем.

-Скажи, сынок, каким богам ты привык молиться? – спросил Горча.

-Просто богам. – Пожал плечами мальчик. – В Шэлоте храмов немного, больше мастерских.

-Удобно, ничего не скажешь. И никто не в обиде, – засмеялся старик. – А здесь мы молимся господину Очагу, чтобы дал нам сил, а гостям – тепла.

-Ешьте, вот вам и вся молитва, – прервала его хозяйка. – Завтра работы привалит, чует моя поясница. Ешьте, и на боковую. Утром чуть свет подниму.

Спустя годы Амадей вспоминал свой первый зимний сезон с ужасом и нежностью.

Как и предсказала хозяйкина поясница, работы привалило, и первые постояльцы появились еще до полудня. И началось. Горча принимал лошадей, отводил их в конюшню, расседывал, задавал корм – и возвращался за стойку, к пивным бочкам и кружкам; особо спешащие оставляли лошадей на привязи, рядом с колодой, полной чистой воды. И все гости, как один, валом валили в общую залу и требовали еды.

«Стафида, душа моя! Я твой капустный суп за милю учуял, так не обмани же меня!»

«Во имя всех богов, мальчик, где ты там копаешься, неси мою похлебку живее! О небо, наконец-то!»

«Хозяйка, неужели ты забыла обо мне? Без твоего лукового супа мне жизнь не мила!»

И Стафида резала луковицы, швыряла их в масло, скворчащее на дне плоского горшка, посыпала зарумянившийся лук мукой, не глядя, добавляла по щепотке соли, перца и коричневого сахара, зачерпывала половник из вечного котла, выливала в лук – и кухню затоплял аромат, и проливался в общую залу, и оттуда несся согласный стон нетерпеливого ожидания. Амадей уже стоял рядом, разложив в миски ломтики поджаренного хлеба. Хозяйка разливала суп, сыпала поверх него щедрой горстью тертый острый сыр, и мальчик доставлял чудо по назначению.

А еще гости требовали пива, подогретого вина, солонины с горохом для слуг, теплую постель (а значит, надо заполнить грелки углями и вовремя положить их под покрывала), еще дров в камин, принести, унести, добавить, долить... Между делом надо было убрать со столов, подмести пол, вымыть посуду, вскипятить воды, ощипать и выпотрошить курицу, поджарить на вертеле добавки для вечного котла, вымыть и очистить корни, натаскать дров, не забыть, как тебя зовут и где у тебя голова, а где – задница.

Где-то через месяц Амадей перестал наставлять себе синяки об столы и скамьи в общей зале и начал различать лица гостей. Движения его стали плавными и уверенными, ушла торопливая суетливость, он лавировал между гостями как белая рыбка среди бурных камней. Работы не убавлялось, просто он перестал ее бояться и постиг стихийные приливы и отливы в жизни постоянного двора. Тогда он втихую вернулся к заброшенной азбуке; Горча помогал ему, и вскоре мальчик смог прочитать слова на вывеске – место, где его приютили, называлось «Копченый хвост». До настоящего чтения Амадею было еще очень далеко, но первые успехи всегда окрыляют, и он при любом удобном случае покрывал грифельную доску кривыми прописями.

Однажды в «Копченый хвост» появился гость, при виде которого Горча поморщился, а хозяйка нахмурилась. Судя по виду, это был моряк – смуглый, жилистый, с походкой вразвалку; он оставил миску с сухарным супом нетронутой, а вот подогретое с пряностями вино заказывал уже в пятый раз, при этом он еще чего-то подливал в кружку из своей фляги. Проходя мимо, Амадей вздрагивал – этот гость был зол как цепной пес, у которого отняли кость; в бытность свою нищим городским мальчишкой он встречал таких людей – обычно их вышвыривали из трактиров с уже в кровь разбитыми лицами, или они спешили куда-то, расталкивая все и всех на своем пути.

Когда выпитое вино возымело свое действие, моряк грохнул кружкой о стол, уставился на раскисшие сухари в забытой суповой миске и заорал – что за от-

раву подают в этой дыре, худшей дряни даже на исходе плавания не бывает, где почет и уважение, заслуженное гостями, деньги дерут, а... Тут он с размаху швырнул миску в стену, выхватил из-за пояса нож и вогнал его в столешницу.

Гости постарались отодвинуться подальше и сделать вид, что ничего не произошло, Стафида у себя на кухне огляделась в поисках скалки. Амадей еще раз прислушался к безмолвному крику, исходившему от моряка, и рискнул.

-Господин! Господин, защитите меня, прошу вас! - Мальчик подошел и встал рядом, заглядывая в глаза гостя. – Хозяйка прибьет меня за битую миску, скажите ей, что я не виноват!

Моряк перевел налитые кровью глаза на мальчишку.

-Чего? А... ну да, кому же еще отвечать, как не самому слабому...

Амадей выдержал тяжелый, мутный взгляд и доверчиво положил руку на стол, рядом с торчащим ножом. Моряк оглядел его и вдруг глаза его прояснились.

-Разрази меня гром, парень, да ты храбрец! А сам... кожа да кости, в лице ни кровинки, в чем жизнь держится! Небось голодом тебя тут морят, знаю я эту породу трактирную, все жилы вытянут... - И он бросил на стол тяжелую серебряную монету.

-А ну, неси-ка еще две миски похлебки! Да поаппетитней этой размазни! И скажи хозяйке, что я без компании не ем, так что ложку себе захвати. – И он захохотал, весьма собой довольный.

Через пару минут они сидели рядом и уплетали ту же похлебку, которой Стафида накормила Амадея в его первый день в ее доме. Поев, моряк посветлел лицом, выпитое горькое вино отпустило его; он достал из-за пояса трубку, кiset и закурил.

-Ну что, так получше будет? – и он подмигнул сытому Амадею.

-Так-то да, будет получше, как сказала кухарка дворецкому, когда он отливал в кувшин для господского вина из своего собственного крана, - и мальчик подмигнул ему в ответ.

Моряк засмеялся, хлопнул мальчика по плечу.

-Покажи мне мою койку, парень, я два дня не спал. – Перед тем, как подняться в общую спальню, он сунул голову в кухню и крикнул:

-Хозяйка! Твою миску я приколотил. Не забудь в счет поставить, да парня своего корми хоть изредка, а то он как привидение бледный!

Стафида покачала головой и вернулась к разделываемому кролику. «Хоть изредка, - проворчала она под нос, - да его поди прокорми, дай волю, вечный котел опустошит и не лопнет!»

Уезжая, моряк подарил Амадею фигурку лошади, вырезанную из кости; нижняя половина у лошадки была рыбьей – длинный, завивающийся в кольцо

хвост, вместо копыт на передних ногах перепонки, и грива переплетена водорослями. Амулет можно было повесить на шнурке, размером он был с амадеев палец.

-Это гиппокамп, - прощаясь, сказал моряк, - придется выйти в море - обязательно надень его на шею.

Весь зимний сезон Амадею пришлось быть и слугой, и поваренком. Самостоятельно он еще не стряпал, но помогал хозяйке во всем. Он научился быстро чистить и резать овощи и корни, постиг тонкости обращения с мясом («Не тискай мясо, Амадей! Не жамкай, это тебе не тесто!»), стал различать пряности, бывшие в ходу у Стафиды. Когда подошел черед зимних праздников и среди гостей стали появляться не только купцы и торговцы, но и целые семьи, хозяйка «Копченого хвоста» прибавила к своим супам сладкие пироги и жареные в масле пончики. Это баловство, сытное и ароматное, расхватывали девушки на выданье, дети и капризные жены. Мужчины себе такое заказывать стеснялись, поэтому воровали у домочадцев, обжигая пальцы и оглядываясь.

Заглядывая Стафиде под локоть, Амадей смотрел, как она сначала замешивает тесто из мягкого сыра, яиц, сахара и муки, доликает туда толику белого вина, а потом макает ложку в теплое масло и отбирает ею кусочки теста, бросает их во фритюр, уминает пальцем, пока не заполнит всю сковороду. Все это отправлялось на медленный огонь, уже под присмотр Амадея, потому что гости требовали еще пончиков, и Стафида замешивала новую порцию теста. Амадей осторожно перемешивал золотеющие на глазах комочки, потом вынимал их на тарелку, поливал вареньем или посыпал сахаром и тащил в зал. Было жарко, но он не жаловался; в доме старьевщика ему приходилось мерзнуть всю недолгую, но все-таки зиму, так что тепло кухонного очага он принимал как награду.

Пришло время самой долгой ночи в году, и по этому случаю Стафида приготовила большущий сладкий пирог из слоеного теста, с вареньем и орехами. По традиции, разрезать пирог должен самый младший из присутствующих в доме, и получилось так, что этим самым младшим оказался Амадей. Под одобрительные возгласы гостей он резал пирог, раскладывал его по тарелкам и раздавал, сопровождая каждый кусок пожеланиями здоровья и удачи.

Одна из останавливавшихся в «Копченом хвосте» девушек – она ехала в гости к своей старшей сестре в компании тетки и служанки – прозвала мальчика «снежок» и была к нему особенно внимательна и ласкова. Когда ей пришлось отложить свой отъезд по причине сильной метели, она уговорила хозяйку дать Амадею день отдыха и все время провела с ним. Они читали вслух, играли в махшит – девушка хорошо, но Амадей еще лучше, поэтому они стали играть на пирожки и мальчик наелся сладкого до отвала – впервые в жизни. Когда со-

бравшиеся у камина задержанные метелью гости заскучали, эти двое затеяли игры, девушка принесла из своей комнаты лютню и принялась петь. Амадей, церемонно поклонившись, пригласил на танец девчушку лет пяти, дочку едущих в Гринстон столичных жителей, довольно-таки чванливых – положение обязывает, сами понимаете. Всю их важность как рукой сняло, когда поваренок и их дочка закружились вокруг стола; вскоре танцевали все гости. Горча танцевать не мог, но свой вклад в общее веселье все-таки внес: он научил всех играть в «кусающего дракона». Для этого на стол поставили котелок, Горча бросил в него несколько горстей крупного темно-синего изюма, налил из дубового бочонка очень крепкой травяной настойки и поджег ее. С криками, визгами и ойканьем гости принялись вылавливать голыми пальцами изюм, пытаясь избежать языков пламени, поминутно обжигаясь, но нимало от того не расстраиваясь.

Амадей старался, чтобы все гости были веселы и довольны; если он замечал, что кто-то из детей, забытых родителями, куксился, он хватал его за руку и тащил в хоровод, или подсовывал плаксе тарелку с пончиками, или жестом фокусника выхватывал из-за пазухи румяное зимнее яблоко. Взрослым он подливал вина, почтенных дам приглашал потанцевать, кланяясь им низко и почтительно, а самый красивый поклон отвесил ки Стафиде, и провел ее под общее пение по всей зале.

Когда гости разошлись, уже ночью Амадей выскочил на улицу, проверить, заперт ли курятник. Небо расчистилось, метель улеглась. Снег устилал землю ровным белым полотном, нетронутым как парадная скатерть в начале обеда. Стоя на крыльце, Амадей проследил цепочку своих следов – и зацепился взглядом за другие, ведущие к окну и уходящие в темноту, за конюшню. Не задерживаясь, мальчик нырнул в тепло дома; на кухне он нашел довольную Стафиду и целую грудку тарелок и кружек возле лохани с мыльной водой.

-Ки Стафида, у нас еще были гости, кажется. – Амадей засучил рукава и принялся за мытье посуды. – Угощались нашим весельем вприглядку. Там следы у окон, кто-то приходил со стороны рощи.

-Да что ты говоришь, - рассеянно ответила хозяйка, отправляя в вечный котел кусок обжаренной на вертеле говядины, - угощались вприглядку... Что?! Следы у окна, ты сказал?

Она выпустила из рук луковицу, положила нож. Амадей еще не видел хозяйку такой озадаченной.

-Как же я могла забыть... а все вы с вашими плясками... Горча! – Хозяйка позвала слугу, высунув голову из кухонной двери. – Горча! Иди сюда немедленно! Ну ладно малец, он городской, они в таких тонкостях толку не знают, но

мы-то с тобой куда смотрели? Ночи длинные, снега по щиколотку, а мы ставни не закрыли, пирога на крыльце не оставили...

Горча почесал затылок.

-Эх... сплеховали, чего уж там. Что, сынок, ты их видел?

-Кого? – удивился Амадей. – Нет, только следы.

-А следы за конюшню шли или обрывались, будто тот, кто их оставил, в воздух взлетел?

-За конюшню шли. – Амадей от любопытства даже рот раскрыл. – А кто это был?

-Хогмены. Холмовиками их еще зовут. – Горча взял небольшой кувшин, налил в него вина, снял с полки целый пирог с вишней и орехами, посмотрел на хозяйку. – Что-нибудь еще?

-Соль на порог, - напомнила она. – И ножи перед входом в конюшню и в свинарник. Вот еще хлопоты на ночь глядя... а все сами виноваты. Амадей, оставь посуду, иди, помоги Горче.

Амадей взял коробочку с солью, пару ножей и они пошли исправлять упущенное.

Сначала отправились в конюшню. Подходить к следам Горча отказался наотрез и мальчика тоже не отпустил.

-Не хватало еще, чтобы ты в их след наступил. И не спрашивай меня пока о них, будь они благословенны, - и он плюнул через левое плечо.

В конюшне Горча поправил висящий у входа пучок душистых трав и прошел вдоль всех стойл, проверяя лошадей. Уходя, он положил у порога нож острием ко входу. То же самое старик повторил на скотном дворе, а еще велел Амадею перевесить поближе ко входу курятника белый камень с дырой посередине, висевший до того в углу. Вернувшись на крыльцо, Горча разгреб снег рукой и поставил на доски кувшин с вином и сладкий пирог на тарелке. Потом отступил на пару шагов назад и просыпал на порог соль тонкой белой линией. Запирая дверь, Горча оглянулся на стоящего рядом Амадея, просто лопающегося от незаданных вопросов, и, не раздумывая, вынул из висящих у пояса ножен нож и положил его на пол, острием к двери.

-Ну вот. Прощения попросили, во входе отказали. Пойдем-ка на кухню, тебя там посуда ждет.

Пока Амадей домывал посуду, старик пошарил на верхней полке, достал оттуда несколько пучков сушеных трав и отобрал с десятков стебельков. Половину хрупкого пучка он отправил в кухонный очаг – травы затрещали, дым запах чем-то горько-сладким – а вторую половину отнес в пустую общую залу и бросил в догорающий камин. Вернувшись в кухню, Горча налил в кружку темного

пива, сыпанул туда мускатного ореха, добавил немного меда и поставил на угли. Выждав, пока пиво согреться, взял кружку, сел на скамью, поближе к огню.

-Вот теперь спрашивай.

-Кто такие эти холмовики?

-Сынок, неужели в городах совсем ничего не знают о народе холмов? – в свою очередь удивился старик.

-Я не знаю.

-А кем тебя матушка пугала?

-Палкой. – Пожал плечами Амадей.

-Вот оно как. – Горча отхлебнул из кружки и протянул ее мальчику. - Угощайся, но умеряй порывы, тут нужна привычка. Сынок, на ночь такие разговоры не ведут, неровен час, услышат и пожалуют сами... давай я завтра тебе все расскажу?

-Забудешь ведь. Дел по горло, не до разговоров. Ладно уж, завтра так завтра.

Наутро, вскочив чуть свет, Амадей побежал проверять вчерашние ухищрения. Нож так и лежал у дверей, полоска соли тоже оказалась нетронутой. А вот пирог исчез, и кувшин тоже был пуст. Снова шел снег, вчерашние следы замело, новых Амадей не увидел; в курятнике все было тихо, а вот из конюшни мальчик вылетел как ошпаренный и помчался в дом.

-Ка Горча! Вы не поверите! Там у всех лошадей гривы заплетены в косы – причем только на правую сторону, да так красиво!

-На правую, говоришь? Пойду сам проверю, - вернувшись, Горча довольно улыбался. – Хорошие пироги Стафида печет, даже холмовиков задобрила. Скажу хозяевам, чтобы не расплетали подольше - лошадь не будет болеть, пока эти косы целы. Как только они войти смогли, даже нож им не помешал... Хвала богам, вовремя ты следы заметил. Они наверняка за своими в холм пошли, думали, что вернуться и дел наворотят – а тут им такое угощение выставили! Ну, они и сменили гнев на милость. – И старик потрепал Амадея по голове.

Он все-таки сдержал свое слово, и когда выдалась свободная минутка, рассказал мальчику о малом народце – тихо, вполголоса, перемежая рассказ похвалами и благодарностями в адрес холмовиков.

-Росту они то малого, то высокого, нрава вздорного... то есть славного, доброго! Живут в холмах испокон века, думаю, они тут еще до первых людей были. Любят старинный уклад, знают лечебные травы, могут и советом помочь, если знаешь, как его спросить. Но лучше держаться от них подальше, уж очень они норовистые... то есть мудрые и благородные! А уж слух у них – как паук паутину прядет, и то услышат.

-А что они любят?

-Лошадей любят. Порой берут на ночь, покатаются... главное, чтобы вернуть не забыли. Гривы вот им заплетают, ну, это к добру. Любят зимой сладко поесть, а летом – молока выпить. Пошутить любят... - Горча покачал головой. – Но люди их шутки плохо понимают; и то, сложно что-то понять, увязая в болоте или плутая вокруг трех деревьев целый день.

-С ними можно подружиться?

-Вряд ли, сынок. Как дружить, когда для них что твое – так то и их, а что их – нипочем не отдадут. Запомни, три вещи у них острые: уши, язык и глаза, три длинные: память, годы и одежда, а три зеленые: зубы, волосы и кровь. Они не всегда все сразу показывают, но что-то одно уж точно на виду. Хватит на сегодня таких разговоров, да и хозяйка тебя уже второй раз зовет. Беги-ка на кухню, малец.

Надо ли говорить, что при первой же возможности Амадей помчался в старую рощу, искать вход в жилище таинственных холмовиков. Ничего он, конечно, не нашел, только замерз и начерпал полные башмаки снега; но прихваченный с собою сладкий пирожок все-таки оставил на камне, на который обычно ставил корзину с выполосканным бельем.

В воспоминаниях первая зима в «Копченом хвосте» виделась Амадею как нескончаемый и оттого утомительный праздник. Почти каждый день нес с собой открытия, будь то новая кухонная премудрость или новый постоялец. Большей частью люди были добры к мальчику, потому что он точно угадывал, чего они хотят; гость еще и пары слов не успевал выговорить, а Амадей уже знал, куда его усадить – в угол потемнее или поближе к шумной компании, нести ли ему воду для мытья рук или лучше сразу миску супа, с кем можно и пошутить, а с кем лучше придержать язык для лучшей его сохранности.

Однако иногда попадались и такие гости, с которыми даже он не мог сладить. Угодить им было невозможно, они будто сами не желали быть довольными; обслуживая их, мальчик учился быть немым невидимкой.

Каждый день Амадей кружился в хороводе дел и забот, иногда спотыкаясь, иногда теряя ритм с непривычки, но каждый раз легко возвращаясь в общий круг. Он все чаще с любопытством прислушивался к разговорам постояльцев. Чаще всего они обсуждали дороги и торговлю, цены на рыбу и налоги, но порой и семейные дела, и политику.

Зима подошла к концу, дни заметно выросли, ночи стали сырыми и зябкими, дороги совсем раскисли. Долго ли, коротко ли, а подошли весенние гнилые недели. Поток постояльцев иссяк, кладовая изрядно опустела, Стафида выдохнула

с облегчением и тут же пригрозила сезонной уборкой, большой стиркой и прочими радостями.

В один из первых весенних дней Амадей отправился на речку, уже привычно волоча за собой корзину белья, от которого еще валил пар. Он ловко привязал веревку к дереву, прицепил на нее тяжелые простыни и опустил их в воду. Когда он прошел с десятков шагов вверх по течению, то внезапно его бельевая флотилия утратила спокойствие, и веревочный конец задергался в руках мальчика. Недоумевая, он вернулся вниз и увидел, что веревка отвязана от дерева, а несколько простыней отцеплены и, кружась, уплывают в неведомые дали.

Не раздумывая, Амадей влетел в воду, оскальзываясь на камнях, замирая от холода, поймал простыни, схватил в охапку все белье, плавающее вокруг него смятенной стаей, и потащил его на берег. Там он свалил мокрую грудку наземь, перевел дух... и чуть не упал, обернувшись на залиvistый хохот.

-Посмотрите-ка на него! Амадей - капитан простыней! Хо-хо!

На высоком камне сидел человечек ростом с кошку, одетый в красный колпак и зеленый камзол, в руке он держал одну из украденных прищепок, а кончики его острых, длинных ушей шевелились как у кролика.

-Что, искупался? Понравилось тебе водица?

-Холодно еще для купания, - Амадей шмыгнул носом. – Я что-то не так сделал, господин?

-Ишь ты, холодно ему! А вот не приходи без угощения! А то принес один пирожок и думает, что ему тут за так помогать будут... Вот уж дудки! - Холмовик подпрыгнул и исчез за деревьями. И уже откуда-то из-под земли донеслось:

-Вкусный пирожок был! Принеси еще!

Глава третья, в которой герой и его друзья видят волка, лису и зайца

Весенние гнилые недели (а было их две) оказались под завязку наполнены хлопотами. Предзимняя уборка по сравнению с весенней оказалась легким развлечением. Хозяйка сначала перевернула весь «Копченный хвост» с ног на голову, одна половина вещей была выволочена на двор, другая - сдвинута в угловатые островки, повсюду валялся мусор, ореховая шелуха, забытые гостями мелочи. Мужчины, включая Живоглота, молча страдали, не смея возвысить голос и призвать Стафиду к порядку, поскольку именно о порядке она и пеклась.

Первыми делом было пересмотрено все движимое имущество; поломанное починили, разобрали старье («Такое даже мой папаша своим крюком бы не стал цеплять»), - после таких слов Амадея хозяйка нашла в себе силы расстаться с изрядной долей хлама, загромоздившего чердак), пересчитали исправное. Потом Стафида принялась за сам дом. Горча и Амадей как смогли вычистили дымоходы, перемазавшись жирной сажой; ловкий мальчик, лазая как обезьянка, обмел высокие углы и потолочные балки от паутины. Стафида натерла воском деревянные панели, которыми были обшиты стены общей гостиной, и они засветились мягким теплым цветом янтаря. Окошки в доме день-деньской были открыты нараспашку, и свежий ветер выдувал остатки зимней духоты. В свой черед были намыты окна в частых переплетах, выметены полы, выколочены тюфяки и покрывала, выскоблены деревянные столы, до блеска начищена каминная решетка... Мужчины уже были готовы на коленях просить пощады, но Стафида, видимо, почуяв их отчаяние (Живоглот вообще ушел жить на конюшню), объявила, что довольна и разрешила им полдня отдохнуть. По правде сказать, через полчаса она передумала и погнала их затаскивать выставленные для проветривания пожитки в дом и расставлять все по своим местам.

Понемногу все возвращалось к первоначальному порядку, умытый и проветренный дом будто помолодел. В одно прекрасное утро Горча позвал Амадея с собой в сад. Обширного хозяйства Стафида не держала, предпочитала покупать зимние припасы у крестьян, но грядкам под травы и кое-какие летние овощи отвела немного места в саду.

Сад примыкал к дому; несколько рядов плодовых деревьев, в основном яблони, ограничивали его периметр. За ними в беспорядке теснились несколько разросшихся кустов, пара-тройка ореховых деревьев, какая-то ползучая мелочь – Амадей понятия не имел, как вся эта растительность называется. Горча вручил ему лопату и поручил вскопать грядки; признаться, эта работа вызвала у мальчика наименьшее рвение со времени его появления в «Копченом хвосте». Старик присел рядом на деревянный обрубок, разбирая в плетеном коробе мешочки с семенами.

-Ка Горча, а на что похожа война?

-Какая именно? – Горча глянул на мальчика единственным глазом. – Копай глубже и комья разбивай.

-На которой ты был.

-Разве я был на одной войне, белыш? Впрочем, из всех них только одна была хороша – та, что не началась. Король тамошний как-то внезапно помер, а наследник предпочел худой мир доброй ссоре. Так что не успели наши корабли причалить к их берегам, как нас обратно развернули.

-Вот это облом.

-И не говори. А все остальные, сынок... все остальные были похожи на кошмар, от которого просыпаешься, недосчитываясь чего-то очень привычного. Например, руки.

-Тебе было страшно? – Мальчик перевернул лопатой пласт жирной красноватой земли.

-Еще как. Потом, когда начиналась самая заваруха – тогда не до страха становилось, но вот до и после – такого страха натерпишься, что хоть в собственные башмаки прячься. А ты зачем спрашиваешь?

Амадей выпрямился, отставил лопату.

-Мне интересно.

Горча покачал головой. В саду было тихо, только птицы пересвистывались в начинающих зеленеть ветвях. Пахло просыпающейся землей и прошлогодними листьями.

-Очень интересно, каково тебе там пришлось. Ты ведь многое повидал, да?

-Чересчур многое. Не нужно тебе об этом знать. Мал еще.

Больше мальчик ни слова не вытянул из старого солдата. Горча охотно рассказывал ему обо всем, что знал и видел – о лошадях и об охоте, о чужеземных обычаях и о дальних городах королевства, даже – с оглядкой и шепотом – о холмовиках и их причудах, но только не о войне.

Вскоре по давней договоренности к дому госпожи Стафиды подкатила повозка бакалейщика, за ним пожаловал мясник (впрочем, его поклажа была вдвое меньше осенней). Кладовая вновь заполнилась припасами, но вечный котел остался на верхней полке.

-Пусть отдыхает. – Стафида критически оглядывала привезенные из ближайшей деревни круги сыра. – Пришло время пасты и открытых пирогов. Ну и горох для слуг никто не отменял, так что кое-кому пора приниматься за работу. Мешок гороха сам себя не вылушит.

Через несколько дней в «Копченный хвост» начали прибывать новые постояльцы, и недостатка в них не было. Кроме путешествующих по торговым или

личным делам, на постоянный двор заезжали и просто прогуливающиеся в окрестностях Шэбота богатые горожане. А на исходе мая прибыли гости, которых Амадей еще долго потом вспоминал.

На двор въехала карета, запряженная парой крепких буланых лошадок. Первым из кареты вышел мужчина – высокий, легкий в движениях, с аккуратно подстриженной небольшой бородкой. Одет он был на первый взгляд скромно, но что-то в его одежде насторожило Амадея – сына мусорщика, все-таки. Многие вещи, недоступные его сословию, были ему знакомы, так сказать, в их вещевом посмертии, в их второй помоечной жизни - когда-то богатые и роскошные, они являлись ему жалкими и убогими. Однако даже при стертой позолоте свиная кожа никуда не девалась, и мальчик научился различать такие тонкости, как изящество линии, плотность ткани, пытаясь постигать по обломкам красоты изначального замысла. Так вот, одежда приезжего при ближайшем рассмотрении оказалась куда более хороша, чем это ему пристало. Глаз Амадея оценил ровную и плотную окраску сукна, пересчитал все пуговицы на котте – литые! И каждая на своем месте! Башмаки застегнуты на пряжки, никаких тебе шнурков, одним словом, приезжий обращал на себя внимание – но только тех, кто понимал толк в качестве и не обманывался павлиньими перьями, прячущими обыкновенную куриную гузку.

Мужчина помог выйти из кареты жене; Амадей успел только разглядеть, что дама одета под стать своему мужу и за ней толкаются двое: мальчик лет двенадцати и девочка лет десяти, как его окликнула хозяйка, и он поспешил открывать самую большую гостевую комнату, с двумя кроватями и окном в сад.

-Рад новой встрече, кирия Стафида. Мы вот собрались на ярмарку в Шэбот, - приезжий вошел в дом и поклонился хозяйке. – За нами едут друзья, мыждемся их здесь.

-Почту за честь, кириос Тавма, - хозяйка радушно закивала. – В добром ли здравии семейство?

-Хвала богам, - мужчина оглянулся: Горча с помощью слуги снимал с лошадок упряжь и уводил их на конюшню. – А вы все вдвоем управляетесь?

-Нет уж, у меня пополнение. За ужином разглядите, мэтр. И распробуете. Этот паршивец за плитой и года еще не простоял, но как управляется с открытыми пирогами – мое почтение!

Стафида не лукавила; действительно, Амадей очень легко нашел общий язык с тестом. Как холода помогли ему понять душу супа и научили добиваться улыбки от вечного котла, так весна - бурлящая, беспокойная, пышущая жизнью – открыла мальчику тайны поднимающегося, ворочающегося в миске теста. Амадею нравилось замешивать его, обминая пухлые бока, вдыхать сытный,

чуть кисловатый запах. Они с мукой были одного цвета, возможно, именно поэтому понимание было таким полным и взаимным. За пару месяцев мальчик научился работать и с пресным, и с дрожжевым тестом; в его исполнении мякиш получался ноздреватым, корочка хрустела, а за крошки курицы дрались насмерть.

Вечером Амадей смог разглядеть семью Тавма за ужином. С отцом семейства ему все стало ясно, когда он увидел, как Ясон Тавма улыбается: сначала робко, одним уголком рта, будто пряча свое веселье в бронзовой бороде, а потом вдруг во весь рот, открыто и чисто. Его жена была при нем и за ним, но судя по ее спокойным и уверенным манерам, в доме с ней не то что считались, а, пожалуй, и беспрекословно повиновались. Что касается детей, то старшего Амадей сразу прозвал про себя «минотавриком» - высокий, плечистый, с крупной головой мальчик посматривал по сторонам несколько надменно, что, впрочем, не мешало ему уплетать пирог, растягивая сыр горячими вожжами. Младшая поначалу не привлекла амадеева внимания – подумаешь, какая-то девчонка, на что там смотреть?

Отужинав, дети принялись за игру, которой Амадей прежде не видел. Усевшись напротив друг друга, они растянули на растопыренных пальцах рук крепкую, толстую нить и принялись как-то чудно сгибать пальцы. Нить сплеталась в узоры – сначала простые, потом все более затейливые; сначала брат с сестрой играли поодиночке, потом принялись плести общий узор – и вот тут-то девчонке и досталось на орехи. Братец с ней не церемонился, «черепашка» и «криворучка» были самыми лестными прозвищами, которыми он ее награждал. Пробежавший мимо с кувшином вина Амадей углядел, что девчонка закусил дрожащую нижнюю губу, но сдаваться не собирается. Ясон Тавма, заметив, что она явно не поспевает за братом, встал, подошел к дочери и, взяв ее пальчики в свои руки, помог им пройти все петли и зацепы упражнения. А потом он отодвинул ее в сторону, сел напротив сына и растянул тренировочную нить уже на своих пальцах. Через минуту «минотаврик» намертво запутался в нитке, получил от отца добродушный щелбан по крутому лбу, покраснел и стушевался.

Улучив минутку, Амадей подошел к нему и спросил:

-Это у тебя игра такая или наука?

-Скажешь тоже, игра! – Отозвался мальчик, ожесточенно дергая нить. – Посмотрел бы я на тебя, будь у тебя такие игры! Слушай, - он понизил голос, - а можно мне еще того пирога с сыром и зеленой дрянью, эта треклятая нитка все силы забрала!

-А Ставрос ругается, - подала голос сидящая рядом девочка.

Амадей взглянул на нее – ишь ты, ябеда. Поймав его взгляд, девочка сделала такое лицо, будто она королева в изгнании, а они – ее злобные гонители. Она была вся такая чистенькая и аккуратная, что кого хочешь могла ввести в заблуждение; но только не Амадея – уж он-то знал, чего стоят все ее манеры, поскольку еще днем застукал девчонку за хлебом, где она швырялась камнями в навозную лужу.

-Эта зеленая дрянь – шпинат, - сообщил Амадей. – А ты хочешь еще пирога, малявка?

-Меня зовут Кьяра Тавма, - с достоинством сообщила девочка. – Еще как хочу, Ставрос у меня половину куска откусил!

-Жадина, - буркнул ее брат, сматывая нитку.

-Погодите, я мигом, - пообещал Амадей и вихрем умчался на кухню.

Отрезать сколько нужно от большого бесформенного куска теста, отдыхающего под полотенцем в глиняной миске, было делом минуты. Потом тонко раскатать в круг деревянной скалкой, смазать соусом из сваренных с мукой и перцем сливок, нарубить пучок шпината, смешать с молодым, мягким козьим сыром и раскидать по тестяному кругу. Посыпать сверху острым сыром и добавить от себя хлебных крошек – с ними пирог будет хрустеть еще лучше. И всего делов. Десять минут на столе и пять в печи.

-Ешьте, - Амадей поставил перед гостями пирог. – Пока горячий, самое то.

-Дети! – Госпожа Тавма обернулась, прервав тихий разговор с мужем. – Вы опять за еду?

-В маленьких печках дрова сгорают быстро, - улыбнулся Ясон Тавма. – Пусть едят.

Пока брат с сестрой уминали пирог, Амадей поинтересовался:

-А зачем вы упражняетесь с ниткой? Ловко у вас получается, ничего не скажешь. Я такие пальцы только у карманников видел, когда еще в Шэлоте жил.

-Мы – гобеленщики, - с гордостью сказал Ставрос набитым ртом. – Отец самый лучший в нашем ремесле - я думаю, что не только во Влихаде, а и во всем королевстве не найдется ему равного!

-Да, это так и есть, - кивнула его сестра.

-Так вы южане, из Влихады... А гобелен это ковер такой?

-Гобелен – это картина. Только написана не красками, а выткана нитями. – Брат сцапал последний кусок пирога. – Мы тренируемся с ниткой, чтобы пальцы были ловкие и гибкие, иначе только и будем годны, что основу натягивать.

-Все начинают с основы, Ставрос, - гобеленщик подошел к детям. – И нечего этого стыдиться. Вам пора спать, иначе вы съедите все, что есть в этом доме. А ну, марш наверх!

На следующий день в «Копченый хвост» пожаловали компаньоны семьи Тавма: торговец шерстью с женой и сыном лет десяти. То, как они держались с гобеленщиком, выдавало их с головой: мамаша сюсюкала с Кьярой (девочка терпела, сколько смогла, а потом сбежала и спряталась в курятнике), заискивала перед Ясоном и его женой, восхищалась ростом и разумностью Ставроса, сам торговец поминутно хлопал мальчика по плечу и подмигивал ему. Ясное дело, они напрашивались не просто в компаньоны, а желали породниться.

-У этого червяка лучшая шерсть на юге, - сокрушенно пояснил Ставрос Амадею, улучив минуту и забежав к нему на кухню. – Поэтому отец с ним компанию и водит. Ненавижу его. Видел бы ты, как он с фермерами разговаривает: слова через губу цедит, с лошади своей пузатой не слезет – того гляди, герцогскую цепь на грудь вывесит, торгаш паршивый.

-А Ставрос ругается, - раздался из-под стола голосок Кьяры.

-И давно ты тут? – спросил ее брат, вытаскивая за руку на свет божий.

-Давно. В курятнике темно и скучно. А в зале дама Вермис засела со своим сыночком, небось, сразу примется его ко мне подсылать.

-А, твой женишок! Ай! – Сестра ущипнула брата за ногу с вывертом, умело и безжалостно. – Ну прости, не буду больше!

Тут детей позвал отец, и они поплелись в общую залу, ужинать. И вот тут Амадею пришлось побегать – у ка Вермиса претензий оказалось побольше, чем у некоторых знатных персон, бывавших у Стафиды проездом. Начал он с того, что потребовал воды для омовения рук, потом отодвинул тарелку с пастой – мол, недостаточно горячая, потом позвал хозяйку и принялся диктовать ей собственный рецепт соуса к рису, ибо подаваемый ему не годился. Стафида выслушала, ушла на кухню и приготовила то, что потребовали. «В соусе ложка должна стоять! – передразнивала она гостя, помешивая в кастрюльке. – Кое-что другое стоять должно, господин, бог с ней, с ложкой! Вкусный соус льется как жидкий бархат, а тут... ну и замазка, хоть кусками накладывай!» Жена торговца продолжала лебезить, их сын просто молча ел, не поднимая глаз, – кажется, ему тоже не нравилось эта комедия.

Заканчивая трапезу, Вермис отведал сладкого хрустящего печенья, отхлебнул вина – и наконец-то одобрительно покачал головой. «И всего делов, - про бурчала в кухне Стафида, - выпил бы сразу, глядишь, меньше бы вони развел. Соус мой ему не понравился...»

-А как вы полагаете, Ясон, хорош ваш новый картоньер или предыдущий был лучше?

-Хорош. Предыдущий был неплох, но с цветом чересчур осторожничал. Всегда говорил – у вас же всего пять цветов нити, мэтр, как вы будете со сложными оттенками работать?

-Чтобы ты знал, сынок, - наставительно обратился Вермис к сыну, - мэтр Тавма может передать триста оттенков! Вот где истинное мастерство!

Его сын изобразил на лице почтение, а когда отец отвернулся, закатил глаза, сведя их к переносице. Кьяра фыркнула, Ставрос скорчил рожу.

-Но все-таки, Ясон, согласитесь, что изображать на гобеленах сцены жизни народа холмов (тут Амадей наострил уши) – это как-то несолидно. Особенно если учесть, что перед этим вы сделали серию с королями древности...

-Поверьте, Вермис, как раз в ней фантазия очень пригодилась моему картоньеру! Сами посудите - про короля Насир ад-Дина было известно только то, что двести лет тому назад он привел из Шаммаха такой флот, что даже залив Метони не смог вместить его, а борода его была чрезмерной даже для шаммахита. И что тут изображать, я вас спрашиваю? Стоит некто на палубе корабля и выглядывает из собственной бороды как из куста?

Сын Вермиса засмеялся, но, поймав взгляд матери, оборвал смех и принялся возить по тарелке рис с комками соуса.

-А гобелены с маленьким народцем заказал для детской комнаты граф Ногарола – и если сказки не для детей, то для кого они вообще?

-Ну не скажите, Ясон. Это все молодая графиня чудит. Для наследника дома Ногарола стоило изобразить прославленных полководцев, сцены сражений... что-нибудь героическое!

-Отрубленные головы и вспоротые животы, - проворчал за стойкой Горча.

-Мне жаль, что вы растрчиваете свое мастерство на подобные безделицы, - продолжал сокрушаться Вермис. – Того гляди, простонародные побасенки возьмете за сюжет! Вот хоть такую нелепицу! – И он указал на каминную доску, где в согласном танце кружились лесные звери.

-Какая прекрасная нелепица! – Ясон встал и подошел к камину, чтобы разглядеть резьбу. – Ставрос, Кьяра, посмотрите, как искусно резчик запечатлел движение – лиса изогнулась, хвост ее тянет вбок, а заяц ей лапу подал...

Возможно, спор о том, подобаает ли искусству изображать низменные предметы вроде зайца, на этом бы и закончился. Но когда детей погнали спать, сын торговца бросил в сторону Ставроса и Кьяры:

-Мой отец, может, и не художник, но он прав. Сражения и короли лучше продаются. А волк не станет танцевать с зайцем. Любой дурак знает, что он его слопают.

-А вот и нет! – Кьяра упрямо вздернула подбородок. – Наш отец говорит, что у мира для нас много историй.

-И в одной из них волк, лиса и заяц танцуют, будто крестьяне на празднике урожая?– Ухмыльнулся сын торговца.

-Именно так. – Амадей собирал со стола посуду и не удержался. – Я это своими глазами видел.

Младший Вермис не удостоил его и словом, махнул рукой и ушел в комнату к матери. А вот дети гобеленщика остались.

-Ты это соврал, чтобы вислозадого позлить? – Умение обходиться без обидных кличек Ставроосу было неведомо.

-Нет. Я сказал правду. – Амадея будто подхватил обжигающе ледяной поток, и останавливаться он не собирался. Он произносил заведомую ложь, всей душой ощущая, что это – правда.

-А можно и нам посмотреть, хоть одним глазком? – Кьяра стиснула кулачки, прижав их к груди. – Пожалуйста! Можно?

-Можно. Ставрос?

-А я что, мне за сестру отвечать. – Он недоверчиво пожал плечами. – Она все глаза выплачет, если ее не пустить. А сестра мне нужна, должен же кто-то за мной узелки обрезать.

-Тогда ждите, когда позову. А на сегодня – доброй ночи.

Подобные обещания выполняют, чего бы это ни стоило. Амадей понимал это, и, как ни странно, его это совсем не пугало. Он спокойно закончил все положенные дела и, улучив момент, выскользнул за дверь. Он знал, куда ему идти и кого просить об одолжении.

Когда Амадей добрался до рощи, уже совсем стемнело; лиловые тени окутали деревья, от речки поднимался туман. Мальчик положил захваченный кусок пирога на камень, отошел на пару шагов назад. Стоило ему моргнуть, как пирог исчез, из-за камня раздалось хихиканье и что-то мелькнуло меж стволов. На этом все волшебство и закончилось. Амадей стоял, переминаясь с ноги на ногу, и с каждой минутой чувствовал себя все глупее и глупее. Он уже собрался уходить, как вдруг за его спиной раздался голос.

-Какой отважный юноша! – Это был не знакомый ему голос хогмена, скрипучий и ехидный, о нет, звучащий голос был совсем иным - нежным, прозрачным, мелодичным... только отчего-то у Амадея затряслись поджилки и перехватило дыхание. И он не стал оглядываться.

-На исходе мая, в ночь полной луны, пришел он в старую рощу, полную теней и шепотов. – За спиной засмеялись, будто рассыпая пригоршню хрустальных бусин. – Исполненный храбрости, он принес жертву страшному чудовищу, что обитало в полем холме.

-Ну уж и чудовищу, - не выдержал Амадей. – Господин холмовик оказал мне честь отведать испеченного мною пирога.

-Хорошо сказано, мальчик. – Голос переместился куда-то влево, в сторону реки. – Но ведь ты пришел сегодня не просто так, верно? Чего ты хочешь от народа холмов?

Амадей озирался, безуспешно пытаясь разглядеть говорившую с ним.

-Меня ищешь?

Сумрак вспыхнул прямо перед глазами мальчика и он зажмурился изо всех сил, а когда осторожно открыл глаза, то увидел, что на верхушке камня сидит девушка. Ростом как обычная человеческая девица, но всем остальным... Ее длинное платье ниспадало легкими складками, открытые плечи и руки светились в лунном свете, на ножках красовались остроносые туфельки, а на голову вместо шапочки был надет большой белый цветок. О лице красавицы Амадей ничего не мог сказать, поскольку она прятала его в тени цветочных лепестков. Он видел только ее волосы – длинные, перевитые серебряными лентами и жемчугами, темные как вороново крыло.

-Кто ты? – Шепотом спросил Амадей.

-Я - госпожа цветов. Как можно этого не знать, тем более, такому как ты, - вздохнула девушка.

-Какому такому? – Не понял мальчик.

-Такому... белышу! – Поддразнила его девушка. – Ну, говори, зачем пришел?

-Я хотел попросить малый народ показать мне и моим друзьям, как танцуют заяц, лиса и волк.

-Друзьям? – Переспросила она. – Или твоей маленькой подружке?

-И ей тоже. – Не стал спорить мальчик.

-Я могу отвести им глаза, и они увидят то, что ты хочешь им показать. Но тебя зачаровать намного сложнее – если только ты сам добровольно не поддашься. Ты хочешь увидеть танец зайца, лисы и волка?

-Очень хочу.

-Хорошо. Приходи завтра под закат в лес, что за рекой, только не заходи далеко от опушки. Друзьям своим скажи, чтобы шли за тобой след в след и не шумели. Спрячьтесь в старом можжевельнике, что растет вокруг большой поляны. Будет вам танец.

Амадей кивнул. Подумав, он спросил:

-Как я могу отблагодарить тебя?

-Сейчас – никак, - засмеялась госпожа цветов, приподняв голову, и мальчик успел увидеть тень ее улыбки. У него внезапно заныло сердце, и закружилась голова. – Но когда-нибудь ты непременно отблаговаришь меня, Амадей. Не бойся, я не забуду о твоём долге. А сейчас уходи. Все имеет свои пределы, и мое терпение тоже. Убегай, мальчик.

На следующий день дети едва могли дождаться назначенного времени. Едва солнце начало клониться к западу, они потихоньку выскользнули из дома и побежали мимо конюшни, по тропинке, ведущей к старой роще. Там они перешли по камням реку и направились в сторону леса. Идти было недалеко, и вскоре они вступили в тень высоких деревьев. Кьяра подошла к Амадею и взяла его за руку.

-Идем? – Она заглянула ему в глаза, улыбнулась, отчего ее короткая верхняя губка забавно приподнялась. – Ты же знаешь, куда?

-Знаю. – Амадей улыбнулся в ответ. Ему было так весело, как не было никогда в жизни.

-Не хватало еще, чтобы ты потерялась. – Ставрос взял сестру за другую руку. – Ну, пошли, что ли. Пока ваши звери не разбежались. – Кажется, сумерки настроили его на более доверчивый лад, и он больше не сомневался в словах Амадея.

Они шли по весеннему лесу, держась за руки, молча; мальчики старались приспособить свои шаги к шагам Кьяры, из-за чего то и дело спотыкались. Девочка озиралась в немом восхищении – она никогда прежде не бывала в настоящем лесу, где живут олени и разбойники, где деревья выше неба, а шаги глушит опавшая листва. Вскоре они дошли до указанного места. Ставрос нашел удобное местечко, где они устроились втроем, укрытые колючими темно-зелеными ветками. Время шло, дети терпеливо ждали обещанного чуда. Наконец, Ставрос разочарованно фыркнул.

-Так я и знал. Все это вранье... - и осекся, стиснув руку сестры.

Из-за дерева с противоположного края поляны вышел заяц. На двух задних лапах, неторопливо, поглядывая по сторонам.

Тихо ахнула Кьяра, прижав ладошку к щеке. Слева на поляну выходила лиса, точно так же, как и заяц – на двух лапах, подметая пышным рыжим хвостом листву. Следом за ней появился волк. Амадей скосил глаза – у Ставроса был раскрыт от удивления рот, а ресницами он хлопал так, что даже слышно было.

Звери прошлись по поляне, раскланялись друг с другом. Из-за старой, поваленной временем сосны вышли еще три зайца: у одного из них в лапах был барабан, у второго – ребек, у третьего – флейта. Музыканты уселись на лежащем дереве и заиграли, да так ладно, что не всякий человек сумеет. Барабан глухо отбивал ритм, ребек пронзительно вел мелодию, флейта украшала ее затейливыми переливами.

Волк, лиса и заяц взяли за лапы и начали танцевать. Поначалу они просто водили хоровод, притоптывая и меняя направление хода. А потом, когда музы-

канты разыгрались, усложнился и танец. Звери сходились и расходились, отвешивали друг другу поклоны, подпрыгивали и вертелись.

Дети пребывали в таком восторге, какой словами выразить невозможно; ожившая сказка танцевала рядом с ними.

Наконец, мелодия начала стихать. Танцоры остановились, поклонились друг другу и музыкантам и удалились с поляны; вслед за ними ушли и зайцы-музыканты. Поляна опустела, тихим пологом опустился весенний вечер.

-Дома никогда в жизни не поверят, - выдохнул Ставрос.

-Вряд ли тебе стоит рассказывать об этом, - резонно заметил Амадей.

Тут послышался тихий всхлип, и оба мальчика посмотрели на Кьяру: она сидела на земле, и вид у нее был разнесчастный.

-Эй, ты чего?

Вместо ответа девочка горько заплакала.

-Я хочу потанцевать с ними! Почему они ушли так быстро?

Мальчишки переглянулись – и как, спрашивается, можно угодить такому созданию, чьи желания рождаются быстрее ветра?

-Не плачь, - Амадей потянул девочку за руку, поднимая с земли. – В другой раз будешь смелее.

-Пойдем-ка обратно, - Ставрос отряхнул листья с одежды. – Темнеет уже.

Они вернулись той же тропой; Кьяра после совета Амадея успокоилась, повеселела и напевала услышанную мелодию. Вскоре ей вторили оба мальчика. Они пели лесную песню, уходя с опушки, прыгая по камням, брызгаясь речной водой, пели и не могли остановиться – так хороша была мелодия. И вслед за ней к детям стали приходить слова – незамысловатые, простые, как и полагается словам истинной сказки.

-Я видел волка! – Вопил Ставрос, размахивая подхваченной с земли палкой, как мечом.

-Лису и зайца! – Вторила ему сестра, подпрыгивая на ходу.

-Они плясали в ночном лесу!

-Все так и было, не сомневайся!

-Я видел волка, зайца, лису!!!

Амадей вдруг остановился, прислушался к чему-то и пропел разом целый куплет, обращаясь к девочке:

-Век не забудет чудо узревший:

Звери вокруг древа ведут хоровод!

Волк, и лисица, и заяц потешный –

Спляшешь с ними и ты в свой черед.

Дети переглянулись, взялись за руки и закружились, распевая во все горло:

-Я видел волка, лису и зайца!

Они плясали в ночном лесу!

Все так и было, не сомневайся!

Я видел волка, зайца, лису!

Они кружились до тех пор, пока не повалились наземь, запыхавшись. Белый полотняный чепчик Кьяры сбился на затылок, волосы цвета гречишного меда выбились на волю и перепутались, Ставрос домахался руками до того, что лопнули шнурки, которыми крепились рукава его котты, Амадей во время последнего кульбита так дрыгнул ногой, что его башмак улетел куда-то в небо – словом, танец удался.

Потом они со всех ног бежали обратно на постоянный двор; пережитое чудо опьянило их, сблизило и соединило нерушимыми узами.

На следующее утро семьи Тавма и Вермис уехали. Амадею ночная вылазка сошла с рук, а вот брату с сестрой пришлось за нее ответить, но поскольку в дороге детей особо не накажешь, они легко отделались.

На этом, мой любезный читатель, мы оставим нашего героя взрослеть и набираться опыта в «Копченом хвосте». Амадею еще многому предстояло научиться, его ожидали горы грязных котлов и тарелок, ему надлежало встретить и проводить сотни гостей из самых разных краев королевства. Его будут пытаться переманить к себе на службу какие-то подозрительные господа из Аль-Джелы, и только заступничество Живоглота спасет мальчика от похищения. После этого случая Горча начнет учить Амадея использовать нож не только на кухне. Его полюбит как родного внука заболевший в дороге ученый из той же Аль-Джелы: старик был вынужден надолго задержаться на постоялом дворе, и уход за ним был поручен Амадею. Эти несколько месяцев заменят мальчику годы, не проведенные им в школе. Поваренка-слугу из «Копченого хвоста» многое ожидает и, к счастью, больше хорошего, чем плохого. Лето сменится осенью, осень уступит зиме, зима растает перед весной, а весна вырастет в лето. И это повторится не один раз, прежде чем для Амадея придет срок покинуть место, куда он пришел, чтобы спокойно повзрослеть.

Глава четвертая, в которой наш герой покидает дом госпожи Стафиды и отправляется навстречу судьбе

Прошло шесть лет со того дня, когда Амадей впервые перешагнул порог постоянного двора госпожи Стафиды. В самом «Копченном хвосте» мало что изменилось, разве что гуще стали заросли ягодных кустов в саду, да плющ совсем затянул южную стену. Хозяйка почти не постарела, так, немного подобрела и стала иногда позволять себе поспать после обеда. Горча вовсе не изменился, Живоглот тоже оказался не по зубам времени.

А вот Амадей вырос, больше в высоту, чем в ширину, однако же сил набрался немалых; ему это было пока невдомек, но он становился очень хорош собой – какой-то потусторонней красотой ожившей мраморной статуи. Год назад у него сломался голос и вместо мальчишеского тенора образовался весьма приятный баритон. Благодаря помощи ученого из Аль-Джелы Амадей не только прекрасно читал и писал, а еще знал основы натурфилософии, риторики и арифметики; что касается книги стихов, с которой началось его обучение чтению, он помнил ее наизусть. И не только ее – уезжая, старик оставил мальчику все свои книги. Там были и стихи - непохожие на те, что бережно хранил Горча, однако их Амадей помнил не хуже, чем рецепты ки Стафиды.

Когда наступили гнилые осенние недели, «Копченый хвост» погрузился в тишину, приправленную шелестом дождя и треском хвороста в печке. Все приготовления к зимнему сезону были сделаны, благо первая неделя ноября выдалась сухой и даже солнечной. Но как только последний месяц осени перевалил за половину, небо будто распороли ножом, причем сразу в нескольких местах. И полился нескончаемый, холодный, всепроникающий дождь. Амадею в эти дни становилось не по себе, он старался без особой необходимости не выходить на улицу и то и дело подходил к огню. Видно, так промерз шесть лет назад, что память об этом не отпускала и по сей час. И каждый год, в тот день, когда ки Стафида открыла перед ним дверь, и из холода ноябрьской ночи он шагнул в тепло ее дома, Амадей ставил на окно масляный светильник. Будто тот потерянный мальчик, каким он был, все еще скитается где-то там, один-одинешенек в ночи, и надо указать ему дорогу, чтобы он не потерялся.

День уже перевалил за половину, стемнело и похолодало, но дождь не прекратился. Горча и Амадей сидели у кухонного очага и играли в махшит, Стафида перебирала орехи, на коленях у нее спал кот. На решетке стоял котел с похлебкой – той самой, только теперь в эти дни ее варил уже сам Амадей.

Внезапно кот поднял голову, сощурился на огонь и принялся демонстративно умываться лапой.

-Ишь, как старается, - заметил Горча. – Почудилось тебе, мышелов, какие гости в это время?

И как ответ на его слова за окном раздался топот копыт; всадник подъехал к самому крыльцу. Амадей вскочил, схватил светильник и побежал встречать нежданного гостя.

Как ни странно, всадник не спешил спешиваться и заходить в дом. Выйдя на улицу, Амадей поднял светильник повыше и смог разглядеть, что на коне – вороном и, судя по статям (уж Горча постарался ему объяснить все эти тонкости), чистокровном жеребце, - сидел молодой мужчина, одетый для охоты или путешествия. Конь переминался с ноги на ногу, а наездник сжимал поводья, будто не в силах их отпустить.

-Господин! – Обратился Амадей к приезжему. – Господин, ночь наступает. Куда бы вы ни спешили, лучше переждать до утра под крышей.

Всадник повернул голову в сторону распахнутых дверей; Амадей успел разглядеть его лицо – и поразился тому, какая тоска была на нем написана, тоска, никак не совместная с молодостью нежданного гостя. Будто его не приглашали зайти в дом, а напротив, навсегда отказывали в праве перешагнуть через порог в тепло и свет.

-Господин, окажите нам честь, - Амадей поклонился, - мы будем счастливы принять вас.

Юноша пошатнулся, выпустив из рук поводья, но тут же похлопал коня по шее и спрыгнул наземь.

-Вычистить и накормить, - и он передал поводья Амадею.

-Сделаю, не беспокойтесь, - подошедший Горча перехватил повод. – Займись гостем.

Амадей проводил юношу в зал, подбросил в камин дров, принес из кухни вина, кувшин горячей воды и стакан. Он рассматривал гостя, пытаясь понять, какая нелегкая понесла его в лес на ночь глядя. А тот, казалось, не замечал вообще ничего, сел на край лавки и сгорбился, уперев локти в колени. Глаз Амадея подметил слишком многое, что отличало юношу от их обычных гостей. Высокие сапоги мягкой кожи, перевязь со множеством литых украшений, а на перевязи меч – приметная вещь, сказать по правде. Плащ, подбитый мехом, серебряные филигранные пуговицы – не только на самой котте, но и на рукавах, мягкие перчатки - словом, гость оказался явно не из простых.

Амадей уже успел сбегать наверх, приготовить для приезжего комнату, а спустившись, обнаружил, что тот ни к вину не притронулся, ни с места не сдвинулся, как сидел, так и сидит. Как памятник на могиле. Такая отстраненность к общению не располагает, да и кто он такой? так, обычный слуга, негоже ему навязываться к благородному господину. Все так, конечно, но... Амадей

знал, что делать – а когда знание шло из самых глубин его существа, становясь чувством, он никогда ему не сопротивлялся.

-Господин, - Амадей присел рядом, положил руку на опущенное плечо гостя. – Общая зала хороша, когда гостей много, а сейчас она только тоску нагоняет. Не сочтите за дерзость, но я думаю, что вам будет гораздо уютнее на нашей кухне. Может, вы почтите нас своим присутствием?

Гость повернулся к Амадею. На его усталом, почти измученном лице выразилось сначала удивление, потом смущение, а потом – радость.

-Благодарю за приглашение. Если я не помешаю вам, то...

-Прошу вас, - Амадей вскочил и сделал приглашающий жест. – Милости прошу к очагу госпожи Стафиды.

В кухне Амадей усадил гостя на то самое место, где шесть лет назад сидел сам, поставил перед ним здоровенную миску и до краев наполнил ее той самой волшебной похлебкой, наполняющей и живот, и душу живительным теплом. Положив рядом с миской несколько ломтей хлеба, Амадей оглядел кухню: все ли так, как должно? Вот госпожа Стафида – приветливо поздоровавшись с гостем, она продолжила перебирать орехи, время от времени отхлебывая из кружки теплое вино. Горча вернулся из конюшни, сел на свое место и принялся подшивать башмак. Кот лежит на лавке, прямо напротив очага, и мурлычет как по заказу, раскатисто и бархатисто. Дрова горят ровно, благодатное тепло заливает всю кухню, а за окном шлепают по лужам тяжелые капли и свистит поднявшийся к ночи ветер.

Не печалься, гость. Пусть там, за окнами холод и непокой, и ветер с дождем наперегонки стараются испортить путнику жизнь, но здесь, у нас - безопасно и тепло, как и полагается дому. И мы искренне рады тебе, мы поделимся всем, что у нас есть – похлебкой, тишиной и спокойным сном на сытый живот. Здесь ты можешь забыть о своих манерах и уплетать простецкую еду из глиняной миски, шмыгая носом и вытирая рот рукавом. Когда в твоей миске вдруг покажется дно, тебе не придется просить добавки, она появится сама по себе, и, кажется, будет еще вкуснее. А мы посидим рядом, чтобы тебе не было одиноко, будто мы - твои старые слуги, которым ничего не надо объяснять, которые знают и любят тебя с пеленок.

Амадей стоял в тени и наблюдал за оживающим на глазах гостем. Только что помиравший от тоски бледный юноша орудовал ложкой так, что любо-дорого, он отогревался и успокаивался. Еще немного, и он сможет даже обрадоваться. И Амадей знал, что нужно для этого сделать.

В годовщину его явления в «Копченный хвост» ки Стафида делала для него запеченный сладкий крем, на сливках, с коричневой сахарной корочкой, воплощавший для слишком хорошо знавшего нищету мальчишки все благоденст-

вие этого мира. Удовольствие это было не из дешевых, поэтому порция крема полагалась раз в год и только одна. Дождавшись, когда гость прикончит вторую миску похлебки и откинется на спинку стула, отпыхиваясь и жмурясь, Амадей поставил перед ним плоскую глиняную плошку, в которой и запекался его именнинный, как его называла хозяйка, крем.

-Вечернюю трапезу обязательно завершают сладким, - серьезным тоном сказал Амадей, - это полезно для желудка и обещает хороший сон. Отведайте, господин...

-Дионин. – Гость смотрел на десерт как ребенок – блестящими, бессовестными глазами. – Меня зовут Дионин. А тебя?

-А меня Амадей. Угощайтесь, Дионин.

Дважды просить не пришлось. Крем в мгновение ока исчез – и вот тут в кухне воцарилась настоящая идиллия. Гость лучился искренним доверием и удовольствием, хозяйка млела от гордости за десерт, который в такой глуши мало кто сможет приготовить, и за хорошо вышколенного слугу, Горча и Амадей переглядывались, оба довольные как никогда.

-Мессер Дионин, - Горча поклонился гостю, - а что вы скажете насчет партии в махшит? Весьма убаюкивает, скажу я вам, особенно если играть с таким бестолковым стариком, как я.

-Не верьте ему, - Амадей пропустил мимо ушей обращение «мессер», которого прежде ни разу не слышал от Горчи. – Он играет как сам аш-Шудах. Я еще ни разу у него не выигрывал.

-Принимаю вызов, - Дионин улыбнулся и жестом пригласил старика сесть напротив.

Амадей налил в два глиняных бокала вина, разбавил его водой, тихо кипевшей в котелке на краю решетки, в бокал гостя добавил щепотку кардамона и ложку белого меда (чтобы спалось спокойно и без снов), а Горче оставил как есть, старик любил чистый вкус. Подал бокалы игрокам и сел рядом с хозяйкой, чистить горох. Твердые горошины скользили под его пальцами, шуршали и потрескивали сухие стручки, а он осторожно рассматривал лицо гостя – наконец-то открытое и обращенное к свету.

Юноше было не более двадцати лет, черты лица его были словно выведены скульптором – четкие, чистые линии, ни единого изъяна. Уголки черных глаз Дионина были слегка опущены вниз, что придавало выражению его лица некоторую скорбность, которая, впрочем, совершенно исчезала, когда он улыбался. Бледно-смуглая кожа, темные блестящие волосы, маленький шрам, пересекающий левую бровь. «Настоящий принц, вроде того, что написал целых пять десятков слезливых сонетов – вместо того, чтобы увезти свою милую, да и любить ее в свое удовольствие,» - подумал Амадей.

Между тем, партия в махшит приобретала для Дионина неутешительные перспективы – Горча разогнал его фигуры по краям игровой спирали, а самые важные намертво блокировал.

-Ки Стафида, - обратился Дионин к хозяйке, - я хотел спросить вас, вы всегда оставляете светильник на окне в такие ночи? Я заплутал в лесу и уже думал, что в нем и придется провести ночь, как вдруг увидел свет – он мелькал среди деревьев, мне поначалу показалось, что он движется... примерещилось, наверно. Так я и вышел к вашему дому.

-Мой молодой господин, - ответила Стафида, - это целая история, и я с радостью расскажу ее вам.

«Великолепно!» - Про себя отметил Амадей. – «Сказка на ночь – то, что надо, последнее слово в песне нынешнего вечера».

-Сегодня, как и в последние пять лет, светильник зажег Амадей. Он делает это в память того дня, когда пришел к нам. Шесть лет назад, в такую же скверную, холодную ночь дождь лил как из ведра и ветер норовил сорвать крышу с курятника. Я никогда не жаловалась на сон, мой господин, но в тот вечер никак не могла уснуть. Ну просто места себе не находила, словно потеряла что-то и не могла найти. А что успокаивает лучше работы? Вот я и раздула огонь в очаге, зажгла светильник и села перебирать каменную крупу, ведь мелкая галька не лучшая приправа в супе. Сижу я себе, камешки из мешка выбираю, как вдруг... - Стафида сделала большие глаза, отложила в сторону орехи и продолжила.

-Как вдруг слышу – стучится кто-то в дверь. Кого ветром принесло, спрашивается? Кликнула пса своего, и пошла посмотреть. Открываю дверь – а на пороге у меня мальчонка стоит, промокший насквозь, от холода трясется, а сам беленький весь, будто из первого снега слеплен. Я, признаться, поначалу его за хогмена приняла, они ведь затейники известные, могут и не так глаза отвести. Ну откуда посреди эдакой глуши ребенок мог взяться? Но пригляделась и вижу – нет, никакой он не холмовик, обычный человеческий сын, только белый не по-человечески. Спрашиваю его...

-Ты кто такой? Чего тебе надо? Откуда ты взялся? - Улыбаясь, повторил ее вопросы Амадей.

-А он мне отвечает, да так толково и честно, что сразу видно стало – будет из него толк. Вот так. И скажу я вам, мой господин, не было ни единого дня, чтобы я не порадовалась тому, что зажгла свет, и мальчик нашел дорогу к моему дому.

-А какими судьбами ты пришел сюда? – Спросил Дионин у Амадея.

-Такими же, какими и вы. Оказался один ночью в лесу, шел, куда глаза глядят – и вдруг увидел впереди свет. Если бы не бессонница ки Стафиды, к утру

холод из меня всю жизнь бы выпил. Поэтому я этот день почитаю как день своего второго рождения... а первого я и не знаю.

-Получается, это твоя счастливая судьба привела меня сюда... - Дионин не удержался и сладко зевнул. Амадей только этого и ждал.

-Вечер всем хорош, особенно когда ведет в постель, - он встал и взял с окна светильник. – Позвольте, я провожу вас в вашу комнату.

-Да... пожалуй, неплохо бы и поспать... - Гость встал, поблагодарил хозяйку и старика, и пошел вслед за Амадеем, освещавшим ему дорогу.

В комнате Амадей помог Дионину снять сапоги, проверил ставни, взбил подушку.

-Спите спокойно, мой господин. Ставни крепко закрыты, дверь закройте изнутри. Вода в кувшине, свеча в изголовье. И вот вам компания, - с этими словами Амадей подпихнул ногой крутившегося рядом кота, - пустите его в ноги, он греет лучше любой грелки. Отдыхайте, мой господин, спите, сколько захотите, никто вас не потревожит, обещаю.

Дионин сидел на кровати, сонно щурясь на свечу. Было очевидно, что как только он разденется, зароется в одеяла и опустит голову на подушку – так тут же и уснет, сраженный наповал здоровым молодым сном.

-Доброй ночи, мой господин.

Амадей спускался вниз, в кухню, и сердце его пело. И снова он не просто встретил гостя, но смог дать ему именно то, чего жаждала его душа, о чем он мечтал втайне даже от себя самого. То, что Амадей мог чувствовать чужие мысли, понимал любого с полуслова, читал людей как яркие книги с картинками – это уже было для него осознаваемой силой. Как это получалось, объяснить было невозможно, но действовало безотказно.

В кухне, меж тем, кипела работа – Горча разделявал кролика, Стафида заливала теплой водой мясо в вечном котле.

-Не рановато ли? Еще пять дней до первых гостей, - спросил Амадей, вытягивая из-под лавки корзину с кореньями.

-За ним приедут, - пояснила хозяйка, кивнув в сторону комнат. – Скорее всего, уже завтра. Он потерялся ближе к вечеру, когда темнота льется как вода, вот они и потеряли его след в лесу. Но завтра точно найдут. К обеду и поспеют.

-Ах вот как... - Привычным жестом Амадей повязал передник, и нож так и замелькал в его руках. – Ну, тогда точно стоит приготовиться заранее. Голодные охотники – эти, я вам скажу, вечный котел ополовинят в один присест.

-Скажи, белыш, - Горча все еще называл так Амадея, - ты понял, кто к нам сегодня пожаловал?

-Ты хочешь сказать, что наш гость очень важная шишка в Шэлоте? Откуда же мне его знать, я к домам таких как он и подойти не мог.

-В Шэлоте... Это вряд ли. Засиделся ты в нашей глуши, мальчик. Тринакрия хоть и остров, но она очень большой остров. Лично я всегда предпочитал Аль-Джелу, потому как во Влихаде слишком шумно, Гринстон пропах рыбой, а Трискелион мне был не по чину. Впрочем, ты должен увидеть все своими глазами. А сейчас будет лучше, если ты займешься супом. Всему свое время.

На следующий день распогодилось: дождь прекратился, небо прояснилось до светло-серого, и даже земля просохла. Гость проснулся только после полудня; спустился в кухню, поздоровался со Стафидой и с охотой принялся за пирог с требухой. Пока он неторопливо ел и беседовал с хозяйкой, подошли Горча и Амадей.

-Доброго дня, - пожелал Дионин подошедшим.

-И вам, мессер. Выглядите против прежнего неплохо, - Горча протянул хозяйке взятый в коптильне окорок, - думаю, довольно будет.

Амадей свалил у очага дрова, присмотрелся к гостю – выпавшийся, умытый, сытый парень, и никакой скорби на лице. Ишь, как пирог уписывает. Такой довольный, что любо-дорого.

Уложив дрова, Амадей прислушался – в тишину осеннего дня вмешивались какие-то звуки... кажется, к ним скоро пожалуют еще гости.

-Ты тоже их слышишь? – Дионин встал из-за стола. – Это за мной. Пойду, встречу их самолично.

Через несколько минут во дворе «Копченого хвоста» остановились два всадника. Амадей был спокоен – он видел, что приехавшие были не просто почтительны с Дионином – они действительно были счастливы, что нашли его, они обнимали его, хлопали по спине, и на лицах их явственно читались облегчение и радость. И Дионин тоже явно был доволен тем, что его нашли. Накрыв на стол, Амадей помчался на кухню – гости намерзлись и наплутались по лесам, и накормить их было делом милосердия.

-Два камерани и один луковый.

-Почему так? – Стафида уже привыкла, что Амадей никогда не ошибается в выборе супа для гостя, но ей до сих пор было любопытно, как у него это получается.

-Они голодны, но разборчивы. Рыжий носом поводит что твоя гончая. Так что камерани, но запечем слегка – чтобы они свой аппетит не проглотили.

-А луковый?

-А луковый Дионину. Он недавно пирог с потрохами съел, ему плотного супа не надо. И поострее, ки Стафида, не жалейте перца.

В четыре руки они живо управились: обжарили пшеничные гренки, ломти ветчины, сладкую репу и маленькие луковички, ошпарили порей и сельдерей. Все это выкладывалось слоями в глиняные миски, заливалось бульоном из вечного котла, посыпалось самым острым сыром – и отправлялось в печь, ненадолго, только чтобы сыр расплавился.

Выбор оказался верен и на этот раз. Амадей следил, чтобы гости ни в чем не испытывали недостатка, рассматривал их и прислушивался к разговору.

Один из приехавших за Дионином был среднего роста, худощав и очень яркок: породистое тонкое лицо, крыжовенно зеленые глаза и рыжие волосы, обрамляющие высокий лоб. Одет он был почти так же, как и Дионин, двигался с изяществом кота, идущего по краю карниза, его длинные пальцы, унизанные кольцами, то и дело поглаживали холеную бородку. А еще он был изрядно лопух, и при этом не пытался это скрыть, напротив – в его ушах поблескивали крупные бриллианты, а левое вдобавок было украшено массивным каффом. Получилось впечатляюще – ухо топорщилось и само по себе, и острыми шипами из черного золота.

Второй заметно отличался от спутника хотя бы тем, что человеком не был. Высокий, длиннорукий орк пригнулся, входя в дверь, иначе расцарапал бы свою лысую голову о притолоку. Тяжелый, подбитый медвежьим мехом плащ он небрежно свалил на скамью, уселся и вытянул к огню ноги в подкованных сапогах. Повадками орк напоминал сторожевого пса, причем неоднократно травленного. Живоглот, обычно не достаивавший постояльцев и взглядом, к этому гостю подошел и поздоровался. Амадей успел заметить, как они показали друг другу клыки и, кажется, остались довольны знакомством.

-Ваше высочество, когда ты в следующий раз решишь на ночь глядя исчезнуть в глухом лесу, предупреди, что делаешь это по своей воле, чтобы я успел уговорить тебя передумать. - Лопухий готов был с ногами залезть в камин и вполне отчетливо постукивал зубами. – Чтоб мне всю жизнь одну воду пить, мы с пяти утра тебя по лесам разыскиваем! Я в жизни так не мерз! Давай в следующий раз ты будешь теряться в садах Влихады, - и он подмигнул Дионину.

-Не уезжай один. – Орк ограничился этим советом и взялся за ложку.

-Бедный я, несчастный принц. – Дионин улыбнулся. – Захотел немного потосковать, погрустить в одиночестве, - так нет, и здесь вы меня настигли. Я думал, вы приедете ближе к вечеру. А вот и мой суп. О боги. Вот это благодать. Дайте поесть спокойно, потом все расскажу.

-Они называют его «ваше высочество», - сообщил Амадей на кухне. – Но при этом обращаются на ты.

-Принц Дионин, - покачал головой Горча. – Сын Гиласа, короля Тринакрии. Вот кого приманил твой свет, Амадей.

-Не запугивай его, Горча, - отозвалась хозяйка. – Нам без разницы, кто эти молодые господа, лишь бы расплатились. Ну, что еще?

-Ки Стафида, верзиле супа мало. Таких мясом задабривают.

-Твоя правда, белыш. – Хозяйка оглянулась на очаг. – Кролик готов. Забирай и тащи на стол.

Появление кролика орк воспринял более чем благосклонно, а вот рыжему хватило и камерани. Он откинулся на спинку стула, потягивал вино и с интересом оглядывался.

-Что за место, Дионин? Кухня здесь приятно удивляет, согласен. Я такого супа в жизни не ел, даже во дворце. А в остальном... куда тебя занесло?

-А лучше мне было замерзнуть в лесу, да, мой лопухий друг? Чем осквернить себя соломенным тюфяком и шерстяным одеялом. Если бы не «Копченый хвост», я бы ночевал под деревом в мокром снегу. А уж какой подарок я здесь получил... - Дионин подмигнул Амадею, - Но ты не поймешь, поэтому я тебе ничего не расскажу. Амадей! Подойди сюда.

Амадей приблизился к гостям, поклонился.

-Знакомься, это мои лучшие друзья: Цатх - Пара Слов и Рейнар Бреттиноро. А это, друзья мои, Амадей, преемник мэтра Панфило, который превзойдет его во всем и станет славой нашего королевства.

Рыжий присвистнул, орк ограничился пристальным взглядом и пожатием плеч.

-Мессер Дионин, - Амадей постарался не выдавать своего волнения, - я бесконечно вам признателен за доброе слово, но я бы не прочь узнать, кто такой мэтр Панфило и что я должен сделать, чтобы не обмануть ваши надежды. Если он был придворным альбиносом, тогда, конечно, я вас не разочарую.

-Постой-ка, - названный Рейнаром Бреттиноро озадаченно смотрел на принца, - ты хочешь сказать, что трактирный слуга из глухомани способен заменить мэтра Панфило?

-Ага. – Дионин выглядел весьма довольным собой. – И погоди ты со своим высокомерием, успеешь еще начваниться. Пока этот парень утром трудился, хозяйка показала мне его книги. Амадей, умеешь ли ты читать и писать?

-Умею, мессер.

-А как насчет арифметики?

-Прошел «Начала» Аль-Джазира.

-Натурфилософия?

-Знаю «Великий флорарий», «Законы и установления природного царства», «Описания Тринакрии и материковых земель», «О светилах» Сорана эр-Риды.

-Парень, да кто тебя учил? – Изумился Рейнар. – Это же первая ступень университетского курса!

-Четыре года назад у нас остановился ученый из Аль-Джелы, мэтр Ибн Сина. Он сильно заболел в дороге и был вынужден задержаться: сначала долго выздоравливал, потом ждал лета, потому как в холода путешествовать не мог, а для него все, что холоднее кипятка, теплым называться недостойно. С сентября по июнь он у нас жил, я это хорошо помню. Читать и писать меня еще до того выучил как Горча, я ему за то вечно благодарен буду. Но мэтр Ибн Сина так за меня принялся – я думал, не выживу. А уж как интересно было, милостивые государи, того и не передать.

-Тебя учил сам Ибн Сина? – Рейнар изумился еще сильнее. А потом вдруг перешел на шаммахитский язык. – Да хранит его Вседержитель! А по какой грамматике вы занимались?

-По его собственной. – Не замедлил с ответом Амадей. Он свободно говорил на шаммахитском; практиковаться получалось нечасто, но он никогда не упускал случая переговорить с тамошними купцами на их языке. – И он проследил, чтобы я выучил ее наизусть. И подарил мне все книги, что были у него с собой. Когда сам мэтр уехал, они продолжили его дело.

-Ну что, убедились? – Дионин торжествовал. - Парень образован не хуже любого придворного бездельника.

-Лучше многих. – Подал голос Цатх.

-Но Дионин, этого недостаточно, чтобы заменить мэтра Панфило!

-Милостивые государи! – Амадей был не в силах более терпеть неизвестность. – Да кто такой этот ваш мэтр?

-Мэтр Панфило был мастером ритуалов. – Ответил ему Дионин. - Амадей, кажется, я начал не с того конца. Позови-ка сюда твою хозяйку.

Они сидели за одним столом, на одном краю принц с друзьями, на другом – обитатели постоянного двора.

-Кирия Стафида, я, Дионин, принц Тринакрии, прошу вас отпустить Амадея в мою свиту – ежели он будет согласен за мной последовать. – Дионин старался придать своему голосу всю возможную официальность.

-Вы оказываете ему честь, ваше высочество. – Хозяйка была польщена, но головы не потеряла. – Я желаю Амадею только добра, поэтому позвольте спросить, на какую судьбу вы забираете его?

-На славную, вне всяких сомнений, - ответил Дионин. – Обещаю вам.

-Мессер Дионин, - Горча внимательно смотрел своим единственным глазом на принца, - мы не станем скрывать, что Амадей сирота...

-Я – сын старьевщика! – А вот «сирота» не считал нужным скрывать свое происхождение и прятать его за мнимым сиротством.

-А я – эльфийская принцесса! – Горча даже пристукнул по столу кулаком. – Амадей, если ты рос в семье старьевщика, это не делает тебя его сыном!

-Мой отец ни за что не взял бы в дом чужого ребенка, он и своих-то едва замечал. Не надо представлять меня лучше, чем я есть. Чего доброго, еще придумаете, что я сын знатной госпожи, которая ехала по лесу, да и обронила меня из седельной сумки.

-Сынок. Я был в Шэлоте спустя полгода после твоего появления у нас. Да-да, не делай таких глаз. Я не мог не посмотреть на того отца, что привел своего десятилетнего сына ноябрьской ночью на тракт и оставил там одного, с добрым напутствием. И я видел твою семью. Живы-здоровы, есть нечего, поэтому пьют и бездельничают. И разрази меня гром, мальчик, если в тебе есть хоть капля их крови! – Горча помолчал и добавил:

-Я лишь хочу сказать, что ты совсем одинок, Амадей. Здесь ты был под присмотром, как птенец в гнезде. Кто присмотрит за тобой там, где никому до тебя не будет дела?

-А знаете, ка Горча, я не вижу ничего плохого в легенде Амадея. – Рейнар Бреттиноро в задумчивости поглаживал рыжую бородку. – Мой дед говаривал – если хочешь спрятать что-то, прячь внизу и в грязи. Так что пусть остается пока сыном старьевщика. Воля нашего принца возвысит его и с таким происхождением.

-Ваша правда, господин, - кивнул старик. – Не будем торопить события. Пусть мальчик живет своей судьбой.

-Почему выгнали? – С интересом спросил Пара Слов, слегка наклонив голову в сторону Амадея.

-Совсем лишним стал, - пояснил Амадей. – Сколько себя помню, мессер, жил в Шэлоте, никому не мешал, разве что матери, когда есть просил. Мы с братьями как-то сами справлялись почти со всем, а с чем не могли – помогали друзья.

-Воровал небось? - Интерес Цатха к персоне Амадея явно возрос.

-А как же. – Хмыкнул парень. – И ни разу не попался, мессер. Улица и не захочешь – а научит. Раз померз, два поголодал, три поколотили – а на четвертый тебя уж не догонишь, и хлеб за пазухой припасешь, и теплый угол найдешь.

-Отличное воспитание, - засмеялся Рейнар. – В самый раз для дворца. Знаешь что, Дионин, я, пожалуй, присоединюсь к твоей просьбе. Кирия Стафида, отпустите парня с нами. Довольно ему в вашем гнезде сидеть. Не курицу же вы из него растили.

-Я-то отпущу... - Хозяйка все еще не была уверена. – Так ведь вы еще не толковали ему, чего от него хотите. Чьим-то преемником стать...

Дионин помолчал, подбирая слова.

-Двор моего отца многолюден. Ему служат архитекторы и садовники, повара и декораторы, стражники и тьма всякого другого люда – одних министров с десятков наберется. Но есть одна придворная должность, на которую попасть почти невозможно, да никто и не стремится, ибо не человек ищет этого места, но оно само его находит. Я говорю о месте мастера ритуалов.

-Мэтр Панфило отвечал за устройство всех значимых событий в столице – будь то праздник, прием заморских гостей, похороны или свадьба первых лиц Тринакрии. – Продолжил Рейнар. - Его приглашал первосвященник, чтобы боги остались довольны и не пришибли его молнией. Его наперебой звали в свои дома спесивые придворные и до отвращения богатые купцы, чтобы их праздник затмил своим великолепием сияние солнца.

-Ни минуты покоя. – Цатх в очередной раз оправдал свое прозвище. Похоже, орк никогда не говорил больше двух слов кряду.

-Мессеры, - чуть севшим голосом спросил Амадей, - разве мыслимо одному человеку справиться с такой работой? Как удержать в одной руке столько вожжей?

-Ну что ты, мастер ритуалов всегда набирал себе доверенных людей, - ответил ему Рейнар. – Музыканта, повара, декоратора. Им он поручал воплощать свой замысел. Понимаешь, дружок, испечь пятиярусный торт может любой кондитер, а вот сделать так, чтобы этот торт стал событием – такое редко кому под силу. Мастер ритуалов не стоял у плиты и не развешивал цветочные гирлянды - он создавал для нас праздник.

-Вы говорите о мэтре Панфило как о прошлом, - заметила хозяйка, - что с ним случилось?

-Мэтр был уже немолод, - помолчав, ответил сам Дионин. – Но он не стал дожидаться, когда немощь одолеет его, и ушел. Куда – никто не знает. Просто исчез из дворца на исходе лета. Он не оставил по себе преемника, только все свои книги и записи, все эскизы для прошлых празднеств. Еще он оставил письмо для того, кто придет на его место. И записку для меня – в ней он просил найти ему замену. Мэтр был мне добрым другом, и я не мог пренебречь его волей. Но никто не казался мне достойным взять оставленные им бразды правления – до вчерашнего вечера, Амадей. Сегодня у меня нет ни тени сомнения в том, что сама судьба привела меня сюда. Ты рожден стать мастером ритуалов. И ты им станешь, даю слово. Теперь твоя очередь, - и принц подмигнул оторопевшему слуге.

-Мессер Дионин... сначала я должен спросить позволения. - Амадей посмотрел сначала на хозяйку, потом на Горчу. – Ки Стафида, ка Горча! Вы вырастили меня. Вы были мне лучшей семьей, чем я заслуживал. Что скажете? Достоин ли я последовать за принцем Тринакрии? И... справитесь ли вы без меня? Вам нужен помощник, не спорьте, ка Горча!

-Мы справимся, белыш, добрый ты мальчик! – Хозяйка потрепала его по белоснежным волосам. – Сын мясника будет счастлив стать слугой в «Копченом хвосте». А тебе пришла пора развернуть крылья. Отправляйся с принцем и превзойди все его ожидания.

-Сынок, если я чего и хотел от жизни, так это увидеть тебя рядом с достойным господином. Но о такой удаче я и мечтать не смел. – Горча поклонился принцу. – И да будет дозволено мне сказать, мессер Дионин, что и вы о такой удаче не помышляли.

Все посмотрели на Амадея. Покраснеть он не мог, но в жар его все-таки бросило. Он встал.

- Мессер Дионин, я стану вашим мастером ритуалов, даю в том слово. Почту за честь служить вам, - и он склонил голову перед принцем.

-Надо выпить. – Лаконично подвел итог сцене Пара Слов.

-Дело говорите, мессер, - кивнул Горча. – А не случилось ли вам служить в гарнизоне Аль-Джелы?

-Брат служил.

-Ах вот как. Амадей, что стоишь? Забыл, где вино ждет?

И Амадей сорвался с места и помчался за стойку. Он уже взял себя в руки; даже в такие минуты, когда решается судьба и сердце колотится вчетверо быстрее обычного, ему нельзя отпускать себя на волю чувств. Особенно теперь, когда его заботой станут чувства столь многих.

Выпитое вино унесло торжественность минуты; вскоре за столом царил живой разговор, прерываемый только смехом. Амадей принес из кладовой сыр и копченые свиные ребра, маринованный чеснок и топленый гусиный жир в глиняной плошке – намазанный на хлеб, он получше любого паштета будет, говорила Стафида и у него не было причины ей не доверять. Прикинув, он прихватил пару колец кровяных колбасок - с ними как-то повеселее будет, подумалось ему. Словом, стол, за которым сидели его прежние и нынешний хозяева, оказался уставлен блюдами и приобрел радующий глаз вид. Прикинув, что принесенного хватит на пару часов, Амадей неслышно выскользнул за дверь, прихватил сверток с кухонного стола и фонарь со свечой, накинул плащ и вышел в темноту осеннего вечера.

Он не знал, получит ли благословение от хогменов, или же они – почти как всегда – заберут принесенное и провалятся сквозь землю, но уехать из этих мест, не попрощавшись с малым народцем, было не по нему. Амадей быстро шел к роще, тропинка сама стелилась ему под ноги. Свет фонаря выхватывал из темноты то придорожный камень, то поваленный ствол, то заросли осота. Дойдя до места, Амадей положил сверток на высокий камень, перевел дыхание и отошел на пару шагов.

-Господин хогмен, я пришел попрощаться. – Юноша поднял фонарь повыше. – Благодарствую за все. Славно вы меня тогда искупали. И танец тот я никогда не забуду.

-К танцу я не причастен. – Хогмен уже сидел на камне; и как только успел? - Это госпожа цветов тебя удостоила. Что, уезжаешь?

-Да. Пора и честь знать.

-Ты был хорошим соседом, мальчик. Госпожа уже спит, иначе она непременно вышла бы проводить тебя. Однако же она мне голову откусит, если я отпущу тебя без присмотра. Так-так, подумаем. – Хогмен забавно сморщил и без того похожее на вяленую ягоду личико и пошевелил кончиками длинных ушей. – Тебе нужен фамилиар, мальчик. Чтобы и присмотрел, и остерег, и защитил. Это я могу. А ну, поставь свой фонарь и стой спокойно.

Амадей послушно опустил фонарь наземь. Хогмен чем-то шуршал, напевая себе под нос.

-Готово. Он уже рядом. Только не верещи как девчонка, - и он захихикал.

Амадей прислушался: опавшие листья шелестели – но не как под ногой или ветром, звук, поначалу совсем слабый, усиливался – и затих возле него. А потом юноша почувствовал, как змея вползает по его ноге, скользит по телу, оплетает шею, соскальзывает на плечо, спускается по руке – и замирает, обвив запястье. И поначалу показавшаяся ему большой, змея будто умалилась, сжалась; точно так же сжался до стога его крик, задавленный на вздохе.

-Можно посмотреть? – Едва дыша, прошептал Амадей.

-Смотри.

Амадей поднял с земли фонарь и осветил свою левую руку – вокруг его запястья, уцепившись зубам за собственный хвост, обвивалась змейка толщиной в палец. Ее глазки поблескивали в свете фонаря, чешуя угольно-черного цвета была сухой и прохладной на ощупь.

-Его зовут Шеш. Привыкай, теперь он с тебя не слезет, - снова захихикал хогмен. – Вы без труда поймете друг друга. Для чужих глаз он будет обычным нитяным оберегом на твоей руке. А для тебя – намного большим, мальчик. Считаю его благословением народа холмов. Ну, пора прощаться.

Амадей медленно опустил руку с фонарем, другую прижал к сердцу. Оно снова заныло, как тогда, когда тень улыбки госпожи цветов задела его.

-Я не прощаюсь, господин хогмен. Не навсегда, только на время мы расстаемся с вами.

-И то верно. – Холмовик вскочил на ноги. – Ну, бывай, Амадей. Удачи тебе там, куда собрался.

И откуда-то из-под земли, еле слышным вздохом, до ушей Амадея донеслось:

-До встречи, снежное дитя...

-Ну все, вали отсюда, парень. Неровен час, разбудишь госпожу цветов, хлопот не оберешься. – Хогмен подпрыгнул и исчез уже в прыжке, осенний вечер спрятал его под своим плащом, укрыл от людских глаз.

Амадей постоял еще с минуту, потом отвесил глубокий поклон и поспешил домой, поминутно поднося к щеке левую руку и прикасаясь губами к сухой чешуйчатой коже.

На следующий день, после позднего завтрака они собрались в путь: Дионин с друзьями и Амадей. Сборы его были недолгими, он только спросил позволения взять с собой все свои книги, все десять драгоценных книг – и одиннадцатую, подаренную на прощание Горчей. Ту самую, с которой началось его обучение грамоте. Стафида настояла, чтобы Амадей принял от нее деньги; тебе полагается жалование, твердила она, и не спорь, а не тоогрею поварешкой. Так что Амадей разжился небольшим кошельком с невеликим, но собственным содержанием.

Лошади, вычищенные, сытые и отдохнувшие, ждали во дворе. Амадей улучил минутку и пришел попрощаться с Живоглотом. Пес был единственным, кто не одобрил его отъезд, и демонстративно ушел на конюшню.

-Не сердись, старина. Мне, по правде сказать, страшно, аж поджилки трясутся. А вдруг я опозорюсь? Я же ничегошеньки не знаю кроме кухни, если разобратся, - Амадей присел рядом с Живоглотом и гладил его седую голову. – Они так все в меня поверили, а мне от этого еще хуже! Ну прямо тошно!

-Не трусь. – Цатх-Пара Слов стоял в дверях, и в его желтых глазах явственно читалось сочувствие. – Тебе есть куда вернуться, парень. Это здорово утешает на первых порах. А если сейчас сдашься – протухнешь здесь, и проклянешь то, что так полюбил.

Живоглот поначалу оскалился на Цатха, но потом опустил голову и лизнул ладонь Амадея.

-Что-то разговорился я. Пошли, только тебя ждем.

После слов орка на сердце у Амадея полегчало. И в самом деле, едет он по своей воле, в столицу, в свите принца – да кто угодно полжизни бы отдал, чтобы с ним поменяться!

-Будьте здоровы, кирия Стафида! Долгих вам лет, кириос Горча! – Дионин сердечно распрощался с обитателями «Копченого хвоста», взлетел в седло, взял поводья. – Цатх, возьми к себе Амадея. Гляди веселее, Амадей, довольно королевству и одного печального принца, - и Дионин подъехав поближе, ободряюще похлопал его по плечу.

-В добрый путь, - Горча, присевший на пороге, поднял в прощальном жесте руку, Стафида помахала из окна – судя по ее довольной улыбке, принц не забыл щедро с ней расплатиться.

Проезжая мимо старой рощи, Амадей спросил у своих спутников:

-А какая она, столица?

-О, она прекрасна! – Мечтательно протянул Рейнар, заводя глаза под лоб.

-Как преисподняя, - ухмыльнулся орк, прищпоривая коня.

Глава пятая, короткая, но познавательная, в которой нам предстоит погрузиться в историю Тринакрии

Мой любезный читатель, оставим на время наших путников, все равно ничего особо интересного их пока не ожидает – только мокрый снег, редколесье да темнеющий вдали одинокий замок, где они и намерены переночевать. Обратим наши взоры к землям, по которым они путешествуют, - к королевству Тринакрия.

Надо тебе сказать, мой любезный читатель, что еще триста лет тому назад этого королевства и в помине не было. Обитаемый Мир не знал, что находится за Краем Света. Но однажды молодые боги, близнецы Гарм и Фенри, сыграли в одну простую игру, в итоге которой привычный облик земли изрядно изменился: землетрясения, ураганы, наводнения и прочие способы коренного изменения ландшафта прошли по тверди как рука скульптора, сминающая глину. И, пожалуй, самым заметным результатом буйства стихий стало исчезновение исполинской горной цепи, отделяющей Обитаемый Мир от Края Света, - горы в одночасье стали морским дном, а обширные земли, спавшие за ними, частью затонули, частью сдвинулись с прежнего места. Так появился на свет огромный остров, названный людьми Тринакрия.

Остров был настоящим подарком, припасенным богами для удачливых искателей приключений. Он вырос из бирюзовых волн как драгоценность в оправе из скал: розовых, мерцающих вкраплениями слюды на юге и черных, иззубренных ветрами на севере. Невысокие горные цепи разделяли остров на долины, защищенные от ветров и непогоды, плавные линии холмов украшали пейзаж, не давая ему выродиться в монотонность степи.

Климат здесь был благодатен и не стремился превратить жизнь человека в непрерывное испытание; лето было долгим и теплым, без удушающей жары и нездоровых ветров, зима позволяла отдохнуть и напитаться влагой земле – и уходила, оставляя после себя ощущение, какое бывает после крепкого, спокойного сна всласть. И, разумеется, при таком ласковом обращении и обилии пресной воды остров зеленел и цвел, радуя глаз. Здесь не было корабельных лесов Одайна или невероятных зарослей Нильгау; но розы Тринакрии не уступали розам Шаммаха, виноград затмевал виноградники Эригона и Арзахеля, вместе взятые, стрелы кипарисов пронзали небо, а раскидистые сосны устилали землю ковром мягкой, длинной хвои. В заливе Метони росли рощи апельсиновых и лимонных деревьев, и ветер в пору их цветения наполнял весь остров тонким, дразнящим ароматом.

И повсюду цвели цветы: с ранней весны, начиная белоснежными хрупкими первоцветами, похожими на островки нерастаявшего снега, через все долгое лето, до первых осенних бурь. Роскошные и неприметные, всех возможных оттенков и форм, на камнях и под водой, благодатные и ядовитые – видно, перед тем, как уснуть в священной нильгайской земле, Калима щедрой рукой рассыпал над островом свои дары.

Первым свои права на Тринакрию заявил Шаммах – это его купцы первыми переплыли бурное море и высадились на песчаной южной окраине. Первый город на острове, Аль-Джела, был построен по образу вечно прекрасного Ирема, только вместо реки его разрезал надвое узкий и извилистый морской пролив, перегороженный у выхода в море цепями.

Следом за южанами приплыли за своей долей удачи уроженцы Краглы - неразговорчивые, скупые северяне. Они заняли скалистое северное побережье, и оно тут же завоняло рыбой. Их город-гавань, Гринстон, был похож на рыбацкую сеть, расчертившую квадратами окрестность.

Как и следовало ожидать, без малого сто лет мирного сосуществования закончились войной за право называть Тринакрию свои королевством. Попеременно передавая знамя победы из рук в руки, люди изнемогли, и через тридцать лет война угасла как огонь без дров. И вот тогда на остров явилась третья сила. Вновь пришедших не связывала принадлежность к старой империи или королевское подданство; сказать по правде, они были не самым большим войском наемников – по большей части, родом из Арзахеля и из Маноры, южане, крикливые и пестрые как попугаи.

Во главе их стоял Аригетто Бреттиноро, потомок древнего арзахельского рода, унаследовавший одни только долги и амбиции. Он был необычайно умен, прозорлив, бессердечен и корыстен. С таким характером обычно достигают успеха – или заканчивают на виселице, это уж как сложится.

Южане основали свой первый город – Влихаду, оставили в ней тех, кто приплыл жить так, как жил. А те, кто приплыл, чтобы жить получше прежнего, солдаты-альмугавари, выстроились в колонны, проверили, легко ли выходят из ножен широкие тесаки, перехватили короткие копья и пошли вслед за Аригетто, выкрикивая свой боевой клич: «Проснись, железо!»

В скором времени вся Тринакрия была завоевана арзахельским кондотьером. Аригетто не стал сносить с лица земли и без того немногочисленные города предшественников, он оставил их нетронутыми (разумеется, после того, как забрал все самое ценное) и предложил своим солдатам селиться в опустевших домах. Потихоньку остров начал вновь оживать; потомки шаммахитов по-прежнему предпочитали Аль-Джелу, но вполне охотно основывали торговые

дома во Влихаде и других восточных городах. Северяне вновь отстроили Гринстон, укрепили дамбы, возвели верфи и принялись строить корабли, чтобы у молодого королевства был достойный флот. Не сказать, чтобы все это происходило тихо-мирно, но со временем раздоры улеглись и поросли быльем. Остров принял всех; привычки и традиции шаммахитов, северян, суртонцев и выходцев из городов юга Обитаемого Мира перемешались как ингредиенты в вечном котле, чтобы со временем образовать восхитительное варево. По прошествии десятков лет северянин уже не задавался вопросом, откуда взялись сухие рассыпчатые печенья и цветочные ликеры у него на столе, шаммахит по происхождению украшал резьбой потолочные балки своего дома и охотно запивал пивом копченую салаку, потомок суртонцев как само собой разумеющееся обувал кожаные сапоги и привязывал рукава к котле.

Аригетто Бреттиноро, подчинив себе все земли Тринакрии, сам определил место столицы. В центре острова возвышалась гора Трискелион – не заоблачная, но вполне внушительная, с живописными пологими склонами. Ее и указал кондотьер приглашенным из Эригона архитекторам и инженерам. Пока они ломали голову над планом будущей столицы, Аригетто уже решал еще один немаловажный вопрос: а именно, престолонаследия. Он был абсолютно уверен в своей способности держать Тринакрию в кулаке до конца своих дней, однако этого ему было мало – он хотел передать ее по наследству, чтобы никто больше не мог сказать про род Бреттиноро, что в нем наследуют только дыры в карманах.

Вскоре кондотьер оказался перед весьма нелегким выбором, ибо претендентки на трон нового королевства, дай им волю, выстроились бы в очередь у входа в его шатер и при этом вряд ли обошлись без драки. Своей принцессы ему не предложил только Суртон. Аригетто совсем немного поразмыслил и похитил младшую дочь суртонского императора, когда она прогуливалась по морю в разукрашенном лентами и цветами кораблике. За галерой Аригетто не смог бы угнаться и сам северный ветер. Этим поступком кондотьер определил одну из незыблемых традиций королевского дома Тринакрии – брать невест за морем, и обеспечил ему уважение со стороны Суртона. Принцесса Мэй оказалась не по годам умна и очень хороша собой; она смогла стать для Аригетто не только необходимым атрибутом начинающего монарха, но и возлюбленной подружкой. Благодаря ее влиянию двор кондотьера приобрел достоинство и упорядоченность, перестав быть похожим на курятник поутру.

У Аригетто и его принцессы родились двое сыновей и дочь. Так что он мог быть спокоен – было и что наследовать, и кому, и с полным на то основанием возложил на свою рыжую голову корону. Первый король Тринакрии поселился

в замковом укреплении на вершине Трискелиона и оттуда наблюдал, как растут стены его дворца, расходятся по склонам улицы, закладываются фундаменты первых роскошных особняков. Шли годы, и столица королевства из стратегически важного пункта превратилась в богатый, красивый и своенравный город.

Следующим королем Тринакрии стал старший сын Аригетто, Лорка, названный так в честь предка, к которому Аригетто питал необъяснимую симпатию – возможно, потому что был так же рыж. Лорка взял в жены старшую дочь императора Шаммаха, и вместе с ней в королевство пришла мода на регулярные сады, мраморные купальни и роскошь. Наследник Лорки чуть понизил планку, взяв в жены дочь правителя Маноры; однако же за ней он получил такое приданое, что от его излишков Трискелион получил водопровод, булыжные мостовые, новые надвратные башни и больницу для бедных. На основные средства король построил себе флот.

Незначительные разногласия между следующим по очереди королем и его сестрой привели к тому, что в ожидании совершеннолетия своего сына правила все-таки сестра, королева-регент, Лаура Терпеливая. Ее сын, Флориан, был во всем подобен своему воинственному предку; при нем вновь зазвучал клич королевской гвардии: «Проснись, железо!» и Тринакрия вступила в войну, на этот раз за своими пределами. Флориан был захватчиком, но не безумцем; ему хватало ума не доводить свое войско до истощения и вовремя возвращать корабли на родной остров. Его единственный сын, Гираут, унаследовал от отца талант полководца и утроенные амбиции. Получив отказ от герцога Арзахельского, не пожелавшего отдать свою дочь за представителя слишком молодой, по его мнению, династии, на исходе весны Гираут привел под стены самого старого и могущественного города Обитаемого Мира весь свой флот. Боевым галерам Тринакрии не было равных, и солдаты короля, альмугавари, которым была обещана богатая добыча, не уstraшились ни высоких стен, ни грозных башен, ни многократно превосходящего арзахельского войска.

У Гираута были припасены свои козыри. Во-первых, от верных людей он знал, что Арзахель беззащитен со стороны моря: командующий флотом, бывший по совместительству фаворитом герцога, обращался с кораблями как с овцами и продавал все, что только мог с них состричь – снасти, паруса, оружие... Личностями покупателей он не интересовался. Между тем, полновесное шаммахитское золото перекочевало в его карманы из личной казны вдовствующей королевы Тринакрии: с помощью своих соотечественников-купцов она вырвала самые острые зубы у хищника, с которым вышел на поединок ее сын. Во-вторых, Гираут был высокого мнения о шаммахитских ученых и не жалел денег для их обустройства в Трискелионе. Поэтому у него был лучший во всем

мире порох и отличные осадные орудия, не бьющие по своим в самый неподходящий момент. Он начертал на своем щите солдатский клич «Проснись, железо!» и сам провозгласил его перед первым штурмом городских стен.

С началом зимы Арзахель пал. Его жители, те, кто поосмотрительнее, покинули город еще летом, а вернувшись, много чего недосчитались – но хотя бы могли пересчитать по головам своих домочадцев. Альмугавари, покидавшие город, еле шли, сгибаясь под тяжестью награбленного. Гираут сдержал свое слово – и на три дня отдал город своим солдатам, запретив трогать лишь квартал гобеленщиков. Он пообещал своей матери, что перевезет его весь целиком в Трискелион, вместе с мастерами, станками и даже картонами. Свою невесту Гираут нашел в отдаленном предместье, в убогом приюте под крылом Дочерей Добродетели; герцог отправил ее туда в самом начале осады, приказав обращаться как с незаконнорожденной. Бедная девушка и во дворце не была особо любимой и ценимой персоной, а уж в приюте и вовсе хлебнула лиха. Так что нет ничего удивительного в том, что она встретила Гираута как долгожданного освободителя и первое, что сделала, обменявшись кольцами с женихом, – сгоряча приказала разрушить приют, а всех добродетельных дочерей отправить в солдатский бордель. Выслушав ее, Гираут понимающе покачал головой:

-Фьяметта, сердце мое, я разделяю твои чувства, но пойми же и меня – даже среди моих альмугавари нет настолько бесноватых, чтобы польститься на злобных старух. Солдаты поднимут меня на смех, а то и оскорбятся, ежели я предложу им эдакое угощение, морщинистое да беззубое. Нет, дамочки-то как раз может, и обрадуются твоей воле, но вот солдат мне придется потом по всей округе отлавливать, разбегутся же!

Фьяметта было надула губы, но, посмотрев на толкущихся во внутреннем дворике прежних своих тюремщиц, похожих на окаченных водой куриц, не выдержала и засмеялась.

-Отпусти их. – Гираут погладил девушку по исхудавшей щеке. – Поверь мне, так будет лучше. Зачем тебе дурные сны в будущем? К тому же каждому жестокому завоевателю нужна нежная спутница, чтобы он не оскотинился вконец и люди не только боялись его, но и любили бы. Стань моей лучшей половиной, Фьяметта. А взамен я стану твоей худшей.

-Я согласна. – Отдышавшись после последовавшего поцелуя, дочь герцога Арзахельского спросила: - Вы уже нашли третий тайник моего отца?

И узнав, что не нашли и второго, охотно изъявила желание лично указать хорошо знакомые ей места.

Гираут Завоеватель вернулся в Трискелион вдвое богатым против против прежнего, с войском, меньшим наполовину, но оставшаяся половина была довольна и горда, с заметно увеличившимся флотом (все распроданное прежним командующим флотское имущество неожиданно нашлось в указанном купцом-шаммахитом месте, и корабли живо привели в годный для плавания вид) и с молодой женой. Отдельной флотилией король вез своей матери достойный подарок – квартал гобеленщиков.

У Гираута и Фьяметты был только один сын, Гилас, и две дочери – Филлис и Миора. Теперь ты знаешь, любезный читатель, какие занятные предки у печального принца Дионина, но рассказ о них еще не закончен.

Гилас, младший ребенок в королевской семье, стал воплощением самых заветных ее чаяний. Силой и отвагой он радовал отца, красотой и обходительностью – мать, сестры любили его за веселый нрав. Правда, был у него один основательный недостаток, обнаружившийся с возрастом – юноша оказался чересчур ветреным, склонным раздавать красавицам обещания, о которых почти сразу же забывал, получив желаемое. Родители изредка пеняли сыну, но не более того.

Шло время, и Гирауту Завоевателю пришла пора навеки переселиться в королевскую усыпальницу. Он не успел женить сына и, умирая, доверил это нелегкое дело своей супруге. Фьяметта дождалась завершения официального траура и перед коронационными торжествами поставила сыну условие – или он женится не позднее, чем через год, или не будет ему ее благословения на коронации. Гилас не раз убеждался в твердости характера матери, поэтому перечить ей не стал; и это было то обещание, о котором он не только не позабыл после торжеств, а напротив, принялся исполнять со всем возможным, даже чрезмерным усердием. Молодой король отправил своих послов во все империи и государства старого Обитаемого Мира, в надежде найти за морями ту, единственную и прекраснейшую. И она нашлась.

Дочь суртонского императора, больше похожая на фарфоровую куколку, чем на живую девушку, прибыла в Трискелион спустя полгода с небольшим после начала поисков. Ее приняли при дворе, оказав все мыслимые почести, сестры короля шутили, что если Аригетто Первому пришлось самолично отправляться за суртонской принцессой, то их брату ее доставили чуть ли не на золотом подносе – тем более, что такая миниатюрная красавица на нем вполне бы поместилась. Гилас отшучивался, но не так метко, как раньше; он вообще как-то погрустнел, разлюбил прогулки по дворцовым садам и все больше времени проводил у матери, вникая в дела королевства.

Прошел месяц, полный суеты и расточительства, и, наконец, все было готово к королевской свадьбе. Торжество было назначено на июльский полдень, а ве-

чер предшествующего дня был посвящен приему у вдовствующей королевы. Фьяметта очень любила сады – и в эти светлые летние сумерки она приказала накрыть столы среди цветов. Гостей было немного, лишь самые приближенные тихо обсуждали подробности завтрашнего события.

-Как похолодало! – Пожаловалась Филлис, сестра короля. – Будто зима выдохнула.

-И правда, ужасный холод, - и ее сестра поежилась. Все были разодеты полетнему, июльские вечера на Тринакрии обычно теплые и ласковые.

Вскоре зимнее дыхание почувствовали все гости; тяжелым, мертвенным холодом тянуло из глубины сада.

-Что это? – Невеста указывала на траву. – Трава побелела...

-Это иней, дитя мое. – Ответила королева. – Гилас, уведи свою невесту во дворец, не хватало еще, чтобы завтра она чихнула вместо согласия.

-Не спеши, Гилас.

От этого голоса, прозвучавшего из сгустившихся сумерек, у всех гостей кровь застыла в жилах. Он был нежен и чист, но вместе с тем внушал ужас, как ледяная сталь, прижатая к горлу.

-Не спеши.

Из сада вышла девушка, очень красивая, одетая в простое зеленое платье, не скрывающее ее беременности. Она не смотрела ни на кого, кроме Гиласа, будто не было вокруг толпы разодетых гостей, умолкнувших в тревожном ожидании.

-Неужели ты думал, что сможешь всю жизнь прятаться от меня? – Она запрокинула голову и невесело засмеялась. - И ты не расстанешься со своим стальным ножом, любимый, даже спишь с ним под подушкой... ты так боишься меня и моего народа?

-Кто эта девушка, сын?.. – начала было королева, но замолчала, прерванная одним только взглядом незваной гостьи.

-Ты предал меня, Гилас. – Гостья откинула со лба прядь выющихся темных волос. – О, вы скоро поймете, каково это – быть подданными короля-предателя! Я Первоцвет, дочь короля народа холмов. Эта земля также и наша, мой народ жил здесь задолго до того, как нога первого человека ступила на земли Тринакрии. Если люди забыли об этом – им напомнят.

-Первоцвет, прошу тебя... - У Гиласа побелели даже губы, в глазах застыл страх.

-Да, ты просил меня. И я ответила тебе согласием, разве ты забыл, муж мой? Поначалу я подарила тебе свою любовь, а потом – и свою судьбу. Когда умер твой отец, мой скрепя сердце согласился на наш брак, - и она вытянула руку, на

которой сверкало кольцо. Королева пригляделась и ахнула – это было ее кольцо, она подарила его сыну с условием, что он наденет его своей невесте.

-И хотя никого из твоего народа не было на нашей свадьбе, свидетелей на ней было достаточно – если бы ты стал ее отрицать, но ты же не станешь, Гилас? – Она опустила руку. – Я знаю, тебе пришлось не по душе некоторые наши обычаи, однако разве это причина покидать меня, отказываться от нашего еще не рожденного сына? Но ты струсил, любимый. И бежал.

-Прости... - Еле слышно простонал король.

-Нет. Я простила бы тебе и трусость, и слабость, но не ее, - и Первоцвет указала на невесту, застывшую как драгоценная заводная игрушка. – Ты променял меня на это тщедушное ничтожество? Ты не просто предал, ты меня унизил. Брошенная мужем жена, что может быть более жалким? Разве что сам муж, дрожащий от страха перед возмездием...

Первоцвет вновь подняла руку – в ее сжатом кулаке отсвечивало лезвие. Это был каменный жертвенный нож.

-Я проклинаяю тебя, Гилас, король Тринакрии. Да не будет тебе ни покоя, ни счастья до конца твоих дней. Как ты предал меня, так пусть предаст тебя твой рассудок. Как ты унизил меня, так пусть унижит тебя твое сердце. Пусть смешаются твои мысли, зачахнут твои добродетели, стань позором и печалью для своего дома! И никогда – никогда! – да не будет у тебя сына, кроме нашего, которого я заберу вместе с собой!

С последними словами она поднесла нож к своему горлу и недрогнувшей рукой перерезала его, прочерчивая по белоснежной коже страшную темную полосу. Темно-зеленая кровь вырвалась на свободу, потекла, пульсируя, по тонкой шее. Первоцвет разжала пальцы, уронила нож и тихо опустилась на траву, как срезанный серпом цветок.

-О нет, любимая, нет!.. – Гилас, наконец, смог преодолеть мертвенное оцепенение; он бросился к умирающей, упал на колени... внезапно он замер, сжал руками голову и закричал – но не как от горя, а как от боли.

Когда кричащего, не сознающего себя короля унесли, королева, опустившаяся на траву рядом с самоубийцей, негромко скомандовала:

-Господин Хейм! - И королевский медик, бывший в тот вечер среди ее приглашенных, подошел к ней. – Мне нужен мой внук. Вы знаете, что нужно делать. Поспешите, пока ребенка еще можно спасти.

И медик Хейм сделал свою работу. Прямо на праздничном столе, скинув на землю стекло, серебро и цветы, своим походным скальпелем, неизменно хранимым в сафьяновом футляре у пояса, он вырезал ребенка из утробы умершей матери. Подхватив маленькое тельце, врач перерезал пуповину и окунул младенца

в огромную чашу для омовения рук, в прохладную воду с плавающими цветочными лепестками. В ответ на такое обращение младенец возмущенно завопил.

-Славный мальчик, ваше величество! – Хейм держал на руках наследника престола, не зная, радоваться этому или ужасаться.

-Отличная работа, друг мой! А ну-ка, дайте его мне, - и королева приняла вопящего внука на руки. – Вы только посмотрите, какой чудесный малыш! Не плачь, мое сокровище... - И она принялась укачивать его, укутав в свою шелковую шаль. – Позаботьтесь, мессер, чтобы его мать подготовили к достойному погребению в королевской усыпальнице. И пришлите в мои покои кормилицу и няньку.

Гираут Завоеватель, мирно спящий в мраморном склепе, мог гордиться своей женой. Фьяметта перехватила упавшие было поводья королевской власти и правила уверенной и твердой рукой. Королева-регент при безумном короле и младенце-наследнике, она не позволила ни начаться смуте, укоротив всех засомневавшихся придворных ровно на голову, ни посягнуть на границы острова – все, попытавшиеся было урвать лакомый кусочек ее земель, остались и без добычи, и без рук. Она распорядилась похоронить мать ее внука в отдельной усыпальнице, выстроенной в королевском некрополе. Принцессу – неудавшуюся невесту королева не стала отправлять восвояси, поскольку кроме стыда и забвения ее в Суртоне ничего не ожидало. Девушка получила статус приемной дочери, жила вместе с сестрами Миорой и Филлис, а через пять лет вышла замуж за главу банкирского дома Квиати и уехала в Манору.

Что касается короля, то первый месяц после смерти Первоцвет он пролежал в нервной горячке, то проваливаясь в забытие и никак не реагируя на попытки врачей помочь ему, то тихо плача от невыносимых головных болей, то погружаясь в сон, наполненный кошмарами. По прошествии месяца он как будто пришел в себя – но лишь для того, чтобы навсегда с собой расстаться. Это был совсем другой Гилас. Прежний был отважен и умен – этот боялся собственной тени и не мог разобрать детской азбуки. Прежний был обходителен и приветлив – этот временами грубил как трудный подросток, а то прятался под стол, чтобы оказаться незамеченным. Порой с ним случались припадки, когда он становился зол и драчлив, угрожал своим домочадцам, мог наброситься с кулаками на прислугу. Гиласу отвели самые отдаленные покои в старом крыле дворца, и оставили доживать свой век королем без власти.

Его сына королева растила как законного наследника престола. Ни у кого не возникло сомнений в законности его происхождения; королевство народа холмов молчаливо признавалось куда более древним, чем династия Бреттиноро.

Повзрослев, Дионин статью стал очень похож на своего молодого отца, но его глаза, печальные и нездешние, и неуловимая улыбка напоминали о матери.

-Так что сам понимаешь, парень, поводов для грусти у нашего принца хватает. – Рейнар ткнул кочергой в камин, разворошив прогорающие поленья. – Ну что, довольно с тебя на сегодня?

-Пожалуй, что да. Благодарю вас за рассказ, мессер, такое нельзя не знать, если собираешься служить принцу.

Амадей улучил момент, когда Рейнар остался один в каминном зале, и осторожно попросил рассказать о своем господине. Тот согласно кивнул и рассказал Амадею, знавшему историю правящей династии лишь по деяниям королей прошлого, невеселые подробности дня нынешнего.

-Мессер Рейнар, еще один вопрос, с вашего позволения. Вы носите ту же фамилию, что и его высочество?

-Ага. – Рыжий подмигнул собеседнику. – Моя мать – его родная тетушка Филлис, а сестры короля от родового имени не отказываются, мало ли что. Все потомки Аригетто Первого - Бреттиноро навсегда, но править королевством может только потомок по мужской линии. Так что я легко отделался. Мы с Дионином подружились еще в детстве, я буду на пять лет постарше... не буду скрывать, было удобно иметь под рукой маленького принца, чтобы валить все на него. Но если кто-то пытался обидеть его – я в долгу не оставался.

-А мессер Пара Слов?

-Цатх? Его отец командует альмугавари, королевской гвардией. Цатх был примерно твоих лет, когда они познакомились. У дворцового пса случился удар и его не самые дружелюбные питомцы вырвались на волю из загонов. Наш принц прогуливался в парке, убежав от нянек, и увидел, как травленный пес ростом с теленка собирается сожрать мелкого щенка. В неполные пять лет Дионин уже знал, что такое долг защитника, и побежал спасать того, кто слабее. На его счастье Цатх оказался среди тех, кто собирал разбежавшихся собак, и ловил аккуратно того самого, проголодавшегося. Он успел схватить мальчика, поднять его и посадить на дерево, ну, а потом ему пришлось выяснить отношения с псом. Тот своими челюстями переломал ему кости левой руки, которой юный орк закрывал свое горло, саму руку разорвал в лохмотья – в общем, удары цатхова ножа псину отвлекли, но не сразу. Парень потом пару месяцев руку в лубках носил. И как-то так получилось, что они с принцем подружились. Оркам плевать на предсказания и проклятия, и Цатха не смущали обстоятельства происхождения Дионина.

- А есть те, кого смущают?

-Конечно. Он же принц. Легче всего искать пятна на солнце.

В замок путники прибыли уже поздним вечером; хозяин был в отъезде, экононом принял гостей с подобающим почтением, накормил, сопроводил в отдельные комнаты. Амадею было очень непривычно то, что его принимали как важного гостя, и не надо было бросаться вести лошадей в конюшню и таскать горячую воду наверх в комнаты. Он старался на первых порах не привлекать к себе внимания, почти не говорил, но внимательно слушал и смотрел в оба глаза, чем заслужил одобрение Рейнара.

-А ты неглуп. Задержись после ужина у камина, надо поговорить.

Они проговорили за полночь; знатность не застила глаза Рейнару, он знал себе цену – но не пытался обесценить других. Во всяком случае, к Амадею он был настроен дружелюбно.

Через неделю путники оказались во владениях одного из придворных, сосланных королевой в отдаленное поместье за грехи, недостаточные для более серьезных воспитательных мер.

-Думаю, мы заглянем к мессеру Дамиано. Во-первых, он засиделся в своем поместье. Во-вторых, Амадею не помешает его помощь, да и ты, Рейнар, наверняка скучал по старому...

-Козлу, - закончил за принца Цатх.

-Он обещал ее величеству закончить свой труд к лету, - отозвался Рейнар, - скажем, что приехали проверить его усердие.

-Так он нам и поверит, - и Дионин повернул коня в сторону видневшихся из-за леса башенок.

Глава шестая, в которой герой узнает чужую тайну и обзаводится новой одеждой

Мессер Дамиано обитал в огромном особняке из розового известняка, в окружении причесанного, ухоженного парка. Сам дом не отличался строгостью линий, фасад пестрел множеством кудрявых излишеств, а вот избытка людей не наблюдалось – челядь либо попряталась, либо была занята делом и попусту не разгуливала. Путники подъехали к парадному входу, спешили и увидели, как распахиваются высокие двери и по ступеням почти вприпрыжку сбегает сам хозяин, спеша приветствовать гостей.

Мессер Дамиано был невелик ростом и пухл, как сдобная булочка – ручки, щечки, животик круглились и румянились, подозрительно золотые волосы, разделенные на прямой пробор, напомаженные и завитые, напоминали столярную стружку, тщательно приклеенную к голове, глаза сияли, карминные губы улыбались. Одет он был с тонко выверенной роскошью и удобством; цвета наряда, лазурный и шоколадный, гармонировали как небо и земля – то есть безупречно. Амадей присмотрелся к хозяину дома и почувствовал, что за раскрашенным фасадом спрятано нечто двойственное, смешивающее симпатию с неприязнью; тут же юноша понял, что и сам оказался в фокусе пристального внимания: хлопоча, кланяясь, восклицая, всплескивая пухлыми ручками, Дамиано успел бросить несколько острых, оценивающих взглядов в сторону альбиноса.

-Познакомьтесь, мессер, Амадей – наш будущий мастер Ритуалов, - принц передал поводья коня будто из-под земли появившемуся слуге.

-Ваше высочество, я вижу, вы все-таки не пренебрегли просьбой Панфило... Что ж, как всегда ваш выбор говорит о многом.

Они уже открыто посмотрели друг на друга, Амадей поклонился, Дамиано ответил тем же.

-Мессер Дамиано, мы неделю не видели хорошей ванны. – Плаксиво пожаловался Рейнар. – И белья не меняли.

-Самоотверженность и лишения, - буркнул себе под нос Цатх.

-О боги! – Хозяин дома воздел руки к небу. – Да как же вы живете, мессеры? В дом, немедленно прошу в дом! Горячие источники всем хороши, а особенно тем, что ванна вам будет готова - не успеете раздеться. И вы, мессер Амадей, не стесняйтесь, проходите, будьте как дома.

-Мессер Дамиано, - поднимаясь по широким ступеням, негромко попросил Дионин хозяина, - я прошу вас – помогите Амадею.

-Все понял, ваше высочество! – Дамиано закивал головой как суртонская кукла-болванчик. – Благодарю за доверие. И за возможность работать с таким экземпляром...

-Ну-ну, Дамиано! – Засмеялся принц. – Не смущайте моего слугу. Мы у вас немного задержимся, так что времени у вас предостаточно.

Ожидавшая их купальня была идеальным прообразом всех купален мира. Это не был скромный пристрой к прачечной, подворовывавший ее воду и тепло, и не темная комнатка, полная мокриц и украшенная разве что разводами плесени. О нет, под ванные покои возрастного купидона Дамиано было отведено целое крыло первого этажа его особняка. В них были просторная раздевалка с мраморными полами и диванами в шаммахитском стиле, теплая комната, обшитая душистым кедром, - там можно было посидеть на каменных скамьях в клубах горячего пара или вытянуться прямо на прогретом полу. Потом следовало пройти в горячую комнату, где в нескольких неглубоких бассейнах бурлила вода из источника, на подставках были разложены морские губки и серебряные изогнутые скребки, стояли сосуды с мыльными растворами и душистыми маслами. В глубокой нише было устроено что-то вроде водопада, под которым можно было смыть с себя все грехи заодно с пылью и потом. Из горячей комнаты выходили в просторный светлый зал, украшенный колоннами, посередине которого был большой бассейн, наполненный прозрачной прохладной водой. Бассейн был так велик, что в нем впору было плавать. Вдоль стен стояли деревянные диваны и кресла, на них были разложены купальные простыни, льняные полотенца и одежды для гостей – мудрый хозяин выбрал для них шаммахитские джеллабы, просторные, не стесняющие движений, легкие.

-За такое купание можно и душу продать, - выдохнул Рейнар, погружаясь в горячий бассейн. – О боги, как же я мечтал об этом... - и он ушел под воду, пуская ртом пузыри.

-Даже у меня такой купальни нет, - искренне пожаловался Дионин, поворачиваясь под горячим водопадом. – Не подумай, Амадей, с дворцовых обитателей грязь кусками не отваливается, но... чего-то в наших купальнях не хватает.

-У тебя такой роскоши нет, - пробулькал рыжий, - уж прости за правду. Здесь каждую мелочь подбирали как слово в песню. Обрати внимание – стены обшиты не шаммахитским кедром, как во дворце, а нильгайским – он пахнет гораздо нежнее.

-И сквозняков нет, - подал голос Цатх.

-И все линии плавные, как берега речки, - высказался Амадей. - Это успокаивает глаз.

Он наслаждался горячей водой, так же, как и его фамилиар – Шеш сполз с запястья юноши и неторопливо плывал по бассейну, выписывая восьмерки и круги.

-Похоже, вы тут все знаете толк в комфорте, - Дионин кивнул Амадею. – Да, старик Дамиано иногда кажется... - и он покрутил пальцем у виска, - но в своем роде он уникам.

Вода в огромном бассейне, куда они, оттерев грязь недельного путешествия, попрыгали с довольными воплями, взбодрила их, разморенных и размлевших. Вдосталь наплававшись, они переоделись в джеллабы и отправились вслед за слугой в трапезную, ибо после такого купания есть им хотелось немилосердно.

И вот тут Амадея постигло разочарование. Суп, поданный в расписной фарфоровой супнице, разлитый серебряным половником по фарфоровым же тарелкам, есть было решительно невозможно. После супов вечного котла этот был похож на воду, в которой Амадей выполаскивал тарелки. Юноша съел пару ложек и отодвинул тарелку, стараясь не привлечь к себе внимания. Однако его разборчивость не ускользнула от глаз хозяина.

-Вы не голодны, юноша?

В ответ живот Амадей предательски заурчал.

-Простите, мессер Дамиано. Я подожду жаркого.

-А что не так с супом, позвольте спросить?

-Говори как есть, Амадей. – Посоветовал Рейнар, возя ложкой по дну тарелки. – Должен же хоть кто-то отважиться и сказать правду!

-Эту воду из-под вареных яиц нельзя даже называть супом, мессер. – Амадей с сожалением покачал головой. – Это все равно, что сравнивать ваши купальни и деревянную лохань в прачечной.

-Странно... - Димиано отложил ложку. – Признаться, я никогда не любил супы, но этот не кажется мне так уж плох.

-Значит, вы никогда не ели суп из вечного котла.

-Из вечного котла? Друг мой, это же давным-давно утраченный секрет одайнской кухни!

-Может, в Одаине его и утратили, но в «Копченом хвосте» я его пять лет поддерживал.

-Подтверждаю. – Дионин из вежливости съел не более четверти тарелки. – Амадей служил на постоялом дворе, там подают такие супы, что я думаю поначалу отправить его на дворцовую кухню, чтобы он научил старшего повара своему искусству, и только потом подпущу его к записям мессера Панфило.

Жаркое тоже оказалось так себе, оно было красивым, но несъедобным: фазан в оперении, обложенный яйцами из запеченного теста, был сух как трут, начинка же тестяных яиц напоминала клейстер.

Спас положение обильный и удачный десерт; видимо, хозяин дома был сладкоежкой. Убрав почти нетронутую фазана, слуги устали стол слоеными конвертами с грушами, мягким сыром и брусникой, жареными пирожками с изю-

мом и орехами, запеченными кремами с глазированной сахарной корочкой, трубочками конноли со взбитыми сливками, шоколадными рассыпчатыми печеньями, глубокими блюдами с шаммахитскими сладостями, тонущими в розовом или лимонном сиропе; запахло ванилью, корицей, кардамоном, цедрой и горячим сливочным маслом, над блюдами парили облачка сахарной пудры, над чайником с драгоценной суртонской заваркой витал ароматный пар. Все это выглядело так, будто все предыдущие блюда были поданы для отвода глаз, только чтобы соблюсти традиции и в свой черед освободить стол для истинного короля – десерта. Гости наперегонки тянули свои руки к грудам сладостей, перешучивались, и, не смущаясь, облизывали слипающиеся пальцы. Цатх загреб себе целое блюдо пирожков и любому, пытавшемуся стянуть у него хоть один, показывал свои немаленькие клыки. А Амадей дотянулся до конноли – он никогда прежде не ел этого десерта, придуманного кондитерами Влихады, и теперь наверстывал упущенное.

Гости встали из-за стола сытые и довольные, как дети. Хозяин пожелал им хорошего отдыха, а слуги проводили их по комнатам, благо уже наступил поздний вечер.

Заперев дверь, Амадей улегся на кровать и с блаженным выдохом растянулся на расшитом шаммахитским узором покрывале. В такой постели ему еще не приходилось спать, да и в такие комнаты он прежде не был вхож. Стены, обшитые кожаными тисненными обоями с тонко вызолоченными арабесками, пол, устланный мягким шерстяным ковром, немногочисленная, но дорогая и удобная мебель, на славу протопленный камин – все говорило о внимании к гостям и желании очаровать их. Амадей зевнул, глаза его слипались.

-Шшшшто, расслабилссся? Малышшша накормили ссладким... – Шеш сполз с руки и свернулся на покрывале. Сейчас он заметно вырос, став с руку длиной.

-Шеш? – Амадей сел, протер глаза. – Что-то не так?

-В доме такого хххозяина? – Сверкнул глазами змей. – Неушшто ничего не замечаешшшь?

-Нет, - пожал плечами Амадей. – И потом, я вообще-то не сам по себе здесь. А в свите принца. – Он честно старался не важничать.

-Оххх ты, какая вашшносссть! – Насмешливо прошипел Шеш. - Запомни, малышшшш – ты всссегда и весссде сам по себе. Сссудьба твоя такая. Расссчитывай на сссебя, не обманешьссся.

Он сполз на пол, у двери поднял голову, оглянувшись.

-Не ссспи, пока я не вернуссь.

И, уменьшившись, проскользнул под дверью.

Амадей встал, зажег обе свечи на каминной полке, раздул затухающее пламя; вернувшись в кровать, он обнаружил, что спать уже не хочет и все внимательнее и внимательнее прислушивается к ночной тишине. Он вспоминал хозяина дома. Смешной толстячок с явно крашеными волосами и губами, разодетый в батистовое белье и цветной атлас, любящий сладкое, - что тут может быть такого опасного? Амадей мог припомнить разве что похожего типа, жившего в Шэлоте – тот любил приглашать в свою карету мальчиков посимпатичнее, якобы на прогулку. Ну, уличных мальчишек на такую удочку поймать было мудрено, они либо швырялись в любителя прогулок грязью, либо сразу удирали в переулок потеснее, куда карете было не проехать.

Но то было в Шэлоте; при чем тут мессер Дамиано? С Амадеем он не заигрывал, да и сам Амадей уже не мальчик. Юноша присел на край кровати; его все сильнее и сильнее мутило. «Вот дурак, - выругал себя Амадей, - надо же было обожраться до тошноты!» Его желудок, непривычный к такому непристойному количеству сладкой пищи, все яснее давал понять, что долго держать в себе содержимое не собирается.

Амадей взял стоящий на столике возле кровати стеклянный кувшин с водой и глотнул прямо из горлышка, чтобы хоть как-то разбавить тошнотворный ком в животе – и понял, что не стоило этого делать. Вода была сладкой; да что там, это был почти сироп, липкий и приторный. Амадей уронил кувшин на пол и, как был, прямо в джеллабе, босиком, зажимая рот руками, метнулся прочь из комнаты. Ему была невыносима мысль, что он осквернит такой нарядный дом. Он стрелой пронесся по коридору и выскочил на задний двор, в сад. Наклонившись над ближайшей клумбой, юноша по-быстрому и без сожалений распротился с ужином. Неподалеку тихо журчал небольшой фонтан, служивший, очевидно, для поливки цветников; Амадей сунул голову под холодную струю воды, напился от души, благословляя чистый, незамутненный вкус, умылся и почти пришел в себя. Он присел на каменный парапет, запахнув полы темно-синей джеллабы; было довольно холодно, но это только бодрило его. Амадей оглянулся – дом спал, лишь одно окно слабо светилось за ставнями; но вся эта темная громада не создавала ощущения безопасности и покоя. Напротив, дом казался настороженным и неприветливым.

-Пригнись... - Шеш оплел запястье Амадея, выскользнув из фонтана.

Не задавая вопросов, его хозяин нырнул за невысокий парапет. И вовремя. Он увидел, как из глубины сада появляются три тени, бесшумно пробирающиеся к дому, тени, слишком не похожие на людей даже в темноте. Амадея снова затошнило.

-Один уже в доме. – Сообщил Шеш. – У хозяина.

Не раздумывая, Амадей бросился в дом. Следовало бы разыскать и позвать на помощь Цатха, а то и всех троих его спутников, но на это времени у него не было. А вот найти хозяина было проще простого – для Амадея его страх дребезжал как расстроенная эолова арфа, и он просто шел на этот звук, совершенно не опасаясь встретить тех, троих, забравшихся в дом явно без приглашения. Поднявшись на третий этаж, Амадей остановился перед дверью, сквозь которую пробивалась полоска света. Безоружный и бесстрашный, он тихо потянул на себя дверь.

-Где ключ, Дамиано? Нам нужен ключ!

Хозяин дома сидел за столом, а говоривший стоял вполоборота к двери, наклонившись над ним и нежно водил лезвием кривого ножа у него перед глазами.

-У меня нет никакого ключа! – Пискнул Дамиано, еле дыша. – Нет... у меня... никакого ключа!

-Да неужели? – Нож приблизился еще на дюйм. – Пожалуй, стоит освежить тебе память!

-Мессер Дамиано! – Амадей стоял на пороге, распахнув дверь. – Вы меня звали?

Ничего умнее он не успел придумать. Но и этого хватило. Незванный гость обернулся на голос и отвлекся на мгновение. Дамиано же, обнаружив неожиданную хватку, сцапал со стола ножницы – портновские, очень красивые, с золотыми ручками – и воткнул их в горло гостя.

Амадей застыл как вкопанный – и не столько из-за решительности Дамиано, сколько из-за увиденного лица того, кто только что щекотал ножом чужие ресницы. Но долго любоваться вытянувшимся носом, клочками серой шерсти и брызгами крови, летящими из оскаленного острозубого рта, ему не пришлось.

-Мальчик! Стой, где стоишь! – Дамиано оттолкнул привалившееся к нему тело и зачем-то передвинул массивную чернильницу. Амадей услышал тихий щелчок прямо у себя под ногами. – Теперь входи. На два шага.

Амадей послушался, несмотря на оскорбительное обращение. Сделав ровно два шага, он остановился и огляделся. Кабинет, освещенный десятком свечей в массивных подсвечниках, выглядел бы вполне мирно, если бы не распахнутое в ночь окно и тело на ковре, меняющее очертания, как тающее фигурное мороженое. Не сказать, чтобы юноша был совсем уж неженкой, ему нередко приходилось резать домашнюю живность в «Копченном хвосте», и на охоту он с Горчей ходил не раз, так что смерть живого существа была ему не в новинку. Вот только прежде он не видел смерти тех, кто разговаривает, да еще такой внезапной. Однако ситуация была не из тех, что располагают к долгому осмыслению увиденного.

-Мессер, я видел еще троих в саду.

-Очень хорошо. – Дамиано на секунду задумался, потом протянул руку к доске для игры в махшит, стоящей на краю огромного стола. Передвинув туда-сюда какую-то фигуру, он приветливо улыбнулся Амадею и нырнул под стол. Юноша, подлетев в два прыжка к столу, успел увидеть только, как закрывается с тихим шелестом крышка люка, куда спасся благодарный хозяин дома.

-Стой, падла! – Уличное прошлое Амадея вырвалось на волю в запоздалом ругательстве и плевке на пол.

В кабинете прятаться было негде, да и беспокойный труп доверия не внушал. Возвращаться в темные коридоры спящего дома – благодарим покорно, пока дойдешь до своих, как раз на такое чудище нарвешься. Амадей присмотрелся к доске для игры в махшит – как бы понять, какую именно фигуру и куда двигал этот трусливый гад? Поразмыслив с минуту, юноша хмыкнул.

-Глянь, Шеш. Если отправить боевого слона вот сюда, то для запертого лазутчика откроется ход в безопасный сектор, а атакующий всадник окажется заблокирован. А ну-ка, - и он передвинул тяжелую фигурку.

Под его ногами с тихим шелестом поползла в сторону незаметная прежде крышка люка, открывая нечто вроде желоба из отполированного дерева, по которому толстая задница хозяина дома спасалась в случае опасности. Не раздумывая, Амадей скользнул вниз. В спешке он не принял во внимание, что Дамиано, сделав нужный ход, вернул боевого слона на место, - потому люк и закрылся. А на этот раз он остался гостеприимно открытым.

Приземлившись на пол, Амадей встал, выпутал ноги из пол своего чересчур просторного одеяния и огляделся. Судя по всему, желоб вел на второй этаж, в потайную комнатку, спрятанную в толще фальшивой стены. Было тихо, темно и все так же отчаянно дребезжал где-то совсем рядом страх мессера Дамиано. Амадей нашарил дверную ручку, потянул ее, и дверь тихо отползла в сторону. Перед ним был огромный зал: в высокие окна вливался свет полной луны, озаряя гостей, пышно разодетых для какого-то торжества и будто замерших на выдохе. Присмотревшись к ближайшей фигуре, юноша облегченно перевел дыхание – это был всего лишь мастерски исполненный манекен, наряженный со всей возможной тщательностью. Не была упущена ни одна деталь, платье сидело безукоризненно, и даже парик украшал безликую голову.

Такого и во сне не увидишь, подумал Амадей, оглядывая залу. На наборном паркетном полу, поодиночке или собравшись небольшими группами, стояли десятки манекенов, наряженных в такие одежды, что и королева обзавидовалась бы. Взгляд Амадея то погружался в тяжелые складки бархата, в котором гас лунный свет, то скользил по полупрозрачной, вышитой золочеными нитями

кисее, то цеплялся за блистающие драгоценные украшения. Спасаящийся бегством герой неожиданно попал в плен великолепия всех этих тканей – легких, тяжелых, гладких, вышитых, уложенных складками, вырезанных фестонами... рукава и воротники, юбки и корсажи затягивали его в шелестящий водоворот... Сердце Амадея неистово билось, дыхание перехватывало, голова кружилась – это стихия нарядного платья обрушилась на него, как морская волна.

Придя в себя, он снял с ближайшего манекена плащ, набросил себе на плечи и двинулся вдоль стены, стараясь держаться в тени и не попадать в квадраты лунного света, в поисках спрятавшегося Дамиано.

Ему уже удалось подобраться довольно близко к манекену, изображавшему толстую придворную даму в сильно декольтированном платье из тяжелого бархата. Манекен отличался от всех остальных тем, что дышал. И в эту минуту Амадей услышал глухой стук, свидетельствующий о прибытии еще одного гостя на этот странный ночной бал. Судя по полузадушенному проклятию, манекен тоже его услышал. Амадей отступил к простенку между окнами, в тень, и закрыл глаза.

Гость вошел в залу, ничуть не таясь. Он не торопясь шел, обходя разряженных болванов, он прошел и мимо Амадея, приняв его за новый экспонат.

-Здравствуй, Дамиано. О боги, ну и вырядился же ты. – И гость засмеялся, будто ржавой дверью заскрипел. – Ну что, потанцуем сперва, или сразу к делу перейдем?

Амадей осторожно приоткрыл глаза: спиной к нему стоял мужчина, и он обращался к хозяину дома, выглядывающему из роскошного платья как застигнутый врасплох вор из недр распахнутого буфета.

-Какой холодный прием! – Пожаловался мужчина. – Ну да ничего, сейчас я тебя отопрею.

С этими словами он взялся за богато расшитый корсаж, стискивающий пухлые бока Дамиано, и рванул его на себя. По полу запрыгали, застучали оторвавшиеся жемчужины; а Дамиано все молчал, видимо, проглотив от страха язык.

-Отдай мне ключ, или я сам его возьму! О-о-о... - протянул неизвестный, качая головой. – Так вот в чем дело...

Вытянув шею, Амадей разглядел, что на безволосой, белой груди Дамиано, вывалившейся из порванного корсажа, проглядывают очертания небольшого ключа, проглядывают прямо из-под кожи, мерцают в лунном свете. Неплохой способ хранения – уж точно не потеряешь, вот только доставать неудобно.

-Обещаю, я буду ласков, только сделай милость, не ори, я этого не выношу. – Сообщив это, ночной гость вытянул из-за голенища длинный нож, другой ру-

кой продолжая крепко держать хозяина дома за горло. Выпученные глаза Дамиано следили за ножом с тупым, коровьим ужасом.

Амадей в отчаянии оглянулся – и увидел, что у соседнего манекена на перевязи висит меч. Деревянный, щедро посеребренный, увесистый. Не рассуждая и уже не боясь себя обнаружить, он рванул меч к себе и, подскочив к разбойнику, со всего размаху ударил того по голове. Раздался глухой треск, нападавший выронил нож и мешком плюхнулся на пол.

Амадей отбросил в сторону меч, схватил Дамиано за плечи и как следует потряс. Поскольку тот на это никак не отреагировал, юноша собрался с духом и отвесил толстячку хорошую оплеуху. Тот встрепенулся, и глаза его, наконец, зажглись осмысленным светом.

-Ох! Благодарствую! Нет-нет, одной вполне достаточно! – Он похлопал себя по бокам, нашарил длинный расшитый пояс, стянул его и, присев на пол и раздувая юбку, принялся связывать грабителю руки и ноги. Закончив, он встал, перевел дыхание и встретился взглядом с Амадеем.

-В третий раз я могу и не успеть, мессер, - кивнул на оглушенного юноша. – Не убегайте так быстро, сделайте милость.

Вместо ответа тот подошел почти вплотную и буквально обнюхал альбиноса.

-Эй, вы чего... - попятился тот.

-Ты не из наших, - удовлетворенно констатировал Дамиано, отступая. – Что-то в тебе не так, я это сразу почувствовал, так что прости мне мою подозрительность, сам видишь, приходится быть начеку, - и он пнул ногой лежащего. – Но ты не наш, не наш...

-Так вы... - и Амадей присмотрелся к толстячку.

Тот в ответ подмигнул, и из его лица буквально выглянула морда толстой, откормленной крысы. Амадей отшатнулся. Зрелище это кого угодно привело бы в смятение: разодетая в бархат, декольтированная пухлая дамочка с крысиной мордой вместо лица.

-Советую держать мой секрет при себе. Тебе от него никакого проку, а мне могут выйти лишние хлопоты. – Дамиано с сожалением осмотрел разорванный корсаж. – Проклятие, такое шитье испортил, болван.

-А принц знает?

-Знает, на то он и принц. А вот его спутники – нет. – Дамиано принялся вылезать из платья. – Помоги, сделай милость.

Придерживая широкую юбку, Амадей, с трудом сдерживая смех, наблюдал, как толстячок выпутывается из бархатного плена.

-Почему вы так беспечны, мессер? Ловушки и потайные ходы это здорово, но вооруженная охрана еще лучше, разве нет? И ради всех богов, как вы влезли в это платье?!

-Нет. – Отрезал Дамиано, пыхтя и отфыркиваясь. – Мне лишнее внимание ни к чему. Прознают про охрану – сразу поймут, что мне есть, что прятать. И все мои слуги, кроме кухарки и прачки, бывшие солдаты, в их руках и метла – оружие.

-И где же были сегодня их метлы? – Сязвил Амадей.

-Как где? Уделали еще двоих. Обычно я справляюсь сам, но сегодня что-то многовато гостей набежало. А что касается платья, - толстяк переступил через грудь тяжелой ткани, - то это вопрос практики. Ну что, мой спаситель, - и Дамиано отвесил неожиданно изящный поклон, - вы позволите мне проводить вас в вашу комнату?

-Еще чего. – Выпалил Амадей. – Да ни за что. Я хочу видеть все, что здесь есть – да при свете, мессер. Вы мне жизнью обязаны, как ни крути. Показывайте ваши сокровища.

-Покажу. – Улыбнулся Дамиано. – Обещаю тебе весь завтрашний день.

-Обманете ведь.

-На этот раз - не обману. Да и не получится сейчас все показать, сам посмотри – здесь ни канделябра, ни подсвечника. Сюда запрещено вносить огонь даже мне самому.

-Воля ваша, мессер. Куда мне повесить это? – Амадей снял плащ, взятый для маскировки, и протянул его хозяину.

-Нет-нет, оставь себе. Ни в коем случае нельзя расставаться с пришедшими вот так вещами. Завтра я непременно расскажу тебе историю этого плаща, это, конечно, копия, но копия отменная. Пойдем, мой спаситель. А все-таки что ты забыл ночью в саду?

-Простите, мессер, - смутился Амадей, - ваши сладости не пошли мне впрок. Я наблевал в клумбу и не успел за собой убрать. Можете проверить. И прекратите меня подозревать, это уже обидно.

-Подумать только, - покачал головой Дамиано, - от какой случайности, оказывается, порой зависит твоя жизнь!

Вопреки опасениям Амадея, Дамиано его не обманул. Он так расписал своим гостям охоту в ближних лесах, что принц с друзьями сразу же после удручающе сладкого завтрака собрались и уехали на весь день. Звали и Амадея, но он отказался, сославшись на бессонную ночь и болящий живот.

Дверь в сокровищницу нарядов была спрятана среди деревянных панелей, видимо, Дамиано редко с кем делился своими тайнами.

-Прошу, - и он широким жестом пригласил Амадея в залитый солнечным светом зал.

Амадей вошел, и вновь, как и прошлой ночью, песнь роскошного платья нахлынула на него, подхватила и увлекла прочь от берегов привычного. Он и подумать не мог, что существует столько оттенков цвета, столько фактур и фасонов, столько изящества, бросающего дерзкий вызов человеческому убожеству. Дамиано неслышно закрыл дверь и прошел в центр зала.

-Добро пожаловать, мой друг! Я вижу, ты в состоянии оценить мою коллекцию. Все эти вещи я сделал сам, - и он поклонился в ответ на искреннее изумление юноши. – Да-да, вот этими самыми руками. Амадей, именно ты, как никто другой можешь понять, каково это - быть белой вороной. В моей семье все сплошь торговцы да банкиры, иные занятия даже не принимаются как возможные. Существом моей расы предписано превыше всего любить деньги, да еще море. И свой корабль, если вдруг захочется нежности.

-А кто вы? – Амадей, предчувствуя долгий разговор, присел на низкий подоконник.

-Я - корабельная крыса. – Дамиано придвинул к окну единственное в зале кресло и с удобством в нем устроился. - Были у нас еще родичи, крысы подгорные, но их еще до разделения земель орки повывели. Невелик убыток, по моему мнению. Мы вот оказались поумнее, и чем попросту убивать людей, стали с ними торговать. Каждый выживает, как умеет. Поначалу грубили, конечно, - пиратство, работорговля, прочие излишества, ну, а потом один из наших изобрел банковскую систему, и все стало гораздо цивилизованнее. Никаких тебе кровавых историй, никакого разбоя, - а денег, между прочим, стало намного больше. Многие перебрались жить на сушу, хотя корабли держим по-прежнему.

-А вам все это не по душе пришлось?

-Ну как сказать... Деньги я люблю, отрицать не буду. Но я не моряк и не банкир, Амадей. В море меня мутит, а от цифр болит голова. Я художник. – Дамиано картинно развел руками. - И портной. Я могу создать такой наряд, что сухая ветка покажется розовым кустом во цвету, могу представить человека лучше, даже чем он сам о себе думает, а это не так легко, друг мой, ибо все мы высокого о себе мнения, даже скромники.

Дамиано встал, подошел к манекену, на котором красовался женский наряд: изумрудно зеленое верхнее платье, светлая камиза, завитые локоны золотистого парика подобраны наверх.

-Начнем хоть с этого. Я сделал вырез на спине треугольным, чтобы шея казалось длиннее, - Дамиано медленно поворачивал манекен, - а для рукавов выбрал ткань того же цвета, но более темного оттенка и украсил их узором из длинных стеблей и узких листьев. И никакого отрезного лифа, передняя планка

– сплошь рельефная вышивка черно-зеленой шелковой нитью. Умеренный шлейф. И обрати внимание – боковые вставки из ткани того же оттенка, что и рукава. Так я сумел убедить одну прекрасную даму, что необязательно шить все свои наряды из черных тканей, чтобы казаться стройнее. Между нами, в своих черных бархатах она походила на запеченную в золе картошку. Манекен соответствует ее размерам, кстати.

Погладив платье как любимую кошку, Дамиано перешел к следующему манекену.

-О, а вот одна из самых громких моих побед! Как тебе, а?

Амадей смотрел на наряд и пытался представить, как же хороша была в нем его хозяйка.

-Тут целая история, в двух словах не расскажешь. Жених прислал эти рукава в подарок своей милой, и, разумеется, ожидал, что она пришьет их к свадебному платью. Прекрасные рукава из очень дорогой шаммахитской ткани глубокого пурпурного цвета с сапфировой нитью. Вот только какая-то завистница воспользовалась тем, что подарок оставили без присмотра, и порезала их. Ткнула дамским стилетом несколько раз.

-Вот гадина, такую вещь испортила!

-А, так тебе тоже больше жаль рукава, чем невесту? – Засмеялся Дамиано. – Представь, до свадьбы два дня, весь наряд подобран к этим рукавам, на корню скуплены все фиалки в садах Трискелиона для украшения свадебного пира, а тут такое!

-И что вы сделали? – Сгорая от любопытства спросил Амадей.

-Взял не стилет, но ножницы, и внес свой вклад. – И Дамиано жестами показал, как кромсал несчастные рукава. – Потом призвал под свое командование четырех самых лучших швей в городе, и мы в десять рук принялись подшивать под разрезы полосы шелка. Посмотри, какой чистый цвет – оранжево-алый, точь-в-точь лепестки анемонов. Я вывел разрезы так, что они спиралью спускались от плеча к запястью, и вот, рукава будто расцвели буфами, которые от соседства с пурпурной основой просто светились. Обычно мы делаем разрезы на локтях, только для легкости движений, а я сделал их украшением... Потом мы сшили новую камизу из кисеи того же ликующего цвета, я собрал ворот в мелкую складку, чтобы вырез платья звучал в унисон с вырезами на рукавах. Что еще? Букетики из фиалок и фрезий, подкалывающие верхнюю юбку в нескольких местах, чтобы все видели - камиза так богата, что ножки невесты не разглядеть сквозь множество складок тончайшей ткани. У девушки были чудесные волосы – черные, вьющиеся крупными кольцами, одно удовольствие было скалывать их золотыми шпильками.

-Жених от счастья не помер? – Поинтересовался юноша.

-Был близок к тому. А все приглашенные на свадьбу дамы на следующий же день бросились дырять свои рукава почему зря, - Дамиано вздохнул. – Столько добра перепортили! Ужас.

-Мессер, это тоже невестин наряд?

Амадей подошел к манекену, одетому в платье удивительного цвета – это был белый какого-то хрупкого, призрачного оттенка. Казалось, нежный шелк впитал в себя беззащитность первого и обреченность последнего снега, он светился будто тонкая льдинка на горячей ладони. Такой чистый цвет не нуждался в ухищрениях, платье было простым и легким как дыхание. Портной позволил себе лишь одно украшение – тонкий и длинный поясок зеленого цвета, похожий на лезвие осоки.

-Скорее наоборот. Это погребальный наряд госпожи Первоцвет, матери Дионина.

Амадей вспомнил рассказ Рейнара и отступил перед ошеломляющей красотой и осмысленностью платья.

-Я и представить себе не мог, что можно вот так... что платье может... - он сбился и замолчал.

-Посмотри-ка сюда, - ободряюще предложил хозяин, - для мужчин одежда тоже что-то значит. Эту двойную расцветку я придумал благодаря одному господину, у которого один глаз был зеленый, а другой серый. Я сшил ему наряд в духе эригонской моды, они там называют этот фасон «пурпуэн» - однако я не стал делать рукава похожими на мешки, в которые только еду со стола воровать, а длину довел до середины бедер, иначе все внимание досталось бы не моей гениальной задумке, а его ядреной заднице. Мода модой, но гармония превыше сиюминутных глупостей. Платье шьют не для того, чтобы показать, сколько локтей парчи или шелка вы в состоянии купить, а чтобы выразить свои чувства.

-А я думал, чтобы пыль пустить в глаза, - ответил Амадей, разглядывая мантию, отороченную белоснежным мехом.

-Это само собой, одно другому не помеха. Как же я потом с двойной расцветкой намучился! Люди совершенно не умеют подбирать цвета, только и знают, что присобачивать к глубокому, богатому винно-красному – плоский желтый, или к черному – белый...

-То есть делать либо несочетаемо, либо скучно?

-Золотые твои слова, друг мой. Ну, не буду тебе докучать. Смотри, наслаждайся. И не бойся спрашивать, я с радостью расскажу обо всем, что знаю и помню.

На несколько долгих, незабываемых часов Амадей погрузился в коллекцию мессера Дамиано. Он переходил от одного манекена к другому, осторожно поворачивал их, приподнимал ниспадающие рукава, поправлял локоны париков. Юноша живо представлял себе, как сосредоточенный и на этот раз нимало не потешный Дамиано осторожно вытягивает кончиками пальцев тонкий шелк, украшая разрезы пышными буфами, как ползает он на коленях перед платьем, расшивая его подол витым жемчужным шнуром, как набрасывает он на манекен отрезки ткани, пытаясь отыскать лучшее сочетание цветов. Амадей видел, как мягко приспособливал Дамиано фасоны к телам живых людей, украшая их, но не заставляя при этом страдать. Созданные им платья были подобны живым цветам, они радовали глаз и душу.

Устав, Амадей вновь присел на подоконник, чтобы перевести дух.

-Тот плащ, что вы мне подарили... я повесил его на спинку кровати, она высокая. Для кого вы егошили?

-Плащ цвета горечавки... - Задумчиво проговорил Дамиано. – Отличное шелковистое сукно, плотное, в меру тяжелое, легко драпируется. Застегивается на плече аграфом с рубинами. Ты будто знал, в какую вещь спрятаться. Белая кожа, белые волосы, брови и губы, и при всем этом - вишневые глаза! Ты выбрал не просто подходящий тебе наряд. Ты выбрал идеальный. Мне осталось только подобрать остальное, и я займусь этим сегодня же! Надеюсь, ты составишь мне компанию?

-Вы будете шить для меня? – поразился Амадей.

-Рисовать. Кроить. Шить есть кому, но пару швов - на удачу - я сделаю, иначе нельзя.

-Я этого не забуду. – Серьезно сказал юноша. – Но вы так и не сказали мне, для кого вышили этот плащ в первый раз.

-Не поверишь – для своего спасителя. – Усмехнулся Дамиано. – Всей истории я тебе не расскажу, разумеется. Этот... человек появился очень кстати в крайне опасный для меня момент и, рискуя своей жизнью, спас мою. Я жил в его доме несколько месяцев, - непроизвольно портной прикоснулся к груди, к тому месту, где под кожей был спрятан ключ.

-Вы как-то неуверенно назвали его человеком, мессер.

-И этому есть причины. У людей не бывает острых ушей, люди не умеют произвольно менять цвет глаз – этот плащ я сшил под его синие глаза, именно с ними я впервые его увидел... что еще? Люди не живут триста с лишним лет, выглядя при этом самое большее на тридцать. В одном из наших семейств передают из поколения в поколение легенду о том, как он перекинулся в звероформу меньше чем за минуту и свернул шеи чуть ли не десятерым крысам.

-Так вы видели настоящего мага? – Восхищенно спросил Амадей. – Мага-полуэльфа?

-Ну, своей эльфийской половиной он не особо гордился, а вот маг он достойный. Ну что, довольны с тебя на сегодня? Пойдем, уже начинается темнота. Скоро вернутся наши охотники, и вы сможете приготовить себе мясо. Я ведь его не ем, - вздохнул Дамиано. – Не могу, как ни готовь. А завтра мы начнем создавать твой облик.

Они пробыли в доме Дамиано две недели. Принц с друзьями охотились, проводили время в библиотеке или в купальне, а Амадей почти не отходил от хозяина дома. Он не дыша смотрел, как тот рисует, одним движением карандаша выводя силуэты стройных юношей и наряжая их в прекрасные одежды. По ходу дела Амадей учился сочетать цвета и формы, постигал различия между холодными и теплыми оттенками, узнавал, как правильно смешивать цвета. Он выслушивал многословные отступления в историю моды и старался не морщиться, когда во время примерок пухлые ручки Дамиано задерживались на его теле. Дамиано, заполучив такого внимательного и благодарного ученика, весь светился. Он щедро делился с юношей своими познаниями и умениями, и ни разу за все эти две недели в нем не просыпалась его звероформа, ни разу Шеш не стиснул предупредительно запястье Амадея.

Дионин несколько раз навещал своего нового слугу, каждый раз заставая того с головой погруженным в стихию нарядного платья; Амадей рылся в коллекциях тканей, в бумажных эскизах, даже принимался сам рисовать и драпировать ткани на манекенах.

-Я очень рад, что вы поладили. Признаться, я давно не видел Дамиано таким счастливым, - как-то вечером принц заглянул к Амадею, разбирающему у себя в комнате кипу разноцветных шелковых шнуров. – А ты, как я посмотрю, не признаешь полумер, и если что-то тебя захватывает, то ты с головой уходишь в новое занятие.

-Вы правы, мой господин. – Амадей подошел к окну и закрыл ставни; к ночи ветер заметно холодел. – Мессер Дамиано говорит, что я как бумага - принимаю любой цвет и присваиваю его.

-Старик умеет найти нужные слова. – Кивнул принц. – Он прав, Амадей, ты действительно способен принимать чужое и делать его своим. Тебе не любопытно узнать, почему я забрал тебя из «Копченого хвоста»?

Дионин удобно устроился в кресле у камина, поставив на каминную полку прихваченную с собой бутылку вина.

-Любопытно, - признался Амадей.

-Тогда слушай. Я уверен, что лис Рейнар уже рассказал тебе мою горестную историю, печальную повесть о бедном, несчастном принце, рожденном от безумного отца и мертвой матери. Все так, Амадей, можешь не отводить глаз, - я живу с этим знанием уже двадцать лет и успел к нему привыкнуть. Однако же в детстве мне приходилось временами несладко. И уж совсем невыносимым был для меня день рождения. В этот день мои сверстники объедались сладостями, получали подарки, и даже самые отъявленные паршивцы были обласканы, были любимы... А я... а я вспоминал, что в день моего рождения моя мать перерезала себе горло, а отец сошел с ума.

-Зачем вам это рассказали? – Нахмурился Амадей. – Могли бы подождать до совершеннолетия хотя бы.

-Ишь, чего захотел. Всем во дворце рот не заткнешь, и далеко не все любят тех, кому служат. Так что до моих ушей все дошло в весьма неприкрашенном виде. Бабушка пыталась устраивать мне праздники, но я редко когда доходил до праздничной залы, почти всегда сбегал. Мне была невыносима мысль, что все будут смотреть на меня, кто с жалостью, кто с неприязнью, и делать вид, что веселятся и радуются. Я не выношу неискренности, Амадей, не терплю лжи.

Дионин замолчал, глядя на пляску огня в камине. Амадей взял принесенную бутылку, налил полный бокал и подал принцу. Тот принял его, поблагодарив кивком.

-Во дворце было два места, где я чувствовал себя спокойно и не озирался по минутно. Это комната моей няни и кухня, где служила ее старшая сестра. У няни было уютно и тепло, можно было печь в камине яблоки, с ногами залезать на постель и даже плакать. А в кухне меня усаживали в самый укромный уголок у очага, рядом с длинным столом, на котором лежали груды зелени и орехов, и угощали всем самым вкусным, самым поджаристым и пряным, что только могла найти сестра-повариха. И никакой тебе каши. Няня садилась рядом и принималась помогать – обычно обе сестры шелушили горох или чистили каменные каштаны. А я сидел на высокой скамье, болтал ногами и уплетал за обе щеки...

-Запеченный крем? – Предположил Амадей.

-Иногда и так везло. – Улыбнулся принц. – Думаешь, я не понял, чем ты для меня пожертвовал? Ки Стафида готовила его для тебя раз в год, так ведь?

Он отхлебнул вина раз, и еще раз.

-Я знаю то, что знаю. Но это не значит, что это знание не угнетает меня порой сверх меры. Иногда я сбегаяю из дворца, а потом и из Трискелиона. Хорошо, что друзья знают, где меня искать, и следуют за мной. Но в этот раз я сбегал и от них, и как опавший лист пустился на волю ветра. И когда желание

спешиться, сесть на берегу реки и ждать, пока снег засыплет меня с головой, стало совсем невыносимым, я нашел ваш двор, и ты принял меня так, как принял. Ты вернул мне тепло и покой, каких я не знал с детства, ведь взрослым принцам не разрешено бегать на кухню и прятаться от невзгод у няни.

Дионин допил вино и протянул бокал Амадею.

-Наливай. Я глазам своим не поверил, когда ты привел меня на кухню. А там уютная тетка орехи перебирает... кот мурлычет... и похлебка такая, что жить только ради нее захочешь! Ты чувствовал, что мне действительно нужно – и не побоялся дать мне это. – Дионин допил вино, глянул поверх бокала на Амадея. - А ведь я так и не поблагодарил тебя за твой именинный десерт, который ты уступил мне. Благодарю сейчас.

-Мессер... - Смутился Амадей. – Я не сделал ничего особенного. Клянусь, я сделаю для вас гораздо больше, когда буду в силах.

-Ничуть в этом не сомневаюсь. Теперь ты понимаешь, что после такого подарка я не мог расстаться с тобой. Помни об этом, особенно когда мы окажемся во дворце, и обязательно найдется доброжелатель, который попытается объяснить тебе, как опасно служить сыну проклятого короля. А сейчас проводи меня до моей комнаты, будь другом.

Дойдя до порога, Дионин обернулся к Амадею.

-И вот еще что. Ты все-таки держи ухо востро с Дамиано. При всей его симпатии к тебе он может быть опасен. Не забывай о том, что видел.

Дом мессера Дамиано Амадей покидал не без сожаления. Тот исполнил данное слово, и юноша увозил с собой неплохой новый гардероб и несколько рисунков, по которым ему было приказано пошить недостающие вещи у конкретно названных портных в Трискелионе.

-Запомни, юноша, - никаких слабых и глухих цветов, они обесценят твою белизну. Если красный – то винные оттенки, если зеленый – то никакой желтизны на изломе, если черный – то непременно матовый. Отдавай предпочтение холодным тонам, но серый выбирай потеплее. Захочешь всех сразить - надень свой синий плащ. И сделай милость, не стриги коротко волосы. - Наставлял юношу портной, заканчивая укладывать его обновы.

-Мессер Дамиано. – Амадей взял аккуратно увязанные в дорожный тюк новые вещи. – Когда я стану мастером ритуалов, вы окажете мне честь работать со мной?

-Ох, мальчик... не делай в порыве благодарности предложений, о которых потом пожалеешь.

-А вы не отказывайтесь от предложения, которого всю жизнь ждали, только потому, что семья не одобряет ваших занятий. Плевать на них, мессер. Вы слишком хороши, чтобы на деревянных болванов шить.

Неожиданно для себя самого Амадей крепко обнял Дамиано, потом отстранился, почтительно поклонился и вышел из своей комнаты. Сборы были закончены. Сразу после завтрака они уехали.

Покачиваясь в седле за Цатхом, Амадей вспоминал недели, проведенные в доме корабельной крысы. Отправляясь вслед за принцем, он, разумеется, рассчитывал на приключения, хотя и не ожидал их так скоро. Альбинос был доволен собой – ему удалось многому научиться и разжиться новой одеждой, достойной его нынешнего статуса. Теперь он знал толк не только в кухне, но еще и в нарядах; это добавляло ему уверенности в себе, столь необходимой каждому, кто подъезжает к воротам Трискелиона.

Глава седьмая, в которой герой приезжает в Трискелион и встречает там того, кого никак не ожидал встретить

«Если ты хочешь выжить в этом городе – будь терпелив и осторожен как лань на водопое. Хочешь преуспеть – будь быстр и безжалостен, как тигр, охотящийся на лань. Входя в самый дешевый трактир, будь учтив, иначе будешь битым. А в дорогом заведении забудь об учтивости, иначе будешь унижен. Привыкай, что здесь не мясо прячут в овощах, а овощи ютятся по ободу блюда, на котором правит жареный кабан. Не ищи в этом чудовищном городе гармонии, не жди от него порядка. Просто останься здесь пообедать – ты останешься здесь навсегда».

Так сказал о Трискелионе суртонец.

«Да услышит Вседержитель голос твой, когда ты будешь молить его о спасении из цепких лап этой блудницы, этой оболъстительницы, этой скверной и безрассудной! Пусть подобна она бесценному алмазу, пусть сладок голос ее и приятны речи – яд под языком ее, да и сам язык – змеиный. Все силы юности своей ты отдал ей безоглядно, без счета сыпал наследное золото, душу свою расстилал как ковер ей под ноги. Чего только не делал ты ради нее – разве что не торговал честно. И когда ты заплачешь, взывая к Всесильному, то посмотрит он на тебя, и скажет: «Сын мой, разве для того создавал я самум, чтобы поливать сады?» У этого города, как у продажной женщины, нет для тебя жалости – есть только любовь».

Таково было слово шаммахита.

А сыновья Эригона, Маноры, Арзахеля и Одайна говорили так громко и топло, перебивая друг друга, что даже сами не все поняли.

-Ваш королевский дворец – жалкая копия нашего! Гораздо легче сделать колонны целиком из мрамора, чем раскрашивать под мрамор оштукатуренный кирпич. И что может быть вульгарнее полов из оникса, сердолика и агата? Разве что гобелены с золотыми нитями!

-Никто не смел сказать о гобеленах – «они вульгарны!» - пока вы не украли их у нас! Наши картоньеры знали свое место и лишнего завитка в арабеске себе не позволяли. А у вас? Разве это порядок, когда невозможно отличить, где вышитый цветок, а где живой?!

-Да куда вам до наших цветников! Что с того, что наши розы мельче, бледнее и пахнут не так сладко – зато они цветут как полагается, один раз в году, а не два, как ваши пышные, роскошные, столепестковые сокровища...

И, не сговариваясь, они дружно стонут, исходя восхищенными проклятиями.

Таков Трискелион, столица Тринакрии.

Город окружен крепостной стеной, местами уходящей в рыжие скальники, и попасть в него можно либо через охраняемые ворота, либо потайными путями. Несколько горных речек текут по склонам Трискелиона, а вокруг простираются обширные предместья.

На восточном склоне горы, на первых ярусах расположились ратуша, рыночная площадь с лавками и харчевнями, мастерские ювелиров, портных, гобеленщиков, мебельщиков и обойщиков, лавки менял и скромные конторы денежных воротил; тут же расположилась гордость Тринакрии – академия художеств, в спину ей дышит университет, с бока подпирает медицинская школа. От богатых особняков шумные кварталы отделяют сады и храмы мелких богов, в которые школяры бегают отдыхать от полуденного зноя. Еще выше – королевский парк с фонтанами и озерами, и сам королевский дворец, со всеми службами и угождями. Вершина же горы опоясана крепостью, в которой со времен Аригетто Первого стоит гарнизон из солдат-альмугавари, несущих службу во дворце и на улицах Трискелиона. Эту половину города называют Полдень.

Что же касается западного склона, не столь пологого и удобного для строительства (хотя и на восточном хватает насыпных террас), то большую его часть занимают трактиры, множество мастерских и лавочек всякого рода и разбора, а также веселые дома. Есть даже небольшая больница для бедных, которую по традиции патронирует королева-мать. Здесь же селятся те, кто не в состоянии платить за жилье в Полудне, так что местами склоны похожи на муравейник. Однако ошибочно предполагать, что все дома здесь грязные и неустроенные; напротив, многие здешние хозяйки одну половину своей жизни проводят за мытьем полов, а другую половину – за побелкой стен. Конечно, если постоялец – свинья, то грязь по себе он найдет с легкостью. Самый же мрачный ночлежный притон, в насмешку прозванный «Благодатью», расположился на краю огромного обрыва на месте бывшей каменоломни; число вошедших в него людей и число вышедших не сойдутся даже у слепого привратника. В самом низу квартала – застава ночной стражи и тюрьма. Нетрудно догадаться, что имя этой половины – Полночь.

Однако же Полдень и Полночь не разделены безоговорочно, как части Ирема или Аль-Джелы. Местами они переходят друг в друга незаметно, как сумерки уходят в ночь или утро расцветает в день. Так же и жители столицы – кто-то начинает во тьме и выходит на свет, кто-то рождается в самом сердце Полудня, но умирает в больнице для бедных, а то и в «Благодати». Почти все студенты Полудня, а вместе с ними подмастерья и конторщики живут в полуночных наемных комнатах, самый лучший в городе театр расположен отнюдь не в бога-

том квартале, и некоторые полуночные лавочки могут похвастать постоянными клиентами с противоположного склона.

Чем ближе подъезжал Амадей к городу, тем невыносимее становилось его ожидание, смешанное со страхом. Возможно, именно так чувствует себя человек, стоя у клетки хищника, который несказанно прекрасен – и при этом разрывает в клочья любого рискнувшего войти. У высоких, окованных железными полосами ворот толпились люди – пешие, конные, на телегах и в дорожных возках, молодые, старые, богатые, нищие... Все они переговаривались, перекрикивались, поторапливали стражников, мусорили, ругались и спорили... Мутная, бурлящая людская река вливалась в ворота и обрушивалась в город как вода с плотины.

-Это Рассветные ворота. Если хочешь попасть на самый верх, лучше входить в них. – Рейнар осадил коня, обращаясь к Амадею.

-А еще какие есть?

-Навозные. – Цатх не упустил случая сбавить высокий тон Рейнара.

-А куда без них? – Возразил рыжий. – Нечистоты вывозить надо, не все реки смывают. Да и на виселицу не из Королевских же провожать.

-Эй вы! – Окликнул спутников Дионин. – Присловье не забыли?

-Как можно? – Рыжий даже руками всплеснул. – Вот что, Цатх, шепни ему на ухо, а ты – повтори, да улыбнуться не забудь! Трискелион кислых рож не любит. И хорошо, что у тебя есть свои деньги. Расплатись за вход сам.

Амадей выслушал слова, произносимые по давней традиции желающими испытать удачу в столице, и повторил их:

-Полдень – прими.

Полночь – возьми.

Он не стал спрашивать смысл присловья, и так все было понятно. У одного нужно просить, чтобы взял, а вот другой лучше дать самому.

Когда они подъехали вплотную к людскому потоку, Цатх приподнялся на стременах и взревел:

-Дорогу его высочеству! Дорогу принцу Тринакрии! А ну, посторонись, кому сказал!

И въехал на мощеную дорогу, расталкивая конем недостаточно расторопных; вслед за ним ехали Дионин и Рейнар. Амадей поднял голову: серые громады городских стен нависли над ним, закрывая небо, шум и запахи толпы оглушали. Цатх окликнул одного из стражников и указал на сидящего позади юношу. Амадей спрыгнул с коня и подошел к страже.

-Полдень, прими. Полночь, возьми. – И он опустил в два небольших ящика с прорезью на крышке по монете, из тех, что дала ему ки Стафида.

-Щедро. – Отозвался на монетный звон один из стражников. – Однако в свите тебя и без мзды пропустили бы.

-Это традиция, - ответил ему другой. – А кому ее соблюдать, как не им, - и он кивком указал на ожидающих юношу всадников. – У них-то всяко на это деньги найдутся. Ну, парень, проходи. Будь как дома, путник.

И вся привратная стража дружно заржала.

Мощеная круглым булыжником дорога вела всадников вверх, мимо ратуши, украшенной башней с часами и ажурной галереей, мимо небольшого храма, через площадь с фонтаном. Едущему верхом Амадею столица представлялась серым морем, беспокойно ходящим у его ног. За годы, проведенные в «Копченом хвосте», он несколько подзабыл о том смятении, какое способен вызывать город, однако закалка, полученная им в Шэлоте, никуда не делась. Амадей смотрел в оба, стараясь одновременно уловить душу города и запомнить, где у этой души слабые места. В нем вновь проснулся уличный мальчишка, недоверчивый и бессовестный; убаюканный безлюдьем отдаленного пригорода, он оставил на время все свои хитрости и повадки. Теперь же пришло время вспомнить о них и пустить их в ход.

-Мой тебе совет, - негромко сказал Рейнар, подъехав вплотную, - во дворце держи себя так же, как с нами поначалу. Всем и сразу ты не понравишься, кое-кто держит своих претендентов на место мэтра Панфило. Постарайся избегать серьезных ссор, но если почувешь неладное – не тяни, ищи или меня, или Цатха. И дверь на ночь запирай. Мне не улыбается найти тебя с перерезанным горлом и потом оправдываться перед принцем. Все понял?

Миновав распахнутые перед ними ворота, они остановили коней на широком дворе; со стороны конюшен уже спешили слуги, из боковых дверей вышел высокий, широкоплечий мужчина, одетый богаче обычного слуги, с серебряной цепью на груди.

-Ваше высочество! Ее величеству уже доложили о вашем прибытии, она настоятельно просит вас проследовать в охотничий зал!

-Не замедлю. - Дионин улыбнулся управляющему. – Бабушка сердита или опечалена?

-Скорее опечалена, мессер, - тот укоризненно посмотрел на принца. – Пока вас не было, ни разу не брала в руки виолу, и хронику не диктовала. – Он сокрушенно вздохнул.

-Это недопустимо. – Дионин покачал головой. – Поспешим, друзья мои.

-Ага, поспешим, - буркнул Рейнар. – Удрал-то он, а влетит нам.

Они так быстро прошли по дворцовым покоем, что Амадей почти ничего не успел рассмотреть, кроме того, что дворец велик, немногочислен и очень красив. Миновав череду покоев, они вошли в небольшой зал. Стены здесь были расписаны сценами охоты – сквозь лесную чащу мчались всадники с арбалетами и дротиками, впереди них заливалась звонким лаем пестрая свора гончих, где-то позади трубили в рога ловчие и не спеша ехала кавалькада нарядных дам. Из высоких окон со свинцовыми переплетами лился холодный свет зимнего утра. У жарко пылавшего камина в высоком кресле сидела королева, высокая, сухопарая женщина, одетая с тонко выверенной роскошью. Верхнее платье цвета темного янтаря, отороченное по вороту золотистым мехом, ложилось мягкими складками, скрадывая старческую худобу. Волосы ее прятал белый вдовий чепец, глубоко запавшие глаза смотрели недобро и внимательно. На коленях королевы, свернувшись клубочком, спал циморил – домашнее животное, разводимое исключительно в Суртоне и почти не встречающееся за его пределами. Циморилы похожи на кошек, только вместо шерсти у них теплая, сухая на ощупь чешуя, меняющая цвет в зависимости от чего угодно: погоды, времени года, настроения самого циморила или его хозяина; эти зверьки умны, капризны и самолюбивы.

-Ваше величество. Бабушка... - Принц опустил на колени возле королевы, покаянно опустив голову. – Простите меня...

-Ах ты негодник. – Королева вздохнула, жестом подзывая Дионина к себе, приглашая его сесть в кресло напротив; циморил на ее коленях проснулся, и, едва повернув голову, одним глазом глянул на принца и, решив, что дело не стоит его вмешательства, вновь уснул. – Ты же знаешь, я не могу на тебя сердиться. Надеюсь, твои спутники не позволили тебе оставаться одному? – И она коротко взглянула на друзей принца; Амадею показалось, что в их сторону выстрелили из арбалета, он отчетливо слышал, как глухо просвистел мимо его уха тяжелый королевский взгляд.

-Теперь ты дома, и я спокойна. – Фьяметта погладила циморила по спинке пшеничного цвета. – Я так понимаю, на этот раз ты прятался в лесной глуши? Однако же не испытывай мое любопытство и ответь – кто это прячется за спиной Цатха?

-Ваше величество, это... - тут Дионин понизил голос до шепота, и никто, кроме королевы, не услышал его слов. Говорил он довольно долго.

-Вот как? Тогда пусть подойдет поближе.

Рейнар подтолкнул Амадея в спину, и юноша подошел к сидящим у камина. Он низко поклонился им и отступил на шаг.

-Ваш верный слуга, ваше величество.

-Как тебя зовут, юноша?

-Амадей.

-Мой внук сказал, что избрал тебя, Амадей, на место нашего мастера ритуалов. Итак, ты готов занять его?

-Простите, но - нет, ваше величество. – Амадей поклонился еще раз. – Было бы бессовестной похвальбой с моей стороны утверждать обратное.

-Вот как. Значит, мой внук обманулся? Или это ты обманул его?

-Ваше величество, мессер Дионин увидел во мне то, что скрыто пока и от меня самого. Чтобы стать достойным его прозорливости, я должен многому научиться, ибо только природных дарований для исполнения воли принца мало. И поверьте мне, ваше величество, я не пожалею жизни, чтобы мессер Дионин не разочаровался в своем выборе. - Амадей посмотрел королеве в глаза: они изучали его, пристально и недружелюбно.

-Принц сказал, что тебя учил Ибн-Сина. Это правда? – Шаммахитский королева оставлял желать лучшего, в ее произношении последний вопрос прозвучал как «это пыравыда».

-Да, ваше величество. Это была незаслуженная честь для меня и это правда. – Амадей постарался говорить так, будто сам Ибн-Сина стоял рядом и мог дернуть его за ухо за неверный выговор. «Да что ж такое, - подумал он, - неужто говорящий не только на всеобщем такая редкость, что каждый норовит подловить меня, перейдя на шаммахитский?»

-Ты молод. – Это прозвучало как обвинение. – В чем ты знаешь толк, кроме как в прислуживании за столом? И не надо так часто повторять «ваше величество», я и без тебя знаю свой титул.

Амадей изо всех сил старался почувствовать хоть что-то, что могло помочь ему понять королеву, но все его усилия пропадали втуне; на этой старухе, похожей на древний, тускло и холодно поблескивающий клинок в пятнах ржавчины, будто броня была надета. То ли она не чувствовала уже совсем ничего, то ли прятала свои чувства так далеко, что и сама забывала, где они есть.

-Ваше величество, мой недостаток легко исправить со временем. Принц нашел меня в безвестности, оставленного отцом, отвергнутого семьей... - И вот тут в безучастных глазах королевы блеснул намек на тепло. – Позвольте мне служить, ваше величество, позвольте хотя бы попытаться воздать принцу за его доброту. Я сделаю все, чтобы стать таким, каким он увидел меня.

-Похвальное стремление. Удовольствуемся пока и этим. – Королева поджала и без того тонкие сизые губы. – Будь по-твоему, Дионин. Я прикажу, чтобы твоего слугу отвели в покои Панфило. Я призову тебя позднее, юноша. А пока ступай.

Амадей отвесил поклон и отошел за спасительную спину орка. Там он выдохнул и украдкой глянул на Рейнара. Тот одобрительно кивнул ему – мол, все хорошо.

Королева еще недолго побеседовала с внуком, затем взяла со столика колокольчик и позвонила в него. Вошедшему слуге, тому, что встречал их во дворце, она дала несколько негромких распоряжений, тот выслушал их, поклонился и жестом пригласил Амадея следовать за собой.

-Амадей, - окликнул его Дионин, - захочешь меня увидеть – спроси, где покои принца. Удачи тебе.

-Благодарю. Ваше величество, с вашего позволения...

Королева жестом отпустила его. Юноша поклонился и вышел вслед за слугой, с трудом переводя дыхание.

Окна комнат, отведенных мастеру ритуалов, выходили на северную сторону, в сад; покои располагались на втором этаже, занимали целых три комнаты, не считая крохотной ванной. Размерами они были невелики, в спальне и вовсе с трудом помещалась одна кровать, но зато в кабинете были огромный стол, несколько массивных шкафов и сундуков, портновский манекен, мольберт, модели театральных машин. Сейчас в нем царил строгий порядок, все было расставлено вдоль стен и загнано в углы, однако же чувствовалось, что это в корне неверно и хаос здесь намного предпочтительнее порядка. В небольшой приемной, обставленной более богато, внимание Амадея привлекла каминная доска – на ней резчик изобразил сцену из старинной баллады, привезенной на остров северными мореходами: стоящая на коленях с протянутыми в мольбе руками безобразная горная троллиха и отвернувшийся от нее статный рыцарь, жестом отвергающий ее просьбы. И выбор сюжета, и манера резчика живо напомнили юноше большой зал в «Копченом хвосте» и каминную доску с танцующими зверями. Балладу о троллихе и рыцаре Амадей знал, ее часто пели моряки, останавливавшиеся погостить лишний вечерок; он немало удивился, увидев этих персонажей в покоях королевского дворца, уж слишком они напоминали историю самой королевской семьи.

-Мессер, я принес ваши вещи.

Амадей обернулся. В дверях стоял мальчишка лет двенадцати, чисто одетый, держащий в охапке амадеевы пожитки, включая аккуратные тючки, упакованные самим Дамиано.

-Благодарю. Клади на стол. И «мессера» я пока не стою, достаточно и «ка». – Амадей помог слуге избавиться от вещей. – Я Амадей. Тебя как зовут?

-Лукас. Я сын управляющего. – И парень приосанился.

-А я сын старьевщика. – И Амадей подмигнул слуге, отчего тот малость опешил. – Можешь рассказать об этом своему папаше. Слушай, не в службу, а в дружбу – я так проголодался, что готов ножку стула обглодать.

-Понял, - кивнул слуга. – Я мигом.

Амадей не успел даже толком распаковать все свои книги, как Лукас вернулся. В руках он держал поднос с дымящейся миской. Амадей уселся за стол, потирая руки, склонился над подносом... и медленно повернулся к стоящему у порога мальчишке.

-Неправильно стоишь, Лукас. Если рванешь с места, зацепишься за порог ногой и растянешься носом в пол. В следующий раз вставай на шаг дальше, чтобы было место для первого прыжка.

Дернувшийся было Лукас остановился.

-Это ты сам меня так угостил или на кухне постарались?

-На кухне. – Буркнул слуга. - Сказали, мол, невелика птица, чтобы тебе в покой еду носить.

-Так то еду. А это даже вон та троллиха – и Амадей кивнул в сторону камина - едой не назовет.

И правда, в миске пузырилась неаппетитная масса зелено-бурого цвета, к тому же холодная.

-Пошли, проводишь меня.

-Куда?

-Как куда? На кухню. Хочу поблагодарить за угощение.

Спорить Лукас не стал. Они прошли длинным коридором, миновали пару поворотов и спустились на первый этаж. Распахнутые двери кухни исторгали дребезг, запахи и крики – все, как положено. Амадей вошел и огляделся. Все так же, как у госпожи Стафиды, только намного, намного больше. А так – ничего особенного.

-Государи. – Амадей с грохотом поставил поднос на ближайший стол. – Я пришел лично поблагодарить того повара, который готовил это.

В кухне стало почти тихо, только где-то в углу постукивал по доске нож.

-Ему пришлось постараться, чтобы превратить обычные горох с брюквой в такое отвратительное варево, от которого и свинья отвернет рыло. Моя прежняя хозяйка, ки Стафида, говорила мне: если не можешь определить первоначальный вид того, из чего готовили твою еду – пусть ее ест кто-нибудь другой. А она давала мне только хорошие советы.

-Влихадская школа. – Вместо приветствия ответил Амадею невысокий, коренастый повар, не поворачивая головы – он наблюдал за тихо кипевшим в котле соусом. – Они берут куски мяса, грубо крошат овощи, швыряют это на огонь и называют едой.

-Но это вкусно, господин. И никто не скормит мне кошку под видом поросенка. – Амадей краем глаза заметил, как наострили уши повара и служки.

-Это примитивно и не вызывает почтения. – По-прежнему не поворачивая головы, отвечивал повар. – Такой подход хорош на охоте или на войне. Но во дворце он неуместен.

-А что вы скажете о вечном котле, господин?

Повар еще раз перемешал соус длинной ложкой, вынул ее и отложил в сторону. После этого он повернулся в сторону незваного гостя. И Амадей увидел, что это женщина. Суртонка примерно пятидесяти лет, опрятная и аккуратная, лицом же похожая на новую садовую лопату, в которой неизвестно для чего гвоздем прокололи две дырочки. Голос у нее был низкий и хриловатый, сила в руках ощущалась незаурядная, а складки на ее головной повязке были образцом гармонии и порядка.

-Скажу, что это стоит всех усилий. Твоя хозяйка держала вечный котел?

-Да. И я шесть лет ей в этом помогал.

-Да ниспошлет Небесный Старец долгие годы благополучия этой достойнейшей женщине. Ты голоден, юноша? Так приготовь себе все, что захочешь. – И суртонка повела рукой, приглашая Амадея в кухню. При этом все остальные повара отступили на шаг назад, будто освобождая арену новому смертнику.

Амадей же сделал шаг вперед и оглянулся. И хотя королевская кухня была весьма обширна, и открытых очагов в ней было целых три, а в хлебной печи можно было спрятать не одного человека, и столов было больше десятка, и от припасов ломились полки и лари, и одних служек путался под ногами целый выводок, - это была кухня. Хорошо знакомое, прирученное место. Амадей поклонился суртонке и принялся за дело. Первым долгом он как следует вымыл руки - висящий у входа рукомойник оказался как нельзя кстати, тщательно подвернул рукава и надел снятый с одного из подмастерьев фартук.

-Ну что, Лукас, ты, поди, тоже проголодался, пока таскал мои сокровища? – Амадей взял с полки кастрюлю и заполнил ее горячим бульоном из отдыхавшего на столе котла. – погоди чуток, я тебя накормлю.

В кастрюлю отправились кусок, отрезанный прямо от оленьей туши, шипевшей на вертеле, и огузки со спинками от пары жареных куропаток, приготовленных для паштета. Амадей вымыл, вычистил и сноровисто связал в пучок коренья, добавил к ним несколько мелких клубней сладкого картофеля и осторожно опустил все это в начинающий закипать суп.

-А пока готовится наш суп, я напишу тебе письмецо. – Лукас с довольным видом принохивался, глаза его горели; как и полагается нормальному мальчишке, он вечно был голоден.

Амадей расчистил от посуды часть стола, быстро замесил в миске пресное тесто, одним привычным и от этого изящным движением кисти подпылил стол мукой и раскатал тесто в тонкий квадрат. Вокруг него уже собрались зрители.

-Смотри, Лукас, берем мягкое масло, смазываем наше тесто и заворачиваем как письмо к милой. Потом раскатываем потоньше, снова умасливаем – и опять заворачиваем. – Амадей говорил и делал, и непонятно, что получалось у него быстрее. – И так десяток раз. Ну вот, конверт готов, и положим мы в него молодой мягкий сыр, он получше любых слов будет, поверь мне, Лукас!

Амадей легко свернул два десятка небольших и аккуратных пирожков-писем. Отправив их в печь, он вернулся к кастрюле с супом. Осторожно слив горячий бульон в кастрюлю поменьше, он отбросил в сторону кости и протер мягкие овощи и мясо через сито.

-А теперь, госпожа, мне понадобятся кое-какие пряности. - Амадей понизил голос, подошел к суртонке и перечислил ей на ухо все необходимое.

-Хорошее сочетание. – Она одобрительно и не без удивления кивнула. – На счет перца ты уверен?

-Розового, госпожа. – Тихо уточнил Амадей. – Другой все испортит.

-Будь по-твоему.

И повариха самолично выдал Амадею пряности из запертого на ключ шкапчика.

-Ну, Лукас, настал момент истины. – И Амадей заправил тихо вздыхающий на огне суп, накрыл его крышкой и поставил на теплую каменную плиту. Потом достал из печи румяные пирожки, поднявшиеся втрое, переложил их на деревянную доску.

Прибрав за собой стол, Амадей поставил на него три миски, доску с пирожками, положил три ложки.

-Госпожа, вы окажете мне честь? Подача, увы, оставляет желать лучшего, но Лукас так сверкает глазами, что я опасаюсь его голодного бунта.

Суртонка прищурила и без того едва заметные глазки, согласно кивнула и села за стол. Тут же заскрипел табуретом и Лукас. Амадей поставил кастрюлю на стол и поднял крышку – и на волю вылетел сотворенный им дух супа, нежный, пряный, соблазнительный дух, щекочущий носы, согревающий сердце. Повара повели носами и одобрительно зашумели. Амадей разлил суп по тарелкам, придвинул поближе доску с пирожками и застыл в ожидании.

Суртонка не спеша проглотила первую ложку супа, и на ее плоском как степь лице не отразилось ровным счетом ничего. Потом последовала вторая ложка – и она едва заметно покачала головой. А после третьей она сказала:

-Отличная работа, сынок. И поешь уже сам, ты белее парадного фартука.

Амадей не заставил себя уговаривать и сел за стол – тем более что Лукас таскал пирожки и уплетал суп как не в себя.

-Напрасно я за тебя беспокоился.

Все бывшие на кухне обернулись и синхронно согнулись в поклоне – в дверях стоял принц.

-Я думал, ты тихо плачешь, забившись в угол после королевского приема, а ты тут пирожками обедаешь. Лукас, а ну подвинься. – И Дионин придвинул табурет к столу, за которым сидели его слуги. – И хватит с тебя, ступай к ка Амадею, растопи камин и разбери его вещи. С сегодняшнего дня ты его помощник.

Лукас подскочил, отвесил поклон принцу, потом Амадею – выглядел при этом он весьма довольным – еще бы, столько пирожков слопать! – и поспешил исполнять приказанное. Повара и служки разошлись по своим местам, иногда поглядывая в сторону обедавших.

-Госпожа Лю Пин, я несказанно рад вас видеть. Ешь, Амадей, не стесняйся. Только сначала и мне налей, да пополнее.

-Ваше высочество. – Суртонка едва заметно нахмурилась. – Вам не подобает есть на кухне, вы уже не ребенок.

-Разочек можно, - обезоруживающе улыбнулся ей Дионин. – Как вам работа Амадея?

-Если бы не ваша воля, он бы уже стоял под моими знаменами. Разумеется, ему не хватает знаний и опыта, но это поправимо. Однако он наглец, и это, к счастью, только могила исправит. Мальчишка не пробыл во дворце и дня, как уже явился высказывать свое недовольство! - И, не меняясь в лице, добавила:

- И правильно сделал. Один раз отведаешь помоев – так при них и останешься.

В свои комнаты Амадей возвращался сытый и вполне довольный. Госпожа Лю Пин – а она оказалась той самой старшей сестрой няни принца и в настоящее время старшим поваром на королевской кухне – выпросила у него все подробности касательно вечного котла, в целом одобрила сезонное меню ки Стафиды, посмеялась над амадеевыми познаниями о приправах и, прощаясь, сказала:

-Проголодаешься – приходи.

И выпроводила обоих юношей, поскольку обед сам себя не приготовит.

В комнатах было уже почти тепло, Лукас на дрова не поскупился, затопил оба камина, проветрил комнаты, застелил кровать, разложил вещи. Амадей застал его за разглядыванием картинок в «Великом флорарии».

-Мой дед был садовником, - сообщил Лукас. – Отец тоже в саду начинал, но ему хотелось большего, смотрит он далеко и надолго – так и стал управляющим. То еще хозяйство, скажу я вам, ка Амадей.

-А куда смотришь ты? – Амадей сел поближе к камину.

-Сейчас – куда приказал наш принц. А так я цветы люблю, дед меня с младенчества с собой в королевские сады брал.

-Значит, мне вдвойне повезло: ты сможешь показать мне не только дворец, но и сады. Я хочу отдохнуть с дороги, приходи ближе к вечеру.

-Ваше слово, ка Амадей. – Лукас с сожалением отложил книгу, поклонился и вышел.

Амадей запер за ним дверь, прошел в свою крохотную спальню, разулся, снял верхнюю теплую котту и прилег на кровать. В закрытое ставнями окно стучал зимний дождь, из кабинета тянуло теплом, покрывало оказалось из хорошей мягкой шерсти... Амадей сам не заметил, как задремал.

Проснулся он от того, что вернувшийся Шеш прополз прямо ему по лицу.

-Прохлаждаешься? – Змей свернулся восьмеркой, неодобрительно поглядывая на хозяина.

Надо сказать, что Амадею очень повезло с Шешем. При ближайшем знакомстве змей оказался настоящим сокровищем: рассудительный, невозмутимый и насмешливый. Даже, пожалуй, насмешшливый. С хозяином он вел себя не как фамилиар, вынужденно преданный слуга, а как старая нянька. Из тех, что не упустят случая пошпынить питомца, но в решающий момент говорят: «Ты лучше всех, иди и делай, что задумал».

-Шеш, я как-никак человек, и спать мне не возбраняется. Дверь я запер, что не так-то?

-Дверь он запер. – Когда слов у Шеша было немного, он не отказывал себе в удовольствии поговорить своим раздвоенным языком, когда же разговор был из долгих, то переходил сразу на мысли, и Амадей слышал его голос будто внутри своей головы, без шипения и присвистываний.

-Ты должен не дрыхнуть в тепле, как сытый тупой голубь, а искать письмо прежнего мэтра. Или забыл, как принц обмолвился, что тебе такое оставили?

-Почему сразу забыл. Помню. Утром и начну. Не убежит же оно.

Змей молниеносно дернулся и ощутимо куснул Амадея за ногу; не по настоящему, разумеется, так, пугая.

-Ай! За что?

-За глупость! И за самонадеянность. Слушай, глупый ты мальчишка. Пока ты тут отдыхал, ничего еще не сделав, я малость осмотрелся. Так вот, в первом месте я услышал, как тебя назвали выскочкой и самозванцем. Во втором сказа-

ли «принцев урод» и плюнули на пол. А в третьем слов не тратили, а приказали - разберись с ним, чтобы под ногами не путался.

-Ясно. Прости, Шеш. – Амадей окончательно проснулся, сел в кровати, откинув покрывало. – Когда мне его ждать?

Тепло и покой покинули его; сердце заколотилось вдвое быстрее против обычного. Амадей окинул взглядом комнату, соображая, что сподручнее - бежать или притаиться и напасть самому. Шеш прав – он не имел права валяться в кровати, не разведав хотя бы одного пути к отступлению, не обследовав хотя бы ближайшие окрестности своих покоев.

-Не мельтеши, - покровительственным тоном ответил змей. – Никто к тебе не придет. Я дождался его на лестнице для прислуги. Яд у меня сильный, так что он и покричать особо не успел.

Амадей закусил губу, нахмурился; жалости он не испытывал, совесть его невозмутимо молчала, скорее он досадовал на неблагоприятность случившегося. Как-то неаккуратно вышло; подумать только, в первый же день во дворце он стал причиной скандала на кухне и трупа на лестнице – а ведь еще далеко не вечер!

-Не хмурься, сделанного не воротишь. Тот, кто его послал, вряд ли поймет все и сразу, но на время остережется посылать к тебе убийц. Так что немного времени я тебе выиграл. Марш искать письмо, сновидец.

И Амадей принялся за поиски. Утро застало его сидящим за столом и без малейшего намека на сон в глазах читающего одну из книг прежнего мэтра. Сначала он просто тщательно перелистывал выстроенные на полках в образцовом порядке фолианты, пытаясь обнаружить письмо, спрятанное между страницами. Однако одна из книг настолько привлекла его внимание, что он и думать забыл о цели поисков. Амадей читал и читал, не сознавая, что стоит, балансируя на хилой приставной лесенке, и чуть не свалился. С пожелтевших, хрустящих страниц на него тарасили круглые глаза морские чудеса и чудовища – рыбы, одна другой диковиннее, морские звезды, русалки и тритоны, а в одном из чудищ Амадей узнал гиппокампа – он взлетал над волной, взбивая хвостом пену, яростно молотя передними копытами воздух. Вокруг морских тварей бесконечными лентами вились водоросли, растопыривали крючковатые пальцы кораллы, ползали голотурии, похожие на перезрелые огурцы с щетинкой. Не без сожаления юноша отложил книгу на полку, но лишь для того, чтобы с головой уйти в следующую.

Ее белоснежные страницы пестрели яркими миниатюрами, вкрадчивым, манящим языком рассказывали они о тайном языке цветов и об их магическом использовании, и – попутно – сообщали правила составления цветочных ком-

позиций, от малюсенького букета на запястье девицы на выданье до огромных гирлянд, которыми украшали тронный зал в день коронации. Амадей, не отрывая взгляда от изображения столепестковой розы, едва дыша, медленно спустился с уже кряхтящей лесенки, уселся за стол, зажег все пять свечей в подсвечнике, и принялся за чтение всерьез.

-Шшшто за... - Первый солнечный луч скользнул в окно и попал в глаза Шешу, уснувшему в соседнем кресле на подушке. – Эй, ты что, так и читал всю ночь?

-Что? – Амадей рассеянно отозвался, не отрывая взгляда от страницы. – А, да... слушай, а ты знал, что можно так подобрать цветы и травы для украшения пиршественного стола, что даже ненавидящие друг друга гости смогут мирно сидеть рядом и даже и не вспомнят о лютой вражде? А еще, оказывается, есть такой фрукт, что вкуснее нет нигде в мире, отведавшие его плачут от счастья, спелый персик по сравнению с ним что сырая деревяшка... вот только пахнет он как выгребная яма в холерный год. А вот тут сказано, что неподалеку от Аль-Джелы растет трава, именуемая «красноцвет», так вот ее корень, если его замочить в ягодном уксусе и тонко порезать серебряным ножом на полной луне, заставляет язык забыть вкус знакомого блюда, и можно хоть сто раз есть его заново. Я и представить не мог, что такое бывает! И ты напрасно шипел на моего гиппокампа, он именно такой и есть, я в книге видел... Еще там было про морской шелк, надо потом почитать... мне ведь Дамиано о нем рассказывал, только я ему не поверил.

-Морской шшшелк? – Переспросил несколько озадаченный фамилиар.

-Ну да. Берут водоросли, не любые, разумеется, а особые... голубые, растут на отмелях близ Гринстона, сушат их в тени на ветру, потом прядут. Из телеги сырых водорослей получают нити всего-то клубок с кулачок младенца, так они усыхают. Но зато такого прозрачного и сверкающего шелка нигде на свете не сыщешь. И он не горит. Интересно, что из него шьют?

Амадей перевернул страницу и умолк. Шеш прикрыл глаза и вновь улегся на подушку; он-то знал, куда спрятал Панфило свое письмо, но не считал это хоть сколько-нибудь важным. Главное послание, заключенное в книгах и набросках, было открыто Амадею настезь. И сейчас он читал его, наслаждаясь каждым словом.

Прошло четыре недели с тех пор, как Амадея затянул в свои глубины шуршащий, непреодолимый книжный водоворот. Юноша почти не выходил из кабинета, еду ему приносил Лукас (мальчишка выпросил себе «Великий флорарий» и лишних вопросов не задавал, поскольку и сам читал в любую свободную мину-

ту), ни с кем не общался и ни о чем никого не просил. Пару раз к нему заглядывал Рейнар, но, увидев склоненную над очередным фолиантом белоснежную голову, махал рукой и тихо прикрывал за собой дверь.

На стене кабинета Амадей повесил огромную карту Трискелиона; он тщательно изучил ее, ухватив своей цепкой памятью названия всех площадей и проулков, все хитрые повороты и загогулины улиц, все тупики и сквозные дворы. Образ города вставал перед ним, стоило ему посмотреть на карту: сочетание порядка и хаоса, красоты и случайности.

-Ты прекрасен, - шептал Амадей, проводя пальцами по рисунку улиц, обводя контур королевского парка. – Ты прекрасен...

-Откуда тебе это знать? Сидишь взаперти уже месяц, носа на улицу не покажешь.

Это был новый голос, и поэтому Амадей повернулся. За столом сидел старик, одетый в теплую мантию и смешную круглую шапочку, отороченную мехом горностая. Он был не слишком высок, не толст и не худ, с его морщинистого лица смотрели большие, ничуть не выцветшие глаза цвета спелой сливы; он улыбался, и, казалось, от одного его присутствия в нетопленной с утра комнате стало тепло. Старик вздохнул и развел руками.

-Сынок, прежний мэтр собирал эту библиотеку всю свою жизнь, а до него это делал мэтр Калев, а до мэтра Калеба – мэтр Гэлвин, и он не был первым. Неужели ты хочешь похоронить свою молодость под старыми книгами? Успеешь еще начитаться, уж поверь мне.

-С кем имею честь беседовать? – Осведомился Амадей, усаживаясь в кресло напротив.

-А сам представиться не хочешь?

-Вы сами пришли ко мне, и вряд ли ошиблись покоями. Впрочем, извольте. Я - Амадей, будущий мастер ритуалов.

Амадей встал, вежливо поклонился и сел.

-Похвальное намерение и правильное именование. – Кивнул в ответ старик. – И все же позволь повторить свой совет – хватит сидеть взаперти, походи уже погуляй, сын мой. Неужели ты думаешь, что этот Трискелион – и старик указал на карту города – и Трискелион истинный суть одно и то же? Только за вчерашний день в Полуночи, в Облачном переулке сгорело три дома, так что теперь он никак не соприкасается с Благодатью, а в Полудне банкирский дом Квиати открыл новый дом менял. Город живет, Амадей, живет изменениями, он непостоянен и в этом его сила.

-А в чем слабость? – Юноша закрыл и отодвинул от себя окованный серебряными полосами том.

-Ну, это ты сам должен выяснить. – Насупился старик. – Все города охочи до зрелищ, жадны до новых лиц, на слабого наступят, а перед сильным раздвинут ноги. Но у каждого есть и свои особенности. Аль-Джела – подлая и просвещенная. Влихада – гостеприимная и неразумная. Шэлот? – Старик вопросительно посмотрел на Амадея.

-Расчетлив, самодоволен... но не без фантазии. – Подумав, ответил юноша.

-Короче – даровитый ремесленник. – Кивнул старик. – Верно. Что же касается Трискелиона – он есть все они, вместе взятые, помноженные на королевский двор, разделенные на время регентства – сам понимаешь, столица без короля что курятник без петуха. На чем ты остановился, Амадей? – И старик указал на отодвинутую книгу.

-На истории Арзахеля.

-От Арзахеля у нас гобелены, запеченные окорока и спесь. - Помолчав, старик добавил: - Гобеленщики пьют в «Резвом челноке», на границе с Полуночью со стороны рынка.

-Понял. – Амадей будто проснулся. Во все глаза он смотрел на неожиданного гостя, предлагающего прогулять урок лишь затем, чтобы лучше его усвоить. – Благодарствую за совет.

-На здоровье. Бумаге только дай волю, она все в себя вберет. А тебе уже пора становиться пером и кистью, Амадей.

Старик встал, запахнул полы мантии и направился к двери. У порога он задержался, оглянулся через плечо и сделал легкий жест рукой, будто рассыпая что-то.

Амадей несколько минут соображал, что и как.

-Шеш! – Окликнул он фамилиара.

Тот все это время лежал на столе, ничем себя не выдавая.

-Шеш, кого это боги принесли? Чем больше вспоминаю, тем хуже помню.

-Аххха, - фыркнул змей. – Разумеется, он же пишог рассыпал. Воон там глянь. – И он указал хвостом на кучу бумаг, испещренных зарисовками, сделанными рукой мэтра Панфило.

Амадею хватило полминуты: с одного из листов на него смотрел карандашный набросок, весьма точно изображавший недавнего гостя с его же подписью. Мэтр Панфило, мастер ритуалов.

-Сам, значит, пожаловал. – Амадей озадаченно нахмурил брови. – Как же он сюда прошел, тут народу шныряет тьма, заметили бы!

-Пссс, - хмыкнул Шеш. – Ссдесь тайных ххходов как дырок в ссыре! Ушшш ему ли иххх не знать...

-Я надеюсь, ты мне их покажешь при случае? – Амадей погладил змея по голове. – А я и вправду засиделся за уроками. Настолько, что даже учитель по-

гнал меня из класса. Дурак я буду, если не воспользуюсь этим, - и он подмигнул фамилиару.

За окнами сгущались ранние декабрьские сумерки, было холодно и безветренно. Амадей надел дублет цвета старого вина, пристегнул рукава, подумал – и не стал надевать синий плащ, ограничившись простым серым, опустил в ножны рядом с кошельком один подарок Горчи, а второй прицепил к поясу, за спиной. Шеш крутился вокруг запястья, прячась под рукав. Амадей задул свечи, открыл дверь и, шагая через порог, сам себе тихо шепнул:

-Проснись, железо!

Глава восьмая, в которой герой вспоминает старые уроки и открывает новые двери

Амадей без труда покинул дворец (его он тоже досконально изучил по рисункам и чертежам) и вышел в город. Не раздумывая, он направился вниз по склону, в сторону рынка. С каждым витком улиц, с каждым перекрестком город разворачивался перед ним как исписанный сотнями историй свиток; день угасал, люди заканчивали свои дела: клерки закрывали ставни торговых домов, златошвейки выпархивали из мастерских, в университете зазвонил колокол, возвещающий о конце занятий. Горожане спешили по своим делам, иногда бросая на Амадея любопытные взгляды. А он шел, не торопясь и не медля, ровным шагом, так, будто был здесь своим; впрочем, именно так он себя и чувствовал. Трискелион не вызывал в нем ни страха, ни робости, и их интерес явно был взаимным.

Оказавшись в клубке улиц рядом с рынком, Амадей почувствовал, что стал объектом игры, в которую и сам играл не раз, в бытность свою шэлотской шантрапой. За ним на безопасном расстоянии следовала стайка мальчишек, еще одну такую же он заметил на параллельной улочке, и еще одна должна была пасти его впереди. Игра была проста как грязь под ногтями: не упустить олуха из виду, затереть его в тупичке и, пока он будет выбираться из невесть откуда взявшейся толкучки, облегчить его карманы или срезать кошель с пояса. Главное – погромче кричать, толкаться и не упустить своего.

Амадей спрятал ухмылку за бараньим выражением лица и послушно проследовал в переулок, упирающийся в высокую каменную стену склада. Не доходя до нее, он резко повернулся, поднял левую руку, пальцы которой сами собой сложились в давным-давно заученный жест, и засвистел стрижом. Он не был уверен, что в Трискелионе это сработает так же, как в Шэлоте, но попытаться стоило. Стайка оборванцев в изумлении застыла на подходе.

-Эй, ты! – И юноша указал на стоящего чуть в стороне мальчишку лет восьми. – Ты ведь тут главный, так?

-О чем вы говорите, господин? - Тот убедительно захлопал глазами. – Если вы заблудились, мы покажем вам дорогу...

-А как же. – Усмехнулся Амадей. – Покажете, как не показать. Лично я предпочитал показывать крутой спуск к реке.

И тут, откуда ни возмись, чуть ли не просочившись сквозь стены, в переулок высыпалось еще с десятков таких же немых, тощих дворняжек. Увидев, что олух не окружен первым кольцом, как то следует по правилам, они недоуменно заозирались.

-Эй, что такое? Чего зеваете?

-Значит, все-таки стрижи. - Амадей подошел поближе к безошибочно найденному главарю. – Я научился свистеть стрижом прежде чем как следует заговорил. – И подтверждая свои слова, засвистел еще звонче прежнего.

Главарь смотрел на него снизу вверх, а потом запрокинул голову и выдал такой свист, что Амадей уважительно замолчал.

-Я Амадей, слуга принца Дионина. С кем имею честь?

-Сардинка. – Представился оборванец. – Неплохо свистите для принцевой челяди.

-Интересное прозвище, - Амадей завел руку за спину, ловко отстраняя подошедшего слишком близко мальчишку. – Особенно для не портового города. Любишь рыбу?

-В жизни в рот не возьму. – Скривился парень. – Самое подходящее прозвище для того, кого нашли в куче тухлой рыбы на рынке.

-Да ты счастливчик. – Ухмыльнулся Амадей. – Не так-то легко углядеть младенца в куче тухлятины, на вид они одно и то же. А кто вырастил? Судя по твоему платью... неужели старьевщик?!

-Ага. – Несколько удивленно ответил Сардинка. – А это вы как поняли?

-У тебя рубаха затаскана до дыр, однако на вороте и манжетах – остатки вышивки. И у плаща когда-то был мех на капюшоне. Осталось от него, увы, немного, но он был. Помоечные сокровища, сколько я их повидал – и не сосчитаешь. Слушай, приятель, - он повернулся к кому-то, похожему на нелепое сооружение из жердей, обмотанных тряпками, - ну кто так срезает кошельки? Лезвие должно быть острым как язык женщины, а у тебя что?

Амадей вынул нож из невероятно грязных пальцев и демонстративно попытался срезать свой кошель.

-Сам видишь, до утра пилить придется.

Оборванцы засмеялись, Сардинка нахмурился.

-Опять ты, Пугало, нож не наточил. Дождешься, что твоей спине придется за твою лень отвечать. Вы правы, мессер, меня подобрал и вырастил старьевщик. Вас, сдастся мне, тоже.

-А ты догадлив. – Амадей запустил пальцы в кошель и вынул монету, из тех, что дала ки Стафида.- Вот, возьми от старшего брата.

Сардинка взял монету; его дружки облегченно зашумели – голодными они сегодня спать не лягут.

-Где хотите потратить оставшиеся?

-В «Резвом челноке».

-Тогда вам обойти рынок с левой стороны, пройти в третью по счету улицу и через пять домов шестым будет тот, что вам нужен. И не берите у них рагу из кролика, их крысоловки самые вместительные в квартале.

-Благодарствую. – Оборванцы расступились, и Амадей вышел из тупика.

В «Резвом челноке» было просторно, тепло и пристойно, по крайней мере, пока. Амадей прошел вглубь, уселся за небольшой стол у окна. Он собирался взять кувшин вина и скоротать вечер, наблюдая за завсегдатаями, прежде чем заводить с кем-то знакомство. Трактир был полон, люди сидели за столами, ели, пили, негромко беседовали; никаких других развлечений, по всей видимости, здесь не подавали, не жалуя лишнюю суету. Кое-кто поглядывал на альбиноса с любопытством, какой-то толстяк даже оторвался от блюда с запеченным паштетом и принялся торопливо шептать что-то в ухо собеседнику, обдавая его брызгами соуса, но в целом общего спокойствия юноша не нарушил.

Амадей поймал за рукав слугу, внятно высказал свои пожелания и вскоре перед ним оказался кувшин с подогретым вином и глиняный стакан. Его дальнейшие размышления о том, что, судя по запаху, здешний повар не слишком усерден, поскольку у него что-то бессовестно подгорает, были прерваны громким хохотом, раздавшимся из-за стола, за которым сидели пятеро горожан. Один из них, одетый богаче остальных, залпом выпил свое вино и несколько писклявым голосом провозгласил:

-За торговый дом Барбон! И пусть все жалкие конкуренты сломают свои станки и пальцы!

-Так ли жалки твои конкуренты, Барбон? – Поддразнил его сосед, обладатель небывалого носа; казалось, что все его лицо – это один огромный, острый нос, у основания которого приютилась пара черных глаз-бусинок. – А как же дом Тавма? Разве не им отдал ратман Влихады главный заказ от города, а вовсе не вам? – И, довольный замешательством приятеля, он доверху наполнил опустевшие бокалы.

-Кто такой этот Тавма? – С преувеличенным пренебрежением спросил писклявый. – Уж не тот ли ремесленник, что ткет коврики с детскими сказками? Полно, он уже вышел из моды, когда я еще свой первый узел не завязал!

-Ну, не знаю, - гнул свою линию носатый, - такие, как Тавма, из моды не выходят, такие ее создают. Брось, Барбон, тут все свои, перед кем ты выделываешься? Да, работы твоих мастеров неплохи, но и только. До гобеленов Тавма вам как до звезды небесной.

-Да ты... Да я... - Писклявый потерял дар речи и только возмущенно всплескивал руками. – Да если бы старик Тавма не подложил свою дочь под сынка Вермиса – а всем известно, что Вермис-старший с ратманом на пару делишки обстряпывают – селедкино ухо он бы получил, а не этот заказ!

-Ах вот что, а я-то думаю, почему Вермис со свадьбой не торопится, - осклабился носатый. – Зачем спешить, коли девица такая безотказная оказалась!

Амадей вздрогнул. Он помнил семейство Тавма добром, и подобная грязь его оскорбила. Многие в трактире прислушивались к этому разговору; кто-то недоуменно приподнимал брови, кто-то пожимал плечами. И только один, вошедший несколькими минутами раньше, не успевший даже усесться за стол, ответил Барбону.

-А в лицо мне ты это повторишь, говнюк?

Амадей всмотрелся в спросившего: это был здоровенный верзила, ростом под притолоку, с широченными плечами, крутолобый и донельзя разозленный. Он стоял, уперев руки в бока, разглядывая компанию за столом будто выгребную яму, которую ему придется вычищать; его короткая верхняя губа брезгливо вздернулась, густые светлые брови сошлись у переносицы, глаза сузились. Альбинос видел, как глухая ярость охватывает его языком темного пламени, с ног до головы.

-Я бы стерпел твои потуги обесценить работу моего отца. Разве хоть кто-то прислушается к твоим словам? Но тебе приспичило испачкать своим грязным языком имя моей сестры, гнида ты гнилая!

Писклявый явно не ожидал встретить сегодня в «Резвом челноке» сына того самого мастера, зависть к которому сводила его с ума и поднимала самую гадкую взвесь со дна его душонки. Знай он наперед, что его услышит кто-то из дома Тавма, вряд ли бы решился повторять домыслы, которым даже злобные старые девы не верили. Он стушевался и принялся разглядывать свои перстни. И насторожившийся Амадей вновь услышал нестройное дребезжание страха, волнами плывшее от писклявого, выдавая его с головой.

-Эй ты, Гарида, чего рыло воротишь, я к тебе обращаюсь! - Ставрос Тавма, выросший из минотаврика в настоящего минотавра и по-прежнему несдержанный на язык, указал на носатого. – Ты вырос в нашей мастерской, учился рядом с нами, и сейчас работал бы вместе со мной – если бы не украл десять мотков шелка. Отец пожалел тебя, не отправил в тюрьму. И в знак благодарности ты спер его рисунки и подался к этому недоноску, а теперь еще и распускаешь слухи о нашем доме.

В трактире стало тихо-тихо; все уставились на Ставроса, и только хозяин зачем-то стал убирать со стойки посуду.

-А ты, Маццола, забыл, как Ясон Тавма вытащил твоего папашу из долговой ямы? Да, он был отличный красильщик, но и пьяница был еще тот. Напомнить, как твоя мать и ты прятались в нашем доме от его плетки? – Этот персонаж притягивал взгляды главным образом благодаря своему шаперону - огромному, красному, фестончатому, обшитому бубенчиками, уложенному жирной улиткой. – Неужели ты надеешься обмануть кого-нибудь этой нахлобучкой? Как был ты дураком, так им и остался, и никаким шапероном этого не исправить.

-Эээ... - Проямлил хозяин шаперона. – Мы тут вроде как сидим, отдыхаем... Чего привязался?

-Чего привязался?! – Мгновенно набылчился Ставрос. – Да я тебя к лошадиному хвосту привяжу, слякоть!

-Ка Тавма, - примирительным тоном обратился к Ставросу четвертый приятель Барбона, на вид почтенный горожанин годами постарше: глубоко посаженные, хитро и вроде бы дружелюбно глядящие глаза, уже подобвисшие сытые щечки, напомаженные волосы. – Стоит ли беречь старые раны? Помилуйте, мы все тут одна семья, один день соперничаем, другой день помогаем – так не лучше ли...

-Заткнись, Троголо. – Оборвал его Ставрос. – Тебе-то всяко лучше. Ты из любой ссоры себе выгоду вытянешь. Думаешь, я не знаю, что ты моим заказчикам дерьмо в уши льешь, будто отец мне право самостоятельной практики купил, потому как я ни одного гобелена сам не сделал? А потом они ко мне приходят и очень удивляются, видя меня за станком.

-Тебя послушать, Тавма, так ваша семейка прямо голуби невинные, - издевательски протянул Гарида. – Вот и сидели бы в своей Влихаде, столица праведников не любит.

И, не успев закончить фразы, он швырнул в голову Ставросу свой немаленький глиняный стакан. Увернуться молодой гобеленщик не успел, и с глухим треском посуда расколотилась об его крутой лоб. Ставрос пошатнулся, по лицу его потекла кровь, смешанная с вином, приятели Барбона повскакали из-за стола. И в следующий миг доселе тихий и приличный трактир превратился в псарню, куда запустили волка.

Ставрос был один против пятерых, но это его не смущало; для начала он одним ударом свалил под стол писклявого Барбона, расцветив ему скулу. Тут на него с двух сторон напали красный шаперон и пятый гость, ничем не примечательный, кроме размера кулаков.

Амадей уже давно не дрался, и такой повод пропустить не мог. Улица учит крепко, живые ее уроков не забывают; и раз уж пятеро против одного - то только ее приемы и хватки могут помочь. Позднее он неоднократно слышал, как их называли подлыми, бесчестными, грязными – разумеется, люди выбирали эти слова при условии, что превосходящий противник не теснил их в угол с намерением превратить в отбивную. Не выкрикивая громких девизов и вообще никак не сообщая о своем желании поучаствовать в драке, Амадей встал, сделал было пару шагов к выходу, и, не меняясь в лице, в быстром развороте подхватил с пола опрокинутый тяжелый табурет и со всей силы опустил его на голову того, у кого были самые здоровенные кулаки, оттолкнул падающее тело в

проход между столами и встал рядом со Ставросом, молниеносным движением выхватывая из ножен подарок Горчи – массивный нож-хаусвер.

Каждый раз, когда прохладная рукоять хаусвера, похожего на блестящую рыбу, ложилась в ладонь, Амадею казалось, что сам Горча вставал позади него, и он слышал негромкие советы как лучше уберечь свою шкуру и продырявить чужую.

Самым первым советом был такой: «Без ножа, как без штанов, с кровати не вставай». Его Амадей получил вскоре после того, как убедился в том, что даже уличная школа не спасает от превосходящей силы и подлости. В тот день он вытаскивал из прачечного котла белье, когда неслышно вошедший постоялец накинул ему на голову мешок и потащил к выходу, а двое его сородичей уже сидели в повозке. Это были шаммахиты, не похожие на обычных купцов, заматанные в черные ткани, прячущие лица. Амадей как мог пинался, лягался, пустил в ход локти, ногти, извивался бешеным ужом – все было бесполезно, его уже запихивали в возок, как вдруг тот, кто связывал его ноги, заорал не своим голосом и выпустил мальчика. Через секунду завопил еще один, еще громче. Амадей выпутался из мешка и, не разбираясь, что происходит, рванул в сторону конюшен, откуда уже выглянул Горча. Его никто не преследовал, поскольку связываться с Живоглотом, рычащим тяжело и утробно, роняющим с клыков капли крови, героев не нашлось.

Горча, узнав о произошедшем, крепко задумался, а вечером того же дня подзвал мальчика и сказал:

-Не думал я, что придется передавать кому-то солдатскую науку, она у меня в печенках сидит, но по-другому, видно, никак. Сынок, с равными ты драться умеешь, видел я, как ты мясникова сына разделал. Но с тем, кто сильнее тебя, только железо поможет совладать. Меч тебе не по носу, а значит – нож будет тебе другом, если ты потрудишься его дружбу заслужить.

И Амадей потрудился. От уроков старого солдата он вскоре ходил весь в синяках, ки Стафида причитала над ним, натирая багровые кровоподтеки настоем камнецвета. Но мальчик не отступал и очень скоро понял, что если соединить усвоенное на улице с расчетливой и скупой методой Горчи, получится нечто весьма эффективное. Кроме тяжелого ножа-хаусвера солдат подарил Амадею тонкий стилет, с острием, похожим на черный закаленный шип, и крестовиной, позволяющей парировать удары.

А последний совет, который дал Горча своему ученику, звучал так: «Если ты разбудил свой нож – то обязан его накормить. Хлебом, который ты разрежешь. Или кровью, которую ты прольешь. Никогда не убирай его в ножны голодным».

Пока Амадей расчищал себе место, остальные тоже времени зря не теряли.

-Стража! Стража! – Вопил из-под стойки хозяин, у которого вместе с посудой разбивалось и сердце.

Ставрос был силен и бесстрашен, Амадей ловок и бесчестен – их противники быстро оценили такое сочетание и попятились. И только Гарида, щеря острые зубы, выхватил из ножен кинжал, широкий у основания и резко сужающийся к острию – «бычий язык», называл такие Горча, и бросился на альбиноса. Амадей пригнулся и вытянул из-за спины стилет.

Ставрос отбивался от троих оставшихся, и пока справлялся и сам.

Носатый был неплох; это Амадей понял и принял сразу – ведь нет ничего хуже, чем недооценить врага. Он нападавал как змея, быстрыми, неуловимыми бросками, рассекая воздух клиновидным клинком, делая обманные выпады и ни на мгновение не останавливаясь. Его школа была, пожалуй, немногим хуже амадеевой. Альбинос поначалу лишь защищался; но как только он уловил ритм движений Гарида и понял его тактику, то немедля атаковал, помня одно – не убивать. Даже если будет такая возможность. Отклонившись от очередного широкого замаха, Амадей на выдохе поймал возвращающийся клинок противника на крестовину стилета и сделал длинный выпад, метя врагу в живот. Тот увернулся, парируя удар, и на секунду открылся чуть более чем допустимо. Альбинос не мог этим не воспользоваться. Почти одновременно он крепко ударил противника ногой в пах, а тяжелая рукоять его ножа встретила со слишком хорошей, чтобы ее пропустить, мишенью – носом Гарида.

Амадей услышал, как хрустнула великолепная конструкция носа, увидел, как брызгая кровью, она поплыла в сторону, будто падающий минарет – одна из достопримечательностей Аль-Джелы. Не имея возможности насладиться этим зрелищем, юноша выбил кинжал из руки Гарида, и, уже лежащего, пнул в живот пару раз – чтобы тот отдышал подольше.

К этому времени Ставрос успел вывести из строя двоих своих противников: Барбон давился хвостом роскошного шаперона, который младший Тавма стащил с головы Маццолы и забил в глотку клеветнику; сам Маццола не сильно переживал потерю головного убора, поскольку был занят пересчетом зубов, оставшихся у него после встречи с кулаками Ставроса. И только Троголо остался сравнительно невредим, поскольку предусмотрительно держался позади своих друзей.

В этот момент в двери «Резвого челнока», в ответ на призывы хозяина, бряцающая оружием, ввалилась городская стража. Сержанту и одного взгляда было достаточно, чтобы понять суть произошедшего: обычная кабацкая драка, перешедшая в поножовщину. Стражники рассусоливать не стали, а покидали всех

попавшихся под руку в караулившую у дверей крытую повозку. Всех, кроме не пострадавшего Троголо, который успел улизнуть. Погромыхивая на булыжной мостовой, повозка быстро прикатила к городской тюрьме, куда смутьянов и препроводили – дожидаться утреннего визита судьи по мелким делам.

Надо отдать должное младшему Тавма – он не стал сцепляться со стражниками, доказывая свою невиновность кулаками; Амадей тоже вел себя спокойно, собственно, ему не впервой было оказываться за тюремными стенами. В Шэлоте он пару раз попадался на мелком воровстве (разумеется, Цатху он соврал для красоты). А вот Барбон и его компания оказались не столь разумны, за что и схлопотали, пока стражники заталкивали их в общую камеру.

Дверь закрылась, лязгнул засов. Амадей с любопытством огляделся. Общая камера в столичной тюрьме оказалась побольше шэлотской, и соломы на полу было в достатке. Висящий над дверью масляный светильник больше чадил, чем светил, но оно и к лучшему – любоваться здесь было не на что. Осклизлые стены, сложенные из грубо обтесанных камней, низкий потолок, держащиеся по двое-трое или гордо сидящие поодиночке люди. И один орк, храпевший в углу так, что солома взлетала.

Стонущие гобеленщики сбились в кучку и, не успев примоститься у стены, принялись проклинать Ставроса, из-за которого, по их мнению, они оказались в столь плачевном положении. Не участвовал в общем хоре только Гариды, державшийся за свой нос обеими руками так трепетно, будто тот был пришит одной шелковинкой и мог оторваться в любой момент. Ставрос не удостоил их и взглядом; вытерев рукавом лицо, он повернулся к Амадею и протянул ему руку.

-Ставрос Тавма.

Амадей пожал его руку и, не выпуская ее, сказал тихо, так, чтобы слышал только старый знакомый:

-Я видел волка, лису и зайца, они плясали в ночном лесу...

Ставрос сначала опешил, но тут же все вспомнил – и Амадей увидел, как на его лице расцветает улыбка, доверчивая и радостная.

-Так это действительно ты! А я-то удивился, что за призрак за меня вступился? Сам понимаешь, некогда мне было тебя разглядывать. Какими судьбами ты тут оказался?

-Тут – потому что не выношу, когда на моих друзей льют грязь из помойных ведер вроде этих. – И Амадей носком ноги поддел солому и швырнул ее в сторону гобеленщиков, да так ловко, что запорошил лицо Барбону. – А в Трискелион судьба привела. Слушай, раз уж мы тут задержимся, давай устроимся поудобнее, что ли.

Они уселись на пол, спина к спине, поближе к свету и подальше от гобеленщиков. Признаться, Амадей уже отвык от такой обстановки: холода, духоты,

смрада и не слишком приятных соседей. И хотя Шеш был с ним, но вот от ножа и стилета стражники его избавили, и он чувствовал себя неприятно незащищенным; поэтому он еще раз осмотрелся. Внезапно плечи его задрожали, заходили ходуном – Амадей смеялся, стараясь не привлекать лишнего внимания.

-Славный совет дал мне старик! Иди, говорит, погуляй. Хватит взаперти сидеть. И стоило мне выйти из дворца, как я тут же угодил в тюрьму... - Пояснил он соседу. – Зато я встретил тебя, Ставрос Тавма!

-Я и сам не так давно в Трискелионе, – сообщил Ставрос. – Отец доверил мне представлять наш дом в столице. Сам-то он никогда из Влихады не уедет. А упускать здешних клиентов нельзя.

-Это я уже понял. Местные на ходу подошвы режут. А что Кьяра, осталась дома?

-А, ты помнишь мою сестрицу? Доучивается она. Заканчивает свою первую большую работу, носится с ней как курица с яйцом, никому не показывает, даже отцу. Работает без картоньера, сама все нарисовала, сама основу натягивала, вот уж скоро год будет, как начала.

-Она и маленькая была упряма, - улыбнулся Амадей. – Интересно посмотреть, что у нее получится.

-Так в чем дело? Поехали со мной во Влихаду, я как раз собирался через месяц отбыть. Ты сам какими судьбами угодил из-под «Копченого хвоста» да в столицу?

-Счастливыми, Ставрос.

Здесь не было слуги, которого можно было бы подозвать и попросить помочь двум друзьям скоротать долгий зимний вечер, не боясь проголодаться или замерзнуть. К услугам здешних постояльцев была только мутная вода в глиняном жбане, одного запаха которой хватало, чтобы погасить любую жажду. К тому же, жбан не выпускал из объятий тип настолько опойного вида, что сомнения в чистоте воды возникали даже у самых неразборчивых. Амадей вздохнул, вспоминая оставленное в «Резвом челноке» вино, и принялся рассказывать старому знакомцу о том, как оказался в свите принца.

-Ну, дела! Впрочем, я не сильно удивлен. С первого взгляда было понятно, что ты не прост. Отец так и сказал, когда мы уезжали – мол, запомните этого белоголового, он себя еще покажет.

Они разговаривали, пока обоих не потянуло в сон. Зачинщики ссоры давно уже спали, благодаря чему более опытные постояльцы смогли избавиться их от некоторых ценных предметов, а потом и они устроились на покой, используя в качестве постельного белья главным образом солому. Ставрос держался сколь-

ко мог, но вскоре Амадей услышал его тихое сонное посапывание: великан-гобеленщик опустил голову в колени и задремал. Амадей подумал было последовать его примеру, как дверь камеры отворилась, и кто-то заглянул, поводитил по воздуху факелом, будто высматривая кого-то, и сказал:

-Вот этот.

После этих слов в камеру вошел стражник и подпихнул Амадея ногой – мол, вали отсюда, не загащивайся, нечего стены боками пачкать.

-Иди. Я не пропаду, - буркнул, приоткрыв один глаз, Ставрос, прислоняясь к стене.

Амадей вышел в низкий сводчатый коридор, где его ожидал незнакомый человек, в черных суровых одеждах и черной же островерхой шапочке, похожий на обгорелую палку.

-Следуйте за мной. – Без всякого выражения сказал он и зашагал прочь от камеры.

Амадею не оставалось ничего другого, как послушаться. Поскольку общая камера была, что называется, на ходу, они довольно скоро вышли из тюрьмы на вольный воздух. Ночь была на исходе, небо уже посветлело, прилетевший с вершины горы ветер взъерошил волосы Амадея, забрался ему за пазуху, заставляя ежиться от холода.

-Сюда, - неизвестный указал на небольшую карету с закрытыми окнами, запряженную парой крепких лошадок. Амадей подошел к карете, открыл дверцу, поднялся и сел на узкое сидение, обитое кожей. Его провожатый закрыл за ним дверь, поднялся на место кучера и щелкнул бичом. Карета неспешно покатила прочь от тюрьмы.

Напротив Амадея сидела женщина; лица в темноте было не разглядеть, но Амадей, попытавшись прочесть ее, будто с разбегу головой о камень стукнулся.

-Ваше величество, простите, я не могу приветствовать вас должным образом.

-Кто ты такой и откуда взялся? – Ее голос звучал как клекот хищной птицы.

-Я сын старьевщика из Шэлота, - начал было Амадей.

-Еще раз солжешь мне – и вернешься в тюрьму. Только в камеру уровнем ниже и без света.

-Ваше величество, я говорю лишь то, чему был свидетелем, что знаю сам. Сколько себя помню – рос в семье Сепия, который никем, кроме старьевщика, не был и быть не мог. Он называл меня сыном, для его детей я был братом. Кем еще я мог осознавать себя?

-Ты давно уже не ребенок. Хочешь сказать, у тебя никогда не возникало сомнений в своем происхождении?

-Возникало. И они не делали мне чести. – Решился Амадей. – Лучше я буду держаться тех, кто вырастил меня, нежели признаю того, кому младенец - обуза.

-Отвечай мне – ты фоллет? - Неожиданно королева бросила в Амадея что-то, похожее на пригоршню блестящей светлой пыли. - Сальванелло? Дуэнде? Серван?

Амадей опешил. Он не понимал, о чем говорит Фьяметта, но сердить ее всем не хотел.

-Я не знаю никого из них, ваше величество. Кто они?

-Там, откуда я родом, мы называли их детьми старых богов. – Поскольку юноша никак не отреагировал на блестящую пыль, королева немного успокоилась. – Здесь их называют хогменами.

-Я не хогмен. – перевел дыхание Амадей. – Но не буду скрывать - я встречал их и говорил с ними.

-И остался жив. – В ее голосе прозвучало удивление. – Возьми-ка это.

Глаза юноши привыкли к темноте, и он смог разглядеть, что королева протягивает его же нож, причем так, что ему пришлось взяться за лезвие, похожее на серебристое рыбе брюшко, холодное и гладкое.

-Ты не лжешь. Никто из них не может прикоснуться к железу. – И она постучала в стенку кареты; почти сразу они сделали крутой поворот. - Хороший у тебя нож, Амадей. У моего Гираута был точно такой же. Я не понимала, как король может довольствоваться таким грубым солдатским оружием, а он смеялся и говорил, что чем больше украшено оружие, тем бесполезнее его хозяин. Откуда он у тебя?

Амадей рассказал королеве о «Копченном хвосте», о старом солдате и преподанных им правилах.

-И ты оставил свой дом, любящих тебя людей и последовал за моим внуком? Почему? Что такого особенного посулил тебе принц?

-Право служить королю. – Амадей улыбнулся, вспоминая, как Дионин просил ки Стафиду отпустить его. – Я хочу стать тем, кто создает праздники короля. Орудием его радости.

-Смело сказано. – Королева хмыкнула. – И начал ты с того, что высказал свое презрение поварам, избавил казначея от одного из незаменимых слуг и при первом же выходе в город угодил в тюрьму. Что ты не поделил с гобеленщиками, скажи на милость?

-Честь старого знакомого.

-Достойно. Однако же этот бык и сам бы за себя постоял, не находишь?

-Их было пятеро, ваше величество, - напомнил Амадей.

-А тебе было нужно отвлечься, поскольку ты изрядно засиделся за книгами. Так многому ли ты успел научиться?

-Многому. Теперь я понимаю, что знаю еще меньше, чем предполагал. – Вздохнул юноша. – И ясно как день, что одному мне с такой работой не справиться. Мне нужны музыкант и декоратор. Возможно, портной. И садовник. А с госпожой Лю Пин мы договоримся, я уверен.

Королева цокнула языком.

-Портного ты уже нашел, судя по твоим нарядам. Да и я соскучилась по золотистым локонам Дамиано. Садовник? Их во дворце десятки, выбирай любого. А вот музыканта и декоратора ищи сам. В этом городе кого только нет... - Королева снова постучала в стенку, и карета остановилась. – Я позволяю тебе остаться и продолжить служение, раз уж ты так приглянулся моему внуку. Возможно, твое появление и к лучшему. Панфило тоже не был прост, а его праздники я никогда не забуду. Ну, ступай. И не вздумай кланяться в карете.

Амадей как мог церемонно попрощался и вышел. Сидевший на козлах шелкнул бичом, и карета покатила по булыжной мостовой. Юноша огляделся: он стоял на одной из улиц, которые соединяют Полдень и Полночь как нить два куска ткани. Позади него пестрел ряд мелочных лавочек, еще закрытых в столь ранний час, полукругом выступал вход в театрик, украшенный сомнительного вида деревянными кариатидами, собаки спали возле дверей харчевни. Впереди темнел ряд крепких приземистых строений, похожих на торговые дома среднего достатка, объединяющие под одной крышей и склад, и контору. За ними виднелись жилые дома, окруженные садиками или хотя бы выставившие пару каменных вазонов перед парадным входом. Выше по склону темнели деревья; по каменному желобу бежала одна из многих мелких речек. Амадей подошел к воде, наклонился, зачерпнул горстью, напился, умыл лицо. От ледяной воды заныли зубы, и прояснился разум, будто пелену с глаз смыло.

Город спал. Пусто было на улицах, никто не мелькал в окнах домов, не распахивал двери лавок, даже птицы, и те еще молчали. Гулять по такому городу - все равно, что гулять по кладбищу, удовольствие не для всякого. Амадей поразмыслил и вспомнил, что чуть выше по склону, как раз в этой части парка должен быть небольшой храм; возможно, его двери не закрыты для одиноких душ, и там ему удастся отогреться и дождаться наступления утра. И пяти минут подъема хватило – храм действительно был, только совсем маленький. Он был сложен из белого мрамора, широкие пологие ступени вели к входу, легкие колонны поддерживали крышу. Амадей потянул на себя створки дверей, и они легко открылись, впуская его. Внутри было тихо, тепло, пахло смолистым деревом; юноша сделал несколько шагов по мозаичному полу, осмотрелся. Стены

небольшой и совершенно пустой залы, где он оказался, были украшены фресками, такими яркими, словно их только что закончили. Художник явно был влюблен в предмет своей работы, так пели и ликовали его краски, таким чистым и живым был рисунок. В противоположной входу стене, там, где надлежало бы быть алтарю, была еще одна дверь, закрытая.

Амадей остановился перед западной стеной, освещенной восходящим солнцем; на центральной фреске были изображены два юноши – один черноволосый и серьезный, второй светловолосый, взъерошенный и смеющийся. Первый стоял, задумавшись, сложив руки на груди, и ветер играл полами его черного плаща. Второй сидел рядом, на сером камне, скрестив босые ноги на шаммахитский манер, распахнутая рубаха позволяла видеть рисунки на его груди и длинное ожерелье из оранжевых ягод. Они были как правая и левая рука – похожи и противопоставлены.

-Божественные близнецы... - Сам себе напомнил Амадей. – Фенри и Гарм.

-Совершенно верно.

Амадей обернулся – в боковую дверку неслышно вошел служитель, маленький человечек, одетый в белую просторную мантию, скрывающую фигуру.

-Рано встаете, сударь.

-Сказать по правде, я еще и не ложился. – Амадей поклонился служителю. – Прошу прощения за беспокойство. Вы позволите остаться здесь ненадолго?

-Разумеется. Оставайтесь, сколько хотите. – Человечек подошел поближе, и Амадея поразили его глаза, огромные, прозрачно-голубые. – Нечасто ко мне приходят те, кто в состоянии назвать имена моих богов.

-Трискелион – большой город. – Пожал плечами Амадей. – И богов здесь немало.

-Оно и к лучшему. – Кивнул служитель. – Сила в разнообразии. Однако вы, должно быть, замерзли. Подождите немного, я принесу горячего вина.

И, неслышно ступая, он удалился в ту же дверь, откуда пришел. Амадей недоуменно поднял брови: вроде он ясно видел, находясь снаружи, что никаких боковых приделов у храма не было; не на улицу же пошел человечек?

Не торопясь, юноша шел вдоль стен, любясь фресками; на них застыли в вечности чудеса, совершенные богами. Одна из картин надолго заняла Амадея: восемь человек, одетых причудливо и празднично, кружили в хороводе. Пять мужчин и три девушки – одинаковыми у них были только серьги в левом ухе, парные колокольчики, щедро посеребренные художником.

-Дети Лимпэнг-Танга. – С улыбкой в голосе произнес вернувшийся служитель. Он протянул Амадею серебряный бокал, из которого поднимался ароматный парок. – Вот это были времена...

-Об этом я еще ничего не знаю. – Досадую, ответил Амадей. – В книге про старых богов ничего не говорилось о них. – Он попробовал вино: оно было превосходным, горячим, в меру сладким и пряным, и сразу же разливалось теплом в намерзшемся за ночь теле.

-Значит, ваша книга была не самой полной. Ничего страшного, есть и другие. – Служитель протянул руку и осторожно прикоснулся к колокольчикам, казалось, звенящим в ухе светловолосой девушки, ведущей хоровод.

Дойдя до закрытых дверей, Амадей обернулся – и замер. Только что рассмотренная им фреска, изображавшая богов-близнецов, изменилась. Теперь он видел Фенри одетым в пестрые шелка, веселым и танцующим, и волосы его были перевиты серебряными бубенцами. Гарм же стоял весь черный и строгий, с двумя мечами за спиной, и на его лице были написаны упрямство и печаль.

-Как такое возможно? – Прямо спросил Амадей. – Они что, местами поменялись?

-Вы и это заметили? – В голосе служителя прозвучало изумление. – Они мало кому так открываются. Тут все зависит от того, с какой стороны смотреть, входя – или выходя. А как это получается – я не знаю. Все-таки это храм, волшебство здесь невозбранно.

Голова у Амадея шла кругом. Мало того, что он месяц сидел над книгами, набивая свою память всяческими диковинами. За одну только сегодняшнюю ночь он встретил друга из давнего прошлого, подрался, попал в тюрьму, говорил с королевой – так нет, этого Трискелиону показалось мало, он подкинул юноше еще и этот храм, где фрески изменяются на глазах, а изображенные на них люди только что не дышат... Амадей был готов поклясться, что вот прямо сейчас подол платья светловолосой танцовщицы пошел волной, будто она шагнула вперед. Он пошатнулся и был вынужден сесть прямо на пол.

-Вам надо отдохнуть и успокоиться. – Сочувственно проговорил человек. – Допивайте вино, я провожу вас.

Амадей послушно опустошил бокал, перевел дыхание и встал, держась за стену. Следуя за служителем, он прошел к той самой низенькой двери, куда тот выходил за вином, а теперь держал ее открытой перед Амадеем.

-Возвращайтесь, когда захотите. Для вас двери всегда открыты. – И он повел рукой в приглашающем жесте.

Пригнувшись, чтобы не задеть головой косяк, Амадей шагнул через порог. Выпрямляясь, он услышал, как дверь за ним закрылась, тихо скрипнув петлями; не удержавшись, он повернулся, схватился за ручку и потянул ее на себя. За дверью оказался хорошо знакомый ему коридор, по которому семенили одна за другой служанки – дворец просыпался. Юноша закрыл и машинально запер

дверь, протер глаза и огляделся: действительно, он был у себя в покоях. Отодвинув осмысление произошедшего на потом, пошатываясь от усталости, на заплетающихся ногах Амадей прошел в свою спальню, скинул на пол плащ, стянул дублет, из последних сил стащил сапоги. И повалился в кровать. Шеш сполз с его руки на покрывало, свернулся уютным колечком.

-Ну шшшто, нагулялссся? – Поинтересовался он.

-Ага, - Амадей потянул на себя одеяло. – Шеш, всей жизни не хватит, чтобы познать этот город.

-А полюбить? – Змей скользнул под бок к юноше, в тепло.

-Довольно и одного взгляда. Все, друг мой, я засыпаю. Если Трискелион пьет тебя – то без стеснения и до дна.

Глава девятая, в которой герою приходится довольствоваться малым, а в итоге и вовсе отойти в сторону

Было бы ошибкой предположить, что после первого выхода в город Амадей решил померить свою прыть и вновь засел за книги. Напротив, как следует выпавшись, он первым делом отправился на поиски покоев принца с тем, чтобы сообщить о своем намерении найти недостающих исполнителей его пока еще будущих замыслов.

-Ты не перестаешь меня удивлять, - принц сидел за огромным столом, заваленным исписанными стопами отличной суртонской бумаги, и, судя по кислому выражению лица, разбирался со счетами. – Некоторые дворцовые персоны здорово проигрались, поставив на то, что ты в первые же дни что-нибудь украдешь и пустишься во все тяжкие. Или порчу на меня наведешь. А ты читать уселся, будто тебе не восемнадцать, а восемьдесят.

-Лично я распускал слух о том, что ты – хогмен, - Рейнар, по обыкновению, сидел вплотную к камину, вытянув ноги вдоль плетеного экрана. – Про порчу кто-то другой придумал. – Он зевнул, отложил на низкий столик книжечку инкварто, богато иллюстрированную и, кажется, даже надушенную, зевнул и потянулся. – Прекрасная погода для чтения тонких старых стихов о любви. И для горячего вина с белым медом из Влихады. Дионин, мне скучно.

-Вот как кину в тебя чернильницей, так и развеселишься. – Принц раздраженно отбросил гусиное перо. – Скучно ему. Я с этими бумагами неделю мучаюсь; ну кто ж знал, что, кроме двойной, еще и тройная бухгалтерия есть?

-Заведи счетовода, лучше из крыс, - посоветовал Рейнар, отхлебывая из обьемного бокала.

-Да? Чтобы в конце года в казне можно было шары катать? – Принц обреченно потянул к себе следующую стопу бумаг. – Нет уж, разберусь как следует, зато потом достаточно будет одного взгляда, чтобы понять – совсем в провинции совесть потеряли или пусть живут. Слушайте, идите отсюда, а? Оба. Погуляйте, развлекитесь. И постарайтесь не попадать в тюрьму. Особенно ты, Рейнар, тебя там уже как своего встречают. Знаешь, Амадей, ему ведь особый угол в караулке отвели, так и называют – место рыжего пройдохи.

-Ну да. – Невозмутимо ответил Рейнар. – Не в общую же камеру меня тащить. Я там по молодости столько раз ночевал – и не упомнить.

-Ваше высочество, - напомнил Амадей, - вы согласны взять на службу тех, кого я приведу?

-Согласен. – Кивнул Дионин. – Ты сказал, музыкант и декоратор? А если не найдешь в Трискелионе? Ты ведь придирчивый, я знаю.

-Значит, поеду искать. – Амадей улыбнулся. – От меня не уйдешь.

-Будь по-твоему. – Принц достал из массивной шкатулки пару небольших пергаментных свитков. – Вот, возьми. Это дворцовые грамоты. Отдашь их тем, кого выберешь. А это – тебе.

И он протянул Амадею серебряное кольцо с небольшой печаткой. На ней было выгравировано имя Дионина и небольшая корона.

-Это чтобы ты не забывал, кому служишь, - подмигнул Амадею Рейнар. – Ну и потыкать в нос кому-нибудь, если такая необходимость появится. Куда направимся сегодня?

Он встал, стряхивая с колен крошки орехового печенья.

-Я хотел навестить друга в его мастерской. А потом посмотреть театры в Полуночи, какие успею.

-Идет. Друга можем с собой прихватить, - согласно кивнул Рейнар.

-Идите уже отсюда. – Дионин со страдальческой покорностью выводил столбец цифр на полях чрезвычайно запутанного счета. – Мне же завидно, изверги.

И в этот, и в последующие зимние дни Амадей не пренебрегал возможностью узнать Трискелион. Он выходил в город и с Рейнаром, и с Лукасом, но чаще всего – один. Он проходил по столице не как тигр по джунглям Нильгау, но как молодой лис по лесам Одайна: хитрый, зоркий, замечающий важное и вкусное, любопытный и острозубый. Не было такого, чтобы улицы стелились ему под ноги, они скорее заговорщически подмигивали ему и наперебой зазывали к себе, в свои объятия. А он смотрел, запоминал, пробовал на зуб, трогал, прислушивался... Прошло немногим более двух месяцев, и в один прекрасный день Амадей почувствовал себя в Трискелионе так же легко, как то было в «Копченном хвосте». Он знал, где что или кого искать, откуда нападать и куда прятаться, где живет веселье, а где печаль. Он зазнакомился со студентами всех мастей – и с художниками, и с медиками, и с военными инженерами, и с поэтами. Побывал почти во всех театриках Полуночи. Обошел почти все храмы. Осмотрел лавки и торговые дома в Полудне. Кое-где его узнавали – и не скупилась на улыбки и поклоны. Но он нигде не мог найти тех, кого искал.

Амадей уже начал подумывать, что удача изменила ему, как эта дама вновь выказала ему свое благоволение. В один дождливый, ветреный и беспокойный февральский вечер он и Рейнар нахохотались до коллик в одном из полуночных театриков, где артисты, взявшие за пример для подражания манорскую комедию масок и, приспособив ее под нравы Трискелиона, разыгрывали перед публикой фарс за фарсом, один смешнее другого. Когда они вышли из душного зала, пропахшего потом и рисовой пудрой, в стылую темноту улицы, то оба поняли, что еще не нагулялись.

-Что именно мы ищем? – осведомился Рейнар, плотнее запахивая плащ, нахлобучив капюшон чуть не до носа.

-Я хочу посмотреть на танцовщиц. – Амадей уже знал, куда направиться. – И не на придворные танцы, больше похожие на парады с перестроениями. А на настоящие танцы, где девушки не прячут ног и всего остального.

-Ах вот куда ты меня тащишь. «Роза Шаммаха», верно?

-Верно. – Амадей перепрыгнул невысокую ограду, срезая дорогу. – И там тепло. Все, как ты любишь, мой друг.

Амадей не рисовался – Рейнар Бреттиноро действительно стал ему другом. Они неплохо ладили: рыжий и белый клоуны, красное и белое вино, рубин и алмаз. Рейнар любил рассказы Амадея о нищем и развеселом детстве, Амадей же с удовольствием слушал дворцовые истории. Оба любили развлечения, за которыми порой забирались в такие места Трискелиона, откуда потом приходилось уносить ноги. И тот, и другой не выносили чванства, ханжества и скуки. А когда они добирались до сладостей, то Рейнар уделял все свое внимание медальонам из шоколада с острым перцем и сладкими шаммахитскими орехами, а Амадей оставался верен запеченному крему с румяной корочкой, поэтому им ни разу не пришлось поссориться всерьез. Единственное, в чем Рейнар значительно опережал младшего товарища, - так это в галантных подвигах. Он был постарше, да и возможностей у него было больше. К девушкам рыжий относился как ребенок к расставленным игрушкам: схватит одну, не успеет наиграться, как увидит другую, бросит первую, пока тянется ко второй – третья на глаза попадется... Одним словом, ухаживал красиво, соблазнял быстро, наслаждался беззастенчиво и надолго не задерживался.

«Роза Шаммаха» была чем-то средним между театриком, кальянной и, чего уж там скромничать, веселым домом. Тамошний хозяин своих девушек не неволил, но поощрял их приискивать себе содержателей посостоятельнее. Располагалось заведение все-таки в Полуночи, неподалеку от ее центральной площади, и было местом спокойным, где гости могли опасаться разве что за свой кошелек, попавший в лапки красавицы. Здесь были лучшие в столице кальяны: какими только эссенциями и маслами не пропитывали табак привередливые шаммахиты; и сладости, липнущие к пальцам, были здесь хороши, и кофе, сваренный на жаровне с раскаленным песком. Но самым лучшим в «Розе Шаммаха», были, разумеется, девушки.

Амадею и Рейнару, вошедшим с улицы в просторный зал, показалось, что они попали в лавку парфюмера, настолько сильны были окутавшие их благовоения: из курильниц, развешанных тут и там на длинных цепочках, ползли в раз-

ные стороны сизые струйки ароматного дыма, на каждом столе горели медовые свечи, из угла, где стояла жаровня, тянуло горячим песком и пряностями.

-Отогреюсь от души, - с этими словами Рейнар сбросил тяжелый плащ на руки подбежавшему слуге и опустился на низкий диванчик, стоящий справа от небольшой сцены. – Любезный, кальян и кофе.

Вечер был в самом разгаре, гостей было достаточно, девушки – из тех, кто не танцевал – порхали по залу, подходя к завсегдатаям перебраться парой слов. Амадей кивнул нескольким знакомым лицам и принялся высматривать ту, ради которой и пришел. И это была не одна из танцовщиц, как подумал Рейнар, хотя они и были одна другой краше. Амадея интересовала служанка, помогающая мастеру у жаровни; он заметил ее еще тогда, когда в первый раз попал в «Розу Шаммаха». Это была не шаммахитка, как все здешние обитательницы, цвет волос – черный с отливом в кобальтовую синеву, и разрез глаз выдавали в ней уроженку Нильгау. Она не могла похвастать ни пышными бедрами, ни роскошной грудью; телосложением она скорее напоминала узкогорлый непрозрачный флакон для опасных снадобий, чем амфору для вина. И Амадей ни разу не видел, чтобы она улыбалась.

А еще он заметил, как посматривала она на танцующих девушек. И этот взгляд, и то, что он смог прочесть в нем, подсказали ему первую дорогую покупку – от имени принца, конечно.

-Уважаемый, - Амадей подошел к хозяину «Розы Шаммаха», сидевшему поодаль за партией в махшит, - позвольте задать вам вопрос.

-Чем могу услужить? – Хозяин жестом пригласил Амадея присесть рядом.

-Скажите мне, могу ли попросить одну из здешних девушек станцевать для меня? – Амадей сел, присматриваясь к разыгрываемой партии.

-Последние времена настали, если вы сомневаетесь в этом! – Хозяин с преувеличенным ужасом воздел руки. – А зачем же еще сюда приходить, господин? Любая красавица будет весьма польщена вашим вниманием. Позвольте, я угадаю. Та, что в бирюзовом, а? Или наша черная жемчужина, Зули?

-Не угадали. Я хочу, чтобы станцевала она. – И Амадей незаметно указал хозяину на служанку.

-Кто, Болтунья? – Изумился шаммахит, не донеся до рта трубки кальяна, булькающего расписной стеклянной колбой.

-Как вы ее назвали?

-Это девушки ее так зовут. Она немая. А их языки могут быть очень злыми.

– Хозяин затаился, с любопытством глядя на Амадея.

-Вы позволите с ней поговорить?

-Да сколько угодно! – Хозяин недоумевал все сильнее. – Только она не сможет вам ответить. И никто не видел, чтобы она танцевала.

-Это неважно. И на вашем месте, - тут Амадей понизил голос так, чтобы слышал его только хозяин, - я бы сдал всадника. Забирая его, противник откроет вам своего полководца. Благодарю вас, - он встал, поклонился и направился напрямиком к жаровне.

Подойдя к девушке, он улыбнулся ей, взял за руку и отвел в сторону, подальше от гостей. Он чувствовал, что она бесстрашна и жестока, и поэтому нужды в рыцарском сиропе не было. Также не были нужны уговоры и подкуп. Прямота и искренность нападающего хищника – вот по чему она тосковала в царстве кружевных мелодий, вкрадчивых голосов и изнеженных тел.

-Я пришел ради тебя. – Амадей посмотрел в непроницаемо черные глаза девушки. – Я знаю, ты не можешь говорить. Но мне и не слова от тебя нужны. Я хочу, чтобы ты танцевала.

Она удивленно вскинула брови, подалась вперед... но тут же сникла и покачала головой.

-Это поправимо. – Амадей понимал все, о чем она думала, слышал ее мысли как щебет птицы за окном. – Чего именно тебе не хватает?

Девушка посмотрела на него и вдруг сделала рукой жест, который мог означать только одно – цветок. И жест был так точен, изящен и чист, что Амадей не удержался, взял нежную девичью ладонь и поцеловал. Она отняла руку и вновь жестом изобразила волну юбки. По обыкновению она была одета в черные шаровары, расширяющиеся от колена, и безрукавку. Амадей оглянулся. На одной из девушек, прохаживающейся между столами, было наверхено столько разноцветных полупрозрачных тканей, что она вполне могла бы ими торговать. Не раздумывая, он подошел к ней, взял за круглый подбородок, что-то шепнул на ушко и, не дожидаясь согласия, попросту стянул с ее плеч пару длинных шарфов.

-Этого хватит. – И Амадей протянул шарфы немой служанке. – Что еще?

Девушка с сомнением покачала головой, но в углах ее крупного рта явно затаилась улыбка. Она показала Амадею на музыкантов и презрительно сморщила нос.

-А они тебе и не понадобятся. – И юноша достал из поясного кошелька ту самую покупку; это был поющий кристалл, закрепленный в тяжелом серебряном браслете. Гном, у которого Амадей покупал браслет, торговался как в судный день за свою душу. – Надевай. И просто подумай, что ты хочешь танцевать.

У девушки загорелись глаза. Она поняла, какое непростое украшение протягивает ей этот странный белый юноша. Помедлив, она протянула руку, взяла и надела браслет. А потом выхватила у Амадея тонкие шарфы и быстро задрапи-

рвала их вокруг своих бедер так, что получилось подобие легкой широкой юбки с неровным подолом. Сделав это, девушка наклонилась и разорвала свои шаровары, по боковому шву, от пола до колена, скинула стоптанные шаммахитские туфли без задников, ослабила шнуровку безрукавки, позволив ей сеткой лечь на нежную смуглую кожу.

-Расскажи мне, что ты такое. – Амадей протянул ей руку, чтобы отвести к сцене. - И покажи им всем, чего ты стоишь.

Этот танец не был похож ни на один прежде виденный Амадеем. По воле немой девушки будто сам первозданный лес Нильгау явился на сцене. Поющий кристалл передавал сквозь мелодию журчание воды, шелест листьев, крики птиц, подстраиваясь под прихотливый рисунок танца. Девушка же, услышав первые звуки музыки, отрешилась от всего, будто под ногами ее был не каменный пол, а облако, на котором ей привычно танцевать, будто небесной деве. Ее руки двигались плавно, как смуглые змеи, - и вдруг замирали в резком, красивом жесте, то разворачивая ладони к зрителю, то соединяя их треугольником перед нежным животом.

Протанцевав несколько минут, девушка бросила взгляд в сторону хозяина заведения и, явно озорничая, перешла к шаммахитскому стилю – но так своеобразно поданному, что тот забыл и про махшит, и про кальян, и смотрел во все глаза на сцену, как неискушенный новичок. «Я умею танцевать лучше любой из твоих девушек, - будто говорила она, - но мне это неинтересно». В ее исполнении томные покачивания и тряски бедрами теряли свою пошловатую навязчивость, обретали естественную грацию и неуловимую соблазнительность. Высказав таким образом все, что она думает о здешних танцах, немая вернулась к своему, и более его не меняла.

Ее движения становились все причудливее; казалось, что весь ее танец – это лишь череда замысловатых поз. Вот руки, резко дернувшись, замирают так, что всякому ясно – они держат копье и враг повержен. Вот танцовщица неглубоко приседает, держа одну ногу обращенной в сторону и согнутой в колене перед собой, раскрыв руки как ветви огромного дерева. Вот она просто стоит, а мускулы под ее смуглой кожей переливаются и перетекают, будто ползущие змеи. Однако все эти паузы длились не более пары мгновений, зрители успевали только выдохнуть – и вновь с замиранием сердца следили за раскрывающимся на сцене сердцем Нильгау.

Амадей видел больше всех остальных. Ему были явственны нездешние цветы, окружившие голову немой девушки пышной короной, перевившие ее руки тонкими гирляндами. Для него наспех задрапированные шарфы превратились в расшитую церемониальную юбку жрицы храма древнего как сам лес. И каждый

раз, как танцовщица переступала босыми ногами, он видел яркие ягоды, украшающие ее пальчики подобием драгоценных перстней. И, разумеется, он очень хорошо видел, какая сила окружала девушку, как щедро она выплескивала ее зрителям, черпая узкими ладонями, на которых все отчетливей проступал сложный орнамент татуировки. После одного из подобных ее жестов Амадей скосил глаза: Рейнар сидел как вкопанный, тяжело дыша, а из носу у него медленно стекала струйка густой крови. Похоже, рыжего пробрало не на шутку. И даже Шеш, потеряв всякий стыд, медленно кружил вокруг запястья Амадея, то и дело поднимая голову и трепеща языком.

Танец продолжался довольно долго; похоже, девушка истосковалась и по себе самой, и по своей родине. Но вот мелодия стала иссякать, и танцовщица, отступив в тень, остановилась. Кристалл затих, и она спустилась со сцены, окруженная тишиной, без поклонов и заискиваний. Зрители попросту не понимали, что только что произошло в такой привычной «Розе Шаммаха», и не знали, что им делать – рукоплескать или отвергнуть чересчур необычный танец. Мнения разделились надвое, однако самой танцовщице, похоже, до этого не было дела. Она подошла к Амадею, поклонилась ему, а когда подняла лицо, он даже слегка вздрогнул – со сцены спустилась совсем другая девушка. У этой были такие глаза, каких у домашних и прирученных существ нет и быть не может. Можно посадить хищника в клетку, сломить его волю, заставить служить – но природу его изменить не дано никому.

Повернувшись к Рейнару, немая осторожно приложила пальцы к его переносице, останавливая кровь, выдернула из-за пояса один из одолженных шарфов и вытерла рыжему бородку и нос.

-Благодарствую, - все еще оторопело проговорил Рейнар. – А я думал, ты мне сразу сердце вырвешь... ай!

Девушка дернула его за торчащее ухо.

-Ты придешь танцевать во дворец, когда я позову? – Тихо спросил Амадей.

Немая кивнула и, сняв браслет, протянула ему.

-Зачем он мне? Это твое.

Танцовщица выразительно кивнула в сторону стайки яростно жестикулирующих в беззвучном споре девиц.

-Они не посмеют. Все видели, что я отдал его тебе. Или... ты не хочешь здесь танцевать?

Она кивнула, соглашаясь.

-А если приду я?

Лицо и руки ответили ему – да, для тебя я буду танцевать. Может быть, для твоего друга тоже. Но не приходите слишком часто.

-Ты еще лучше, чем я думал. Но кристалл все-таки оставь себе.

Когда они возвращались во дворец, Рейнар спросил у спутника:

-Как ее зовут?

-Не знаю. Она немая. Шаммахитские розочки зовут ее Болтуньей. Дурехи, если бы они понимали, с кем имеют дело...

-А ты, само собой, понял?

-Да. Нам же все станцевали. Она из Нильгау, родилась и выросла при храме – кажется, змеепоклонников. Готовилась стать жрицей, танцевала со змеями, училась у них, жила рядом с ними. Потом случилась война, и ее взяли в плен. И продали. Те, кто ее купил, сильно об этом пожалели. А она сбежала. Прибилась к розочкам, здесь ей безопасно, в достатке более лакомые кусочки и ее не трогают. Однако же от себя не уйдешь, и она это знает.

-И что, ты все это понял из ее танца? – Рейнар даже приостановился, заглядывая в лицо Амадею.

-Конечно. Да и ты что-то понял, иначе с чего бы так, - и Амадей постучал пальцем по носу.

-А с того, что раньше мне не доводилось одновременно быть и заклинателем, и змеей. Ты-то сам как ее называешь?

-Дакини. – Помедлив, ответил альбинос. – Демоница-людоед из свиты бога бирюзовых змей.

-В точку. – Отозвался Рейнар. – Слушай, такие дела... Я, пожалуй, вернусь.

-В таком случае, удачи тебе, мессер Бреттиноро.

-Ага. – Рыжий развернулся и нырнул в сумеречный туман, заполнивший улицы Полуночи.

Вернувшись в «Розу Шаммаха», Рейнар, не тратя времени попусту, подошел к хозяину, торжествующему победу в партии в махшит.

-О, я вижу, вы вернулись? Господин мой, будьте столь добры, передайте при случае мою безмерную благодарность вашему загадочному спутнику – если бы не его мудрейший совет, не видать мне победы. Однако чем я могу угодить вам?

Выслушав Рейнара, хозяин сунул в рот трубку кальяна, затянулся и выпустил огромный клуб сизого дыма с запахом жженого сахара.

-А говорят, что дважды за весну ласточки не прилетают. Верите ли, за все время, пока эта девушка у меня работает, ею никто не интересовался. Никто и никогда. А сегодня вы второй. Мессер, я не заставляю своих девушек – они вольны выбирать себе мужчин сами. Для немой это правило также справедливо. Поговорите с ней, испытайте удачу, - хозяин выпустил еще одно облако

сладкого дыма, - а если вам не понравится ее ответ – что ж, здесь есть кому вас утешить.

Рейнар согласно кивнул и направился к жаровне с песком. Пригласив девушку жестом, он отвел ее к столу, усадил на диван, сам сел напротив. Некоторое время он собирался с мыслями, выбирая слова, но не находя нужных. С каждой секундой Рейнар все больше удивлялся себе самому – общение с девушками никогда его не затрудняло; он или убалтывал их, или щедро оплачивал нежную благосклонность. И крайне редко принимал кого-то близко к сердцу.

В глазах немой девушки зажглись насмешливые огоньки; ее явно забавлял приступ застенчивости у привычно самоуверенного молодого человека.

-Я не настаиваю. – Смог заговорить Рейнар. – Из всего, что я обычно предлагаю девушкам, тебя вряд ли заинтересует хоть что-то.

Немая состроила такую гримасу, что и дурак бы понял – да, такой товар предлагать не стоит.

-Я подумал... может, есть хоть что-то...

Она кивнула – есть. И гибким движением подавшись вперед, легонько ткнула его в грудь пальцем.

-Вот как. – Рейнар перевел дыхание. – Значит, тебе интересен рыжий, лопухий, болтливый, хвастливый...

Перечислить весь список своих достоинств он не успел, потому что девушка, прыгнув вперед подобно разозленной кобре, поцеловала его. А потом встала, посмотрела на Рейнара сверху вниз и поманила за собой. Тот поднялся, улыбаясь несколько растерянно, взял девушку за руку и последовал за ней из общей залы, вглубь дома.

Пройдя мимо обычных раздушенных комнаток для частных свиданий, она привела его в свою – притаившуюся на задворках дома, похожего на соты. Толкнула низкую дверь, вошла первой и кивнула – заходи, не бойся. И, хотя в комнате было довольно тепло, сразу же подошла к маленькому камину, опустилась на колени и принялась раздувать тлеющий под золой огонь. Оживив пламя, подложила пару поленьев и выпрямилась.

Рейнар огляделся: комнатка служанки была совсем маленькой, места хватало для кровати, сундука, и табурета с тазом и кувшином; окно было закрыто деревянной ставней. Он прошел, присел на кровать, чуть ли не собираясь с духом. Обернувшись к нему девушка улыбнулась, и ей хватило пары шагов, чтобы оказаться рядом. Она опустилась на пол у ног Рейнара, и для начала расстегнула застежку его плаща. Потом за ней последовали пуговицы дублета. Когда ее тонкие смуглые пальцы потянули тесемки, стягивающие ворот его белоснежной рубахи, Рейнар вздрогнул и перехватил их. Стиснув нахальных захватчиков, он притянул девушку к себе и долго всматривался в ее глаза, вдыхал ее за-

пах как осторожный зверь, пробующий – нет ли на тропе капкана. А потом отпустил ее пальцы и в жесте шутилой капитуляции поднял обе руки.

-Сдаюсь на милость победителя, - он склонил голову, смеясь. Когда он поднял взгляд, девушка стояла перед ним обнаженная, похожая на статуэтку из полированного сандалового дерева. У Рейнара перехватило дыхание, а она положила ладони ему на плечи и медленно опустила его на постель.

Когда ночь иссякла, и где-то в ближнем контадо прокричали первые петухи, Рейнар проснулся. Он очень осторожно встал, небрежно оделся, присел на край кровати. Немая девушка тихо спала, изредка вздрагивая во сне. Рейнар немного поразмыслил и вынул из уха серьгу - крупный сапфир, ограненный в виде капли, оправленный в серебро - и опустил на ее полураскрытую ладонь. Взял прядь длинных черно-синих волос, поцеловал ее, встал и, неслышно ступая, вышел из комнаты.

Уходя, он совершенно точно знал, что уговорить хозяина «Розы Шаммаха» отпустить немую служанку ему не составит труда. А вот убедить ее саму покинуть душистый вертеп – вот тут придется потрудиться. Но даже если ему надо будет выучить нильгайский, чтобы объясниться с нею – он сделает это. Потому что одна мысль о том, что кто-то может посягнуть на его сокровище, была ему невыносима.

Тем временем Амадей возвращался во дворец.

-Шшто, обошел тебя приятель, - ехидно посочувствовал Шеш, не покидая теплого рукава.

-Как сказать... у меня не было на нее таких уж определенных планов, - отозвался юноша. – А Рейнар вон как загорелся.

-Она тебе не понравилась? – Изумленно прошипел змей.

-Что ты, я восхищен. Но мне вполне достаточно одной змеи в ближнем кругу, - и Амадей ласково погладил Шеша.

Глава десятая, в которой герой отправляется за одним, а возвращается с вдвое большим

Найти Дакини и заручиться ее согласием было, безусловно, удачей. Однако это была не та удача, которую искал Амадей; он нашел лишь драгоценный камень в свою коллекцию редкостей, а ему нужны были руки, способные создать оправу для него и ему подобных.

Уже на исходе зимы Амадей встретился со Ставросом Тавма в его мастерской. Тот ходил по комнате взад-вперед, явно не находя себе места.

-Слушай, приятель, ты не передумал поехать со мной во Влихаду? Я из-за последнего заказа пропустил первый гобелен сестры... и зря. Кто видел, говорят, что она нас всех за пояс заткнула. – Ставрос озадаченно потер подбородок. – Я-то думал, ну гобелен, ну первый, да я их десятки видел! Отец мне все написал, вот, сам читай. - И он протянул Амадею раскрытое письмо.

Ставрос не преувеличивал. Его сестра действительно смогла сделать больше, чем от нее ожидали. Не зря она больше года никого не впускала в свою мастерскую, не спала ночей и перевела уйму картонов на черновики. Гости – именитые горожане и мастера, приглашенные на продажу первого гобелена Кьяры Тавма, долго еще потом обсуждали то, что увидели. Девушка смогла не просто соткать прекрасный ковер; она создала новый стиль.

Когда гости собрались перед работами Кьяры, прикрытыми полотном, в тесный полукруг, Ясон Тавма дождался тишины и объявил:

-Милостивые государи и государыни, я представляю вам гобелены моей лучшей ученицы. Она вложила в них все свое умение. Ей пришлось нелегко – за ее спиной стоит слава дома Тавма. Я верю, что она преумножит ее.

И Ясон сдернул полотно.

Перед гостями предстали не один, а три гобелена – один большой и два в размер его четверти. На большом был выткан лесной пейзаж, на переднем плане которого кружились в веселом танце заяц, лиса и волк. Они были изображены не просто как вставшие на задние ноги звери, неловкие и комичные. Напротив, они двигались легко и ловко, при этом не переставая быть зверями. А под их лапами рассыпалось настоящее богатство – цветы и травы. Мастернице удалось передать шелковистость и изумрудные тона травы, и цветы в ее исполнении были совсем как живые. Розовые зарянки, белые зонтики медовара, голубые соцветия ветреницы, желтые камнеломки – и еще десятки других лесных, луговых цветов пестрели в темной траве, выглядывали, прятались, светились.

Одна из дам, жена ратмана, не выдержала, подошла к гобелену и погладила его рукой.

-Я собирала такие в детстве, на опушке леса, под присмотром нянюшки... - Тихо, сама себе сказала она. – Они прекрасны, как Тавма! Тысячи цветов...

На двух малых гобеленах был тот же травяной фон внизу и вытянувшиеся во всю длину полотна деревья – молодые, шелестящие тонкими ветвями, среди которых порхали птицы. Это было неслыханно – оставлять единственными персонами на гобелене всего лишь деревья. Но эти, сотканые Кьярой, были прекрасны сами по себе; и если танцующие звери воплощали сказку, то цветы и деревья – красоту.

Собравшиеся мастера, выдохнув первые восторги, единодушно признали, что дочь Ясона Тавма создала новый стиль, ведь до нее никто не дерзал оставлять гобелены, хоть и малые, совсем бесфигурными, на милость деревьев и травы. Да и звери в качестве ведущих персонажей тоже не использовались. Разве что геральдические, но ведь в них жизни – как в сухом полене, а пляшущие заяц, леса и волк в исполнении Кьяры того и гляди со стены спрыгнут и пригласят всех в свой хоровод!

Однако более всего восхищала отточенная до совершенства техника исполнения цветов. Тонкие пальчики Кьяры смогли так подобрать нити, что лепестки и соцветия действительно казались живыми, избавленными от искусственной красоты и правильности.

-Вашему стилю нужно свое имя, моя дорогая, - сказал девушке один из старых друзей Ясона. – Вы достойны имени Тавма, но вы создали нечто новое и должны дать ему именование.

-Госпожа ратманша почти его угадала, - улыбаясь, ответила Кьяра. – Тысяча цветов. Мильфлер, как сказали бы мои предки из Маноры.

Также из письма Ставрос узнал, что отец как глава гильдии закрепил за Кьярой патент на стиль мильфлер – согласно ему никто, кроме нее самой или с ее согласия, не мог использовать его. Гобелены, выставленные младшей Тавма, купила жена ратмана, ибо ее цены не перебил никто.

-Поехали. – Амадей вернул Ставросу письмо. – Меня сердце давно в дорогу зовет.

Принц не стал отговаривать его от поездки, хотя дороги, раскисшие от последних зимних дождей, были еще нехороши.

-Поезжай, - сказал Дионин. – При условии, что с тобой поедет Цатх. Мне будет спокойнее, если он присмотрит за тобой. Да-да, и не хмурься. Орк-альмугавари внушит почтение кому угодно.

Так что Амадей отправился в путь под внушительной охраной в лицах Цатха и Ставрота; гобеленщик и орк смотрелись как пара оживших надвратных башен.

Покинув Трискелион в последний день зимы, они направились по большому торговому тракту в сторону Влихады, не торопя лошадей без нужды, останавливаясь только на ночлег - то на постоялом дворе, то в деревенском доме. Погода стояла еще холодная, но переменившийся ветер давал надежду на ясное небо и теплые деньки.

Спустя неделю перед путниками встал выбор: ехать по привычной дороге, но при этом потерять несколько дней, ибо она ведет в обход горных отрогов, или же направиться через небольшой перевал и сократить путь.

-Тоже мне перевал, - хмыкнул Ставрос. – Да и горы ему под стать. Всей опасности разве что на отбившуюся от стада козу и хватит. Как выскочит перед тобой на тропу, как наставит рога! – Засмеялся он.

-Поехали через перевал, - отозвался Амадей. – Я же вижу, ты дни на пальцах пересчитываешь.

А Цатх молча повернул коня в сторону гор.

Они благополучно поднялись наверх, встретив только пастуха со стадом и пару таких же торопящихся путников. Дорога была хоть и узкая, но вполне удобная, им пришлось всего раз спешиться, чтобы обойти россыпь валунов. Прошли по гребню невысокой горы и принялись спускаться в долину, откуда до Влихады было уже рукой подать.

Это случилось ясным солнечным днем, когда они преспокойно ехали верхом, переговариваясь о том, о сём. Камень уступил место буйной растительности; здесь, укрытые от ветров и согреты южным солнцем уже зеленели лианы, кустарник тянул свои цепкие ветки. Шеш так сильно стиснул запястье своего хозяина, что тот охнул и поневоле натянул поводья, останавливая коня. «Прячьтессь! Быссстро! Прячтессь!»

-Куда? – растерянно спросил Амадей. – Где здесь спрячешься?

-Что с тобой? – Ставрос озадаченно пожал плечами. – Это еще зачем?

«Куда угодно! Лишь бы четыре человеческих стены и крыша...»

-Четыре стены и крыша? – Переспросил Амадей. И тут почувствовал и сам то, что так всполошило его фамилиара. Накатила тошнота, голова закружилась, во рту появился горький вкус черной желчи... померкли все краски, мир словно подернулся серой пеленой. Амадей ухватился за гриву коня, из последних сил удерживаясь в седле.

-Что с ним такое? И с кем он разговаривает? – Недоумевал Ставрос.

-Плохо ему. Надвигается беда. – Невозмутимо ответил Цатх. – А говорит он со своим фамилиаром. Только где же мы здесь дом найдем, чтобы укрыться?

-Мы только что проехали мимо пастушьей хибары. – Ставрос враз посерьезнел. – Развалина, конечно, но все же дом. Вернемся?

Торопясь, они повернули вспять. Цатх ехал позади, следя, чтобы Амадей не свалился наземь. Через несколько минут гобеленщик указал на скрытые в зарослях серые стены, сложенные из больших камней. Дом был выстроен на небольшой террасе, имел всего одну комнату с небольшим окном, когда-то закрывавшимся деревянным ставнем. Сейчас сгнивший ставень лежал на земле, а оконный проем заплели уже одеревеневшие плети плюща, крыша, крытая поверх деревянных балок ветками, прогнила и местами провалилась, но все еще держалась. Земляной пол порос мелкими кустиками, камни очага были холодны и безжизненны. Солнце светило вовсю, его лучи пронизывали пыльный воздух золотыми стрелами.

Ведя лошадей в поводу, они вошли в дом, места на всех едва хватило. Лошади явно недоумевали, но были спокойны. Амадей отошел в угол и по стене сполз наземь. Его мучило так сильно, что стоять не было сил; он кусал пальцы, пытаясь не потерять сознание. Шеш молчал, едва дыша.

-Совсем плохо? – Цатх присел рядом. В этот момент одна из лошадей всхрапнула и коротко заржала. Ставрос успокаивал ее, поглаживая гриву.

-Идет. – Амадей запрокинул голову и у него так сильно закатились глаза, что только белки и остались на виду. Он и так был бел, а сейчас и вовсе представлял собой неутешительное зрелище, будто из него всю кровь спустили без остатка. – Матушка Порча... идет...

Выговорив эти малопонятные слова, он свесил голову на грудь и замолк. Цатх оглянулся на Ставроса.

-Тихо будь.

-Понял, - шепотом откликнулся тот.

Они оба замерли; и через несколько минут почувствовали, как едва ощутимый ветерок, несущий запах могильной гнили, прошелестел мимо хижины. Стих щебет птиц, солнце померкло, в воздухе разлилась смертная тоска.

-Не слушайте ее... - Цатх обернулся – Амадей пришел в себя. Юноша сидел прямо, дыша часто как перепуганная птица. – Нас ей не достать. А мы ей дверей не откроем и навстречу не выйдем.

Просидев в молчании около часа, спутники ощутили облегчение – и впрямь, вновь запели птицы, зашуршала трава, солнце вышло из-за тучи и повеял свежий ветер, унося запахи погоста.

-Все, можем ехать дальше. Но обратно придется в обход. – Амадей глотнул из фляги воды. – Она пошла вниз, в городок у перекрестка. Кто ее знает, как часто она тут ходит.

-Матушка Порча, ты сказал. – Орк покачал головой.

-Сам не знаю, почему. – Пожал плечами альбинос.

-Если бы ты ее не почуял, и не спрятал нас в доме, то... - вопросительно не закончил Ставрос.

-Пошли бы к ней в свиту, гнилыми духами по земле стелиться. – Глухо проговорил Амадей. – Знаешь, какая она?

-Не знаю, и знать не хочу. И откуда ты знаешь, тоже знать не желаю. Тьфу, заговорился совсем, - махнул рукой Ставрос и вывел лошадь на тропу.

-Ты все видел? – Цатх помог Амадею встать.

-Да. К сожалению. Я будто провалился куда-то, и видел темноту и тени в ней. И ее видел... Едем, Цатх. Чем быстрее мы в долину спустимся, тем лучше.

Остаток пути обошелся без происшествий. Путники заночевали в небольшом городке у реки, а поутру отправились в дорогу. Проезжая через виноградники Мессены, они остановились пообедать в небольшой уютной таверне. Слуга, подававший на стол, выглядел удрученным, а из-за двери, ведущей на хозяйскую половину, доносился женский плач.

-Почтенный, что приключилось? – Спросил Ставрос. – Или кто обидел?

-Ох, и не спрашивайте, господин. Хозяйкин лучший виноградник в одночасье погиб. Пришла она, а там вместо лозы какие-то дрянные окомелки из земли торчат. Ей этот виноградник от семьи в приданое отошел, уж она так за ним ухаживала, себя не жалела, но уж и вино с него было – из самого Трискелиона за ним приезжали, и до последней бочки выкупали. А тут такая беда...

-Так его холод загубил? Или градом побило?

-Да какие холода, зима уж вышла вся. Нет, тут хогмены распрекрасные виноваты, это их рук дело. Позавидовали, себе нашу лозу забрали, а нам из-под земли свою дрянь выгнали.

Тут слугу окликнули и он, извинившись, убежал на кухню. Друзья переглянулись.

-Ну и дела... - Протянул Ставрос.

-Как сажа бела, - отозвался Амадей. – Нет, Ставрос, он тебя не обманывает и не насмехается. Хозяйка и впрямь в отчаянии, раз нас встретить не вышла. Я ее горе и отсюда слышу.

А когда слуга убирал посуду со стола, то, оглянувшись и понизив голос, сказал гостям:

-Не нам одним такое невезение. Приезжал вчера наш бакалейщик, говорит, у хозяина посудной лавки все полки разом подломились, будто подпилит их кто,

и рухнули. И горшки глиняные, и чашки фарфоровые – все вдребезги! Горе ближнего – слабое утешение, но хотя бы знаем, что не нас одних они ополчились.

-С чего же они так разлютовались? Виноградник извести – это не пирожок у ребенка украсть, - спросил Амадей.

-Не могу знать. – Слуга вздохнул. – На моей памяти такое уже было, но давненько, я еще мальцом был. Помню, матушка меня в то лето и гулять не выпускала дальше двора, потому как у соседей девочку хогмены так и увели. И играла-то она в родительской оливковой роще в полсотни деревьев, куда там спрячешься? Не нашли ее, только тряпичная кукла матери на память осталась. Хорошенькая девчушка была, кудри золотые... даже сейчас помню! Простите, господа, лишнего болтаю.

И слуга поспешил на кухню, нагруженный посудой.

Через неделю путешествия по благодатным южным долинам в воздухе пахло морем, цветами и чем-то неуловимо пряным.

-Это Влихада, - ухмыльнулся Ставрос. – Моя бесстыжая, бестолковая, обожаемая Влихада.

И пришпорил коня.

Влихада встретила их уличным гвалтом, умопомрачительными запахами жарящихся в чесночном масле улиток, воплями торговцев и женским смехом. Они ехали по извилистым улицам, направляясь к дому Тавма. Счастливый Ставрос чуть не пел; однако от Амадея не укрылось, что отдельные люди, завидев великана-гобеленщика, менялись в лице и торопливо исчезали в толпе.

Заехав в ворота, спешившись и отдав лошадей на попечение конюха, друзья вошли в дом. И тут Амадей понял – дом Тавма посетило горе. И дело не в том, что не было слышно веселого гомона служанок, не шел навстречу хозяин с радостными приветствиями, - в воздухе было разлито такое отчаяние, что даже Ставрос нахмурился и растерянно огляделся.

-Сынок. – По широкой парадной лестнице спускалась пожилая женщина в богатом домашнем платье и белоснежном чепце; госпожа Тавма не теряла достоинства ни при каких обстоятельствах. – Ты приехал. Судя по твоему лицу, ты еще ничего не знаешь. Оно и к лучшему. Я сама тебе все расскажу. Здравствуй-те, милостивые государи, добро пожаловать в дом Тавма.

-Мама! – Ставрос поцеловал ее руки и, не удержавшись, крепко обнял. – Да что такое происходит, где все? Где отец? Где Кьяра? Я хочу лично поздравить ее!..

-Поздравишь еще. – Ки Тавма держала себя в руках, но Амадей чувствовал – она растеряна и подавлена. – Пойдем в мастерскую, отец там. А вас, господа, слуга проводит в гостиную. Отдохните с дороги.

Цатх и Амадей прошли в просторную гостиную с окнами, выходящими в зазеленевший сад, уселись в удобные деревянные кресла.

-Что скажешь? – Орк вопросительно смотрел на альбиноса.

-В доме беда. Что-то случилось такое... непоправимое. Они растеряны, опечалены... Нет. Они в отчаянии.

-Тогда подождем.

Прошло около часа. В гостиную пару раз заглянул слуга, принес поднос с вином, нарезанным окороком и свежим хлебом, поставил его на стол перед гостями и, торопясь, ушел. Шеш, покинувший запястье Амадея сразу после приветствия хозяйки, вернулся, и молча устроился на привычном месте. Наконец, в комнату вошел Ставрос, бледный и сам на себя не похожий.

-Рассказывай как есть. – Просто сказал Цатх.

... А началось все с того, что Диккон, младший Вермис упустил выгодную сделку. Увлеченный своим гербарием, он просидел за ним весь день, совершенно забыв о том, что поставщик дожидается его в здании ратуши. Надо сказать, что торговец из Диккона был как скороход из дождевого червя, а вот ботаник он был действительно незаурядный, и разумному отцу стоило бы оставить юношу в университете, глядишь, со временем и кафедру бы свою основал. Но Вермис-старший имел на него другие планы и менять их не собирался. Сын должен продолжить его дело. И все тут.

Из-за этой сделки Вермисы не смогли расплатиться по векселям, проиграли еще несколько важных торгов, и благополучие их дома заметно пошатнулось. Они всеми силами скрывали это, пытались исправить дело. На одном из семейных советов мать семейства, ки Вермис, сказала:

-Сын мой, по твоей вине мы терпим такие убытки, тебе и надлежит стать нашим спасителем.

-Матушка, - ответил ей Диккон, рослый молодой человек, стать которого несколько портило безвольное, хоть и миловидное лицо, - я бы и рад, да только как это можно сделать?

-Женись выгодно, вот и вся премудрость. – Ки Вермис развернула веер из шелковых кружев. – Твоя подружка детства, Кьяра Тавма стала очень выгодной невестой. Мало того, что отец дает за ней хорошее приданое. Она еще и хозяйка патента, который озолотит ее. Или ее мужа, если он знает, с какого края братья за дело. Сам знаешь, у замужней женщины своего имущества нет, все переходит к ее супругу.

-Но матушка, Кьяра отмахивается от моих ухаживаний как мух, - растерянно протянул Диккон. – Я ей не по вкусу, это и слепой увидит.

-Разве ее склонности имеют хоть какое-то значение? – Подняла брови ки Вермис. – Такие мелочи не должны тебя интересовать, сынок!

-Пусть так, - пожал плечами Диккон, - но жениться-то я на ней должен, мы не в Шаммахе, где невесту продают тому, кто больше даст!

-И хвала богам, ибо дать мы не можем нисколько. – Удрученно буркнул Вермис-старший. – А все ты со своими цветочками.

-Помолчи, - оборвала его жена. – Цветочки нам только на пользу будут. Скажи-ка, сынок, ведь Кьяра часто обращалась к тебе, когда готовила картоны к своим гобеленам? Я помню, она чуть не каждый день к нам прибегала, и вы все какие-то альбомы рассматривали, ты ей что-то объяснял... да вы часами вместе сидели!

-Да, я помог ей разобраться с цветами, - довольно улыбаясь, ответил Диккон. – Она поначалу поздний пион от суртонской розы не отличала.

-Прекрасно. Значит, никто не посмеет сказать, что вы мало времени провели вместе. Всякому ясно, что за такими разговорами любовь сама собой зарождается. А теперь слушай меня, Диккон, и сделай все, как я скажу.

Диккон был послушным сыном. Он пригласил Кьяру посмотреть новые орхидеи, купленные им у капитана, вернувшегося из Нильгау. В вино, которым он угощал девушку, его мать предусмотрительно подмешала хорошее снотворное. В ягодный отвар, который пил сам Диккон, она добавила афродизиак – так, на всякий случай. Остальное получилось само собой: раздев Кьяру и уложив ее в свою постель, Диккон не устоял и воспользовался всем, чем только смог.

Между тем его матушка пригласила в гости десяток влиятельных влихадских дам, соблазнив их роскошным ужином и все теми же злосчастными орхидеями. Когда дамы отужинали, она повела их в комнату сына, где, по ее словам, их ожидало дивное и утонченное зрелище. Мило беседуя, обмахиваясь шелковым веером, она распахнула дверь так уверенно, будто точно знала – ничего предосудительного ее сын прятать не может и образ жизни ведет самый примерный.

-Зрелище и впрямь утонченное, - поджав губы, отметила одна из приглашенных дам, - куда там орхидеям.

Поначалу Вермисы даже не хотели отпускать Кьяру домой, понадобилось вмешательство самого Ясона Тавма, чтобы его дочь смогла покинуть их особняк. Прощаясь, дама Вермис называла ее «доченькой» и всем видом показывала, что нисколько не осуждает девушку.

Вернувшись домой, Кьяра словно окаменела. Она не плакала, не жаловалась; рассказала все матери и продолжила работать в отцовской мастерской. Но ко-

гда Диккон Вермис вырядился в пух и прах и пришел в дом Тавма со свадебным букетом, она бросилась на него с ножом, отец еле успел остановить ее.

Этим дело не закончилось. Ки Вермис, почуяв, что добыча ускользает из-под носа, перестала изображать благоволение. Она обратилась к ратману с жалобой на преступление против нравственности, призвала в свидетельницы всех дам, приглашенных на тот самый ужин, и потребовала справедливости.

«В какую пропасть мы катимся, если молодые девицы проводят ночи с юношами и после этого преспокойно расхаживают по городу, как ни в чем не бывало? Да, есть и такие, увы, однако же они не носят благородных фамилий и живут совсем в другой части города. Разумеется, если согрешившая девица пойдет замуж за виновника ее падения, то так и быть, можно закрыть глаза и проявить снисходительность. В противном же случае, господин ратман, вы просто обязаны вмешаться...» Такие речи она вела часами в сопровождении хора ревнительниц морали, и ратман не выдержал. Он приказал Кьяре Тавма явиться в суд и там высказать свою волю, со всеми вытекающими последствиями.

-Сегодня. Этот проклятый суд сегодня, через два часа. – Закончил свой рассказ Ставрос. – Боги, почему я не зашиб его в детстве...

-Идем в ратушу. – Амадей встал. – Нельзя, чтобы она видела только чужие лица.

-Согласен. – Цатх протянул руку гобеленщику. – Идем.

В центральной зале ратуши яблоку упасть негде было; еще бы, разбиралось дело об отказе от замужества, разве такое можно пропустить. За высоким столом сидели ратман, судья, попечительница Дочерей Добродетели. С правой стороны за столом пониже восседало семейство Вермис, с левой стояла Кьяра Тавма. Рядом с нею сидели отец и мать. Ставрос с друзьями протолкался в первые ряды зрителей; его узнали, по залу пополз испуганный шепот. Диккон Вермис потребовал у судьи, чтобы рядом с ним поставили стражника для охраны. Судья презрительно сморщился, но стражника призвал.

Ратман с явной неохотой встал и зачитал обращение семьи Вермис.

-Это, безусловно, очень странный случай, - добавил он. – Обычно к нам обращаются с жалобами на мужчин, нарушающих обещание жениться, но никак не на девиц, отказывающихся идти замуж. Ведь как водится? Кавалер еще только собирается пригласить ее на танец, а она уже и платье свадебное сшила, и имена детям придумала.

Зрители засмеялись.

-Однако прецедент имеется, и мне не хотелось бы, чтобы он повторялся. Честь благородной девушки – предмет возвышенный и обесцениваться не дол-

жен. Кьяра Тавма, я прошу вас, взвесив каждое слово, ответить мне и всем собравшимся – согласны ли вы стать законной супругой Диккона Вермис? Не спешите. В случае согласия вы вернетесь домой, родители примут от вашего имени предложение семьи Вермис, вы отпразднуете свадьбу и войдете в дом своего супруга. Ваша честь при этом несколько не пострадает, напротив, я думаю, что вы войдете в историю как необыкновенно гордая и упрямая девица, испытывающая чувства своего жениха. О вас еще песни сложат, помяните мое слово.

Ратман отечески увещевал Кьяру; было видно, что он искренне озабочен ее судьбой, что ему неприятна вся эта процедура – но избежать ее он не может.

-Если же вы, паче чаяния, откажете Диккону, то увы, ваше доброе имя будет уничтожено. Вы не сможете вернуться домой...

-Не смейте распоряжаться в моем доме! – Ясон Тавма встал, отшвырнув тяжелый деревянный стул как перышко. Он был бледен, под глазами залегли темные круги, лицо осунулось. Но решительности в нем хватило бы на пятерых.

-Никто не вправе запретить мне принять мою дочь! Она вернется домой, даже если вы докажете, что она грешила с десятком мужчин!

-Ка Тавма, не забываете, что у вас есть еще и сын. – С притворным сочувствием подала голос ки Вермис. – Малая толика грязи легко запачкает весь дом, если занести ее с улицы.

-Уж ты-то про грязь все знаешь, - прорычал Ставрос. – Эй, Диккон!

Все обернулись на его зычный голос.

-Надеешься, стражника к тебе навсегда приставили? Да я тебя на куски разорву!..

Цатх предусмотрительно положил тяжелую руку на плечо гобеленщика.

-Соблюдайте порядок! – Воззвал ратман. – Тишина! Ка Тавма, ваша воля – принимать или нет в своем доме дочь. Однако боюсь, что двери всех остальных домов для нее будут закрыты. Кьяра, я прошу вас – подумайте и отвечайте.

В зале стало тихо; все смотрели на стоящую против света Кьяру. Солнечные лучи согревали ее волосы цвета гречишного меда, тонкие пряди, выбившиеся из уложенных на голове кос, вспыхивали как золотые. Девушка стояла, сжав руки, опустив голову.

-Никто и никогда не посмеет сказать, что имя дома Тавма опорочено. – Кьяра подняла лицо – оно выглядело спокойным, только чуть сильнее, чем нужно для настоящего спокойствия, были сжаты побледневшие губы девушки. – И поэтому сегодня я отказываю всем.

Ратман непонимающе приподнял бровь.

-Я отказываю Диккону Вермис, ибо лучше умереть, чем быть замужем за подлым червяком.

-Молодец! Так его! – Выкрикнули из одобрительно зашумевшей толпы.

-И я отказываюсь от имени Тавма. Я больше не принадлежу этому дому, и мой позор ничем ему не повредит. Отныне я сама по себе, и никто мне не хозяин и не судья.

Ясон Тавма медленно отступил назад; его жена, прижав ладонь к губам, тщетно пыталась удержаться от слез.

-Ка Тавма, - помедлив, обратился ратман к гобеленщику, - чтобы не возвращаться к этому вопросу и пользуясь таким количеством свидетелей, я спрашиваю вас – подтверждаете ли сейчас право на патент, который вы закрепили за своей дочерью, за этой молодой особой?

-Да. – Ясон пристально смотрел на дочь. – Подтверждаю.

-Прекрасно. – Ратман перевел дух. – Хотя бы одно согласие на сегодня. Молодая особа, вам все же понадобится имя взамен утраченного. Кьяры Тавма более нет. Как прикажете вас именовать?

Кьяра обернулась и взглянула на отца. «Я люблю тебя, и никто мне этого не запретит», - говорили ее глаза. «Ты моя дочь, - читалось в ответном взгляде, - делай, что задумала».

-Мильфлер. – Звонким, твердым голосом произнесла девушка. – Я беру себе это имя, означающее – «Тысяча цветов». Одно имя для меня и моих гобеленов, с вашего позволения, господин ратман. Во избежание путаницы, - тут она смогла даже улыбнуться.

-Достойно. – Ратман склонил голову. – Госпожа Мильфлер, ваше решение принято и одобрено мною. У кого-нибудь есть возражения?

Судья, восхищенно наблюдавший за девушкой, только махнул рукой; попечительница пожала плечами и спорить не стала.

-Собрание закончено и закрыто.

С этими словами ратман вышел из-за стола и направился в боковую дверь, ведущую в его личные покои. Зрители, пошумев, стали разбредаться. На семью Вермис было жалко смотреть: Диккон сидел с видом осла, который задумался о непостижимых тайнах бытия, его отец, потемнев лицом, что-то шипел ему на ухо. И только мать семейства не сдавалась до конца.

-Не очень-то радуйся! – Она встала и ткнула сложенным веером в сторону девушки. – С такой дурной славой тебе придется долго дожидаться достойных заказов! Никому твои коврики не нужны, потаскушка! Просидишь за пустым станком до смерти!

Девушка вздрогнула, будто ее ударили. Ратман остановился, осуждающе глядя на неудавшуюся свекровь, попечительница же сочла нужным вмешаться, хотя до этого демонстрировала свое презрение к мирским суетным делам.

-Девушка всегда может найти приют у Дочерей Добродетели! Двери наших убежищ открыты для всех, и она не исключение. – Она стояла, гордо выпрямив спину, прямая и сухая как палка, и как палка способная на утешение.

-Да лучше в канаве сдохнуть, чем в ваш приют попасть, - тихо сказал кто-то рядом с Амадеем. И тот почувствовал, что момент настал и упускать его нельзя.

-Госпожа Мильфлер!

Стоявшие рядом с удивлением оглядывали Амадея – что за чужак и какое ему дело? А та, что еще совсем недавно была Кьярой Тавма, всмотрелась в лицо позвавшего ее юноши и засмеялась, и замахала ему рукой. Будто повстречались они посреди веселой ярмарочной толпы или на празднике, и не отказалась она только что от всей своей прежней жизни.

-Госпожа Мильфлер, - повторил Амадей, подходя к девушке и кланяясь ей. – От имени принца Дионина я имею честь пригласить вас в Трискелион, во дворец, - тут он достал из-за пазухи одну из грамот, данных принцем, - дабы служить его высочеству. Если вы согласны, я впишу сюда ваше имя. И вы станете лучшим декоратором, какого только знала столица.

-Мессер Амадей, – Мильфлер сделала изящный реверанс, - я весьма польщена вашим предложением. И я отвечу вам – да. Я согласна.

-На два отказа – два согласия, - под нос себе пробормотал ратман. – Гармония восстановлена.

И он вернулся к центральному столу, чтобы засвидетельствовать, как Амадей вписывает имя Кьяры Мильфлер в грамоту.

После очень долгого вечера в доме Тавма, куда все вернулись из ратуши, Амадей с удовольствием выпался, а утром пошел было прогуляться в город в одиночку, но был настигнут Цатхом.

-Одному не советую.

-Понял. Тогда пошли вместе.

Они прошли через рынок, обошли главную площадь, и направились было в сторону порта. Но тут их внимание привлекли самым бесцеремонным образом.

-Ораха! Чтобы ноги твоей здесь не было!

Из высоких, изукрашенных резьбой дверей храма пулей вылетел высокий тощий парень, явно ускоренный чьей-то ногой. Вслед ему вылетели флейта, лютня и странная металлическая штука, похожая на две сложенных сковороды

с круглым дном. Ударившись о мостовую, штука обиженно загудела. Парень же, вскочив на ноги, яростно завопил в ответ:

-Ты звучишь как коровья задница! И весь твой хор – одни коровьи задницы!

А потом повернулся к двери спиной, наклонился и весьма оскорбительно изобразил вокальные возможности оппонента. Затем подобрал с земли свои инструменты, и нога за ногу побрел восвояси.

-Кажется, я нашел своего музыканта, - счастливым голосом проговорил Амадей сквозь смех. – Цатх, он не должен уйти.

-Как скажешь, - кивнул орк.

Они легко нагнали парня – он завернул в первый же трактир. Сев поодаль, Амадей рассмотрел изгнанника – немногим старше его самого, с пепельными волосами и синими глазами, с родинкой над губой, делающей выражение его рта поневоле скептическим. Парень, не обращая внимания на поданное вино, внимательно осматривал свои инструменты. А Амадей смотрел на него и всем своим существом ощущал музыку – музыку, в которой купался и которую прямо-таки излучал Ораха. Для него музыкой было все – люди, камни, ветер, вода, свет, тень, само время...

Амадей подошел к столу музыканта, сел напротив.

-Мы знакомы? – Удивленно воззрился тот. – Вряд ли... я бы помнил.

-Я Амадей, служу принцу Дионину.

-А я Ораха, не служу никому. Потому как отовсюду меня выгнали. Поверишь ли, из трех храмов, из пяти театров – отовсюду выгнали! А за что, спрашивается? Разве это я виноват в том, что хористы у них безголосые, инструменты расстроены, а в музыке они смыслят чуть больше чем дохлые рыбы!

-А звучат как коровьи задницы, - сочувственно кивнул Амадей. – Во дворце ты приживешься, в этом я уверен. Ораха, ты сочиняешь и исполняешь музыку?

-А еще дышу. – Усмехнулся парень. – Больше ничего и не умею.

-Сыграешь мне?

-Сыграю. – Ораха остро глянул на странного собеседника, хмыкнул, потянулся было к флейте, но передумал. Вместо флейты он взял ту странную металлическую штуквину, положил себе на колени и начал играть.

Инструмент откликнулся на прикосновения звуками, которых Амадей раньше не слышал: гулкие и нежные одновременно, глухие и звонкие попеременно, отрывистые и протяжные. Ладони Орахи порхали над выпуклой половиной инструмента, отмеченной несколькими вмятинами разной формы и размера. Постепенно то, что поначалу показалось лишь ритмом, обернулось напевом, не уступающим флейтовому, и мелодия поплыла в воздухе, оборачиваясь вокруг слушателя белым шелковым коконом. Амадей слышал в ней голоса облаков,

шепот снег, переходящий в говор ручья, бегущего сам не знает куда, дыхание леса – и одинокий женский голос, окликающий издалека.

-Ты сыграл меня, так ведь? – Тихо спросил Амадей музыканта, когда тот остановился.

-Куда мне. Только то, каким я тебя вижу, - смущенно ответил Ораха.

-Поехали со мной. – Сомнений у Амадея не оставалось. – Я хочу, чтобы ты был моим музыкантом. Я буду мастером ритуалов. Декоратор у меня есть, а музыканта нет. Поедешь?

-Выгонят, - махнул рукой парень, потянувшись к стакану. – Меня всегда выгоняют.

-Не выгонят, если только сам не захочешь уйти. Ну что, поедешь?

-А вот возьму и поеду. – Ораха залпом выпил все вино. – Здесь мне делать нечего. Может, хоть в столице не все глухие.

-Как на подбор. – Цатх посмотрел на троих своих спутников, оскалив клыки в добродушной усмешке.

Ставрос оставался во Влихаде, дома он был нужнее, чем в столичной мастерской. Его сестра потратила на сборы не многим более часа, приведя в отчаяние служанок; у Орахи все движимое имущество было при себе, Амадей даже не успел разобрать седельные сумки. Проведя во Влихаде полтора дня, они собрались восвояси.

-Мессер Амадей, - Ясон Тавма понимал, что чем быстрее исчезнет его дочь из города, тем быстрее забудется вся эта скверная история, и тем легче жизнь вернется в прежнюю колею, но отпустить ее оказалось тяжелее, чем он думал, – вы Влихады так и не увидели. Очень жаль, она совсем иная, чем вам кажется сейчас. Скоро зацветут сады, и город станет сказкой... вам просто необходимо это увидеть!

-Ка Тавма, будет еще весна, - Амадей пожал протянутую руку гобеленщика. – Мы вернемся. И вы покажете мне вашу Влихаду, цветущую и прекрасную. А сейчас нам стоит уехать.

Они сердечно попрощались с семейством Тавма и покинули город, унося на спинах не один десяток любопытных взглядов.

-Как нарочно подобрались, - повторил Цатх.

-Так и есть, - отозвался Амадей. – Отвергнутые семьями, брошенные дети. У нас есть только имена, за силой домов нам не получится спрятаться. Зато сами по себе, свои собственные.

-А я семьи и не знал никогда, - спокойно сказал Ораха. – Я подкидыш, меня Дочери Добродетели вырастили. Удрал от них в двенадцать, когда одна поч-

тенная мать мою дудочку в печку бросила. Я ее сзади горшком огрел, ключи из-за пазухи достал и поминай как звали.

-Семья меня не отвергала, - возразила Кьяра, прищпорив коня и догнав мужчин. – И напрасно вы все норовите оставить меня в сторонке. Что, думаете, я слезами обливаться начну и руки заламывать? Бросьте, парни, я не для этого родной дом покинула. Рыдать лучше на мягкой кровати, на шелковых подушках. А верхом не порыдаешь особо, еще лошадь испугается. Лучше скажите, когда мы на ночлег остановимся, скоро последние влихадские пригороды закончатся, а с ними и постоянные дворы. Я угощаю, - и подмигнула Амадею.

Вняв совету девушки, путники в скором времени остановились во дворе весьма почтенного на вид дома, быстро договорились с хозяином о ночлеге и со всеми удобствами устроились в зале, ожидая ужина. Они сидели за столом, переговариваясь, подшучивая друг над другом, Ораха уже что-то брэнчал на лютне. Цатх смотрел на них, гадая, что скажет королева о выборе Амадея. Молодые, даровитые, кусачие и покусанные, открытые всем ветрам, готовые заново творить свою историю – таких либо гнать взащей, либо принимать как подарок.

-Выпьем! – Кьяра подняла полный бокал, оглядывая спутников блестящими, обманчиво веселыми глазами. – Кто не допьет, тот сопливый младенец.

Вызов был принят, и Ораха, и Амадей наперегонки стучали пустыми бокалами о стол. Цатх покачал головой – девицу-то он до кровати донесет, а вот парни пусть ночуют там, где упадут. Ишь, как вино хлещут. А впрочем, почему нет? Он им в няньки не нанимался. И орк, не обратив внимания на стакан, принялся пить прямо из кувшина. Вино было и впрямь хорошим, хоть и сладким.

-Тяжеленный-то какой! – Пожаловалась Кьяра, которой досталась левая нога Цатха. Правую нес Ораха, Амадей держал орка за плечи. Втроем они с трудом приподняли мертвецки пьяного спутника с пола, и, поминутно роняя, поволокли его в комнату. Дотащив Цатха до кровати, они, охая и переругиваясь, смогли уложить его и даже стянули с него сапоги. Девушка заботливо укрыла орка одеялом и поставила у изголовья кувшин с водой.

-Ставро с перепою чуть не ведро воды выпивал, - сообщила она. – Ну что, хватит на сегодня? Должен же кто-то сохранить трезвый взгляд, - и она звонко икнула.

-Хватит, - подтвердил Ораха, пересчитывая пальцы на руках. – Я с таким количеством пальцев играть не смогу.

Они разбрелись по комнатам, и, уже засыпая, Амадей хватился, что Шеша на привычном месте не было. Юноша с трудом поднял голову с подушки.

-Сспи. – Змей приблизил свою голову к его лицу. – Я посстерегу. Сспи, вссе хорошшо.

Глава одиннадцатая, в которой Кьяра покупает весьма дорогую вещь

До памятного перевала они добрались без приключений и разговоров; Ораха пребывал в своем собственном мире, где слова были не нужны, Амадею было о чем поразмыслить, Кьяре Мильфлер тоже, а орк был попросту неразговорчив.

Через перевал, где им пришлось пережить несколько неприятных часов, Цатх и Амадей решили не ехать; лучше провести несколько лишних дней в пути, чем еще раз оказаться рядом с Матушкой Порчей. На вопрос спутницы, чем им настолько не угодила короткая дорога через горы, что они тащатся в объезд, они отговорились чем-то вроде «тропу размыло, не стоит рисковать».

Воспользовавшись тем, что спутники уже достаточно опередили их, Амадей подъехал к Кьяре, которая явно не торопилась и чуть ли не придерживала поводья.

-Послушай, я еще вчера хотел спросить тебя... Ты так простилась с братом, что он потом тебе вслед как побитый пес глядел. А ведь ты не хуже меня знаешь, что Ставрос гордится тобой, и любит тебя. Тебе не кажется...

-Не кажется. – Отрезала девушка. – Лучше бы он уважал меня и ценил, как равную. Чтоб ты знал, я за него перед родителями с двенадцати лет отвираюсь! Одну половину его подружек в своей комнате прятала, а вторую через черный ход выпроваживала! А уж сколько раз он через мое окно домой возвращался, и не сосчитать. Кобель. – Припечатала Кьяра и ненадолго замолчала.

-И после всего этого он вздумал мне мораль читать! - Не выдержав, взорвалась она. - Мол, как я могла быть такой дурой, чтобы одной в дом к Вермисам ходить. А еще сказал, что я могла бы и не устраивать представлений, выйти за Диккона и прибрать его к рукам еще до того, как свадебные колокола отзвонят. И вить из него – ну, не веревки, но уж шнурки точно!

-И жила бы себе преспокойно, делала, что вздумается - замужним-то дамам много что с рук сходит, не то что девицам на выданье... муж бы тебе в рот заглядывал, а его мамаша и дорогу к твоему дому забыла, уж об этом бы мы позаботились, - проговорил Амадей, понимая, что ничего более умного Ставрос сказать не мог.

-Вот-вот, слово в слово. – Скривилась девушка.

-А чего ты ждала, скажи на милость? Я знаю Ставроса вполнину меньше твоего, но чтобы он философски принял скандал, в который ты впутала дом Тавма – не фыркай, так оно и есть, - вот на это я бы уж точно не рассчитывал.

Кьяра с деланным безразличием пожала плечами.

-Ну и наплевать.

-На что именно? – Амадей ехал рядом с девушкой, глядя куда-то вдаль. – Не спеши с ответом. Дорога займет самое малое две недели, так что у тебя есть

время на все мысли, что ты не успела подумать после того, как вышла из ратуши.

-Я боюсь их думать. – Тихо ответила Кьяра. – Все это кажется мне дурным сном. Даже ты. И надо только еще немного потерпеть, и я проснусь в своей кровати... мама войдет ко мне, по обыкновению выговаривая за брошенное платье, растворит ставни. Я встану, обниму ее, выгляну в окно - посмотреть погоду - и увижу, как по улице несут даму Вермис в гробу.

-Хорошее начало дня. – Амадей присмотрелся к спутнице – прежде он не чувствовал такой обиды, видимо, была спрятана слишком глубоко.

-А ты что же, ждешь от меня веселых дорожных песенок? Ты всю мою жизнь спутал одним рывком, как негодные нитки! – В голосе Кьяры звенели обида, недоумение и недовольство. – Явился как хогмен из сказки – весь из себя, да еще и с королевской грамотой, раз-два и готово! Госпожа Мильфлер, извольте пожаловать во дворец. Выдернул меня как нитку из основы, я и пикнуть не успела...

Амадей крепко взялся за луку седла Кьяры и наклонился к девушке так близко, что мог пересчитать едва заметные веснушки на ее скулах.

-Так может, мне отправить тебя обратно домой? Чтобы ты как следует насладилась сочувствием ближних, как перепелка на вертеле – медленным огнем? Будешь ныть и жаловаться – я так и сделаю, Кьяра Мильфлер, и отправлюсь искать себе другого декоратора.

Девушка растерянно молчала, глядя в темно-красные, злые глаза альбиноса, остановившиеся прямо напротив ее собственных.

-Ты сама, еще до моего предложения отказалась от своего имени. Эту нитку ты сама выдернула. Мне осталось только подобрать ее с пола, куда ты ее уронила. Я умею видеть в грязи, все-таки сын старьевщика. – Напомнил Амадей, отстраняясь. – Вот что, Кьяра. Сделай милость – передумай все свои плохие мысли до того, как мы въедем в Трискелион. Столица кислых физиономий не любит. Где твой кураж? С таким настроем надо было за Вермиса замуж идти. Верни мне ту, которая хотела танцевать со зверями в лесу. Да поскорее.

Амадей пришпорил коня и оправился догонять опередивших его спутников, оставив Кьяру в одиночестве. Однако уже через пару часов она поравнялась с ними и более не отставала.

Они провели в пути уже неделю. С каждым днем весна все смелее шагала по земле; она забирала часы у ночи и отдавала их дню, хватала серые тряпки туч, протирала ими небо и отшвыривала прочь, суровым гребнем расчесывала древесные кроны до первых брызг зеленой крови, вышептывала из-под земли молодую траву. А в ледяном флаконе у нее за пазухой дожидался своего часа

сладкий яд, собранный по капле неведомо где; она выльет его во все колодцы и источники на исходе апреля, чтобы всякий живой в мире обезумел от стука своего сердца и заметался в поисках такого же шалого существа.

Ветер теплел с каждым часом, небо разворачивалось свитком темно-голубого бархата, и на пригорках уже трепетали от собственной дерзости цветы, которые Кьяра называла слезами зимы, а Ораха – лепестки-леденцы. Дорога вводила их вглубь острова, дальше от побережья, вдоль гор.

Амадею без видимых причин с утра было не по себе; едва дотянув до полудня, он понял, что более не в силах делать вид, что ничего не происходит. Пристав на стремянах, он раскинул руки, вдохнул полной грудью, открыл глаза по-настоящему и посмотрел в сердце мира – и чуть не захлебнулся от тревоги, плеснувшей ему в лицо порывом горького ветра.

-Остановимся. – Он натянул поводья, не слушая возражений спутников.

-Амадей, самое большее через час мы будем в Каппио, - Кьяра не спешила спускаться с лошади. – Городок на три десятка домов, но уж лучше жесткие стулья в их харчевне, чем камни у дороги.

-Нам не надо в Каппио, - ответил Амадей, оглядывая спутников, - как хотите, только не туда.

-А чем он тебе не глянулся? – Удивилась девушка. – Захолустье, конечно, но мы туда не навек собираемся.

-Что, опять? – Цатх подъехал ближе к Амадею.

-Вроде того. – Ответил тот. – Не так сильно, но как посмотрю в ту сторону - так меня с души воротит. Найдем обходной путь?

-Почему нет. - Орк тронул коня. – За мной.

Они свернули с дороги в сторону, намереваясь проехать через поля и лес, и обогнуть город, не приближаясь к нему, не ступая на его землю. Спустя несколько часов пути тропа вывела их из леса к оливковой роще, за которой вновь показалась дорога, будто только их и поджидавшая. Однако через полчаса пути Амадей вновь остановился.

-Мы здесь уже были. Тут деревья даже для олив старые, я их запомнил. Цатх, похоже, мы вернулись туда, откуда свернули.

Вместо ответа орк подъехал к Кьяре, выдернул белую ленточку, протеревшую через прорези в ее рукаве, и повязал на ветку, повыше. Потом он повернул коня и направил его вспять, в сторону моря. Спутники последовали за ним, поторапливаясь и не рассуждая. Еще пара часов галопом по дороге, а потом – по невесть откуда взявшейся тропе, путающейся под ногами и уводящей в поля, рысью по редколесью, шагом между крупными валунами, последний поворот – и вот они, подуставшие и растерянные, оглядывают все ту же рощу вековых

деревьев с серой морщинистой корой. В сгустившихся сумерках было еще видно, что на одной из веток повязана белая ленточка, и ветер треплет ее почем зря.

-Ходим кругами. – Цатх покачал головой. – Амадей?

-А я что? Может, попробуем запутать следы?

-Так ведь за нами не следят. – Подал голос Ораха. – Тут никого кроме нас, даже птиц не слышно, а они в это время поют как нанятые. От кого убегаем-то?

-От беды. – Цатх озадаченно нахмурился. – Амадей?

-Да не знаю я, что делать!

-А твой приятель?

-Он спит. - Амадей опустил голову. – Боюсь, на этот раз он прозевал момент, и толку от него в этот раз не будет. Так что решаем сами.

И тут же, без предупреждений, будто боясь, что еще неосознанное намерение может быть услышано, юноша поднял своего коня на дыбы, разворачивая его, и вонзил шпоры в черные бока. Он помчал, не разбирая дороги, поминутно поворачивая то вправо, то влево, прижимаясь к жесткой гриве – а за ним скакали его спутники, пытаясь не упустить альбиноса из виду. Они походили на потревоженную стайку птиц, взлетевших с дерева и мечущихся по небу в поисках спасения.

Но что неспешный шаг, что отчаянное бегство – все оказалось без разницы и без результата. Дорога вновь свернулась в невозможный узел и обернулась сама против себя. Взмыленные, хрипящие кони вынесли четверых всадников уже в ночь, все к тем же старым оливам, и Кьяра дрожащей рукой отвязала свою ленточку с дерева.

-Ну все. – Ораха мешком сполз с коня. – Как хотите, мне выдохнуть надо.

Он уселся прямо на землю, открыл флягу и глотал воду, дергая кадыком. Напившись, он вытер лицо рукавом и с тихим вздохом вытянулся на каменистой земле. Остальные также спешили, чтобы перевести дух.

-Не вышло. – Цатх раздраженно блеснул клыками.

Амадей глотнул из фляги, прикрыл глаза.

-Ага. Похоже, здесь для нас оставили только одну дорогу. И ведет она как раз туда, куда идти не стоит.

-Вы двое знаете явно больше, чем мы, - подал с земли голос музыкант. - Может, поделитесь?

-Я предпочел бы поделиться с вами чем-то лучшим, - ответил Амадей. – А придется вместе ехать в дурное место. Я, знаешь ли, их издали чувствую. В прошлый раз мне удалось удрать, а сейчас не выйдет.

-Может, переночуем здесь? – Спросила Кьяра. – А поутру отправимся в Каппио... уж не знаю, за что ты его дурным местом назвал.

-Идет. Я туда на ночь глядя не поеду. – Кивнул Амадей. – Устроимся за валунами, с подветренной стороны.

Они расседлали лошадей, и Цатх отвел их к ручью, напиться; сложили из камней очаг и соорудили из веток и плащей навес от ночного ветра. Кьяра пошарила в котомках и попыталась сложить собранную снедь в подобие ужина. И только когда все уселись рядом с весело горевшим костерком, то почувствовали, что устали до дрожи в ногах. Удивительно, но как только они смирились с тем, что придется ехать в Каппио, их будто оставили в покое, прекратили изводить тягостной тоской, и никому даже не пришло в голову, что подобная умиротворенность сродни той, что испытывают приговоренные к казни – все определено и скоро закончится.

Ораха, едва успев прожевать свой кусок хлеба с сыром, прикорнул на земле и тут же тихо засопел. Кьяра клевала носом, Амадей поминутно протирает глаза; и только Цатх невозмутимо смотрел на огонь, пошевеливая длинной веткой угольки.

-Спите, - наконец сжалился он. – Толку от вас...

Совести у его спутников было небогато, и они не преминули воспользоваться орочьей добротой.

Проснулись все еще засветло, на голой земле не очень-то разоспишься; наскоро прожевали остатки ужина, запивая его водой из фляги Цатха, и, не особо торопясь, направились в сторону Каппио.

Городок уютно устроился в излучине небольшой реки, бегущей с гор; три десятка домиков вели хоровод вокруг колокольни, особняк здешнего нобилия грелся на возвышении, окруженный садом. Остатки крепостной стены, некогда защищавшей Каппио от алчных соседей, наполовину были разобраны жителями, наполовину попросту осыпались. Затянутые плющом, выщербленные руины могли разве что дать приют козопасу в жаркий полдень, или стать местом детских игр. Поравнявшись с этой зримой границей города, путники остановились. До города они доехали спокойно, не вспоминая о том, как их сюда привели, но теперь остановились, переглядываясь в нерешительности.

-Тихо как, - покачала головой Кьяра, - как на кладбище. И воздух нездоровый.

-Кьяра! – Оборвал ее Амадей. – Выбирай слова. Тем более здесь.

-Ну, не так уж и тихо, - пожал плечами Ораха. – Я слышу шаги, и плеск воды, и прочие звуки маленького города, вот только разговоров не слышу совсем. И еще... что-то постукивает, ровно так, звонко, будто козочка копытцами... - И он поцокал языком, обозначая ритм, слышимый только ему одному.

-И что это может быть? – Кьяра озадаченно посмотрела на музыканта.

-Откуда мне знать, - пожал тот плечами.

-Надо ехать. – Цатх оглядел спутников. – Держитесь рядом.

И стоило им двинуться в сторону городка, как та сила, что привела их против воли, вновь дала о себе знать. Да так, что им пришлось изо всех сил сдерживать коней, чтобы не влететь в Каппио лихим галопом. Первого жителя они увидели, когда проезжали через уже вскопанные огороды, тянущиеся полосой вдоль остатков южной стены.

-Эй, любезный!.. – И Амадей подавился своим голосом.

Горожанин, по всей видимости, огородник, таскал воду из колодца, расположенного неподалеку. И все бы ничего, но воды он натаскал столько, что грядки превратилась в болото, а он, не замечая того, что бродит уже по щиколотку в грязи, выливал очередное ведро в земляную жижу. Путники постарались объехать его стороной – выглядел огородник не лучшим образом; насквозь промокший, чуть ли не мхом поросший, с безумными вытаращенными глазами и очень уж серым лицом. И запах, окружавший его, не внушал доверия – так пахнет стоячее болото, в которое забрела корова, да там и околела.

-Он мертв, - Цатх сплюнул. – Недели две.

-Как мертв? – Кьяра ахнула. – Он же ходит, вы что?

-Для этого необязательно быть живым. – Амадей усмехнулся через силу. – Сама посмотри. У живых таких лиц не бывает.

Мертвец добрал до колодца, опустил ведро за водой, потянул его наверх; он не обращал ни малейшего внимания на всадников. Полностью поглощенный своей работой, он не представлял для них опасности, разве что лошади забрызгали себе бока разведенной им грязью. Они продолжили свой путь, даже не обсуждая возможность свернуть и оказаться где-нибудь подальше; яснее ясного было, что так просто их не отпустят.

Следующий встреченный ими горожанин подрезал виноградник; дело нехитрое, хотя и требующее известной сноровки: резать не торопясь, не сплющивая лозу, не слишком укорачивать плечи, на которые придется по осени вся тяжесть гроздьев – ну, и еще соблюсти кое-какие правила. Если сделать все это один раз и оставить виноградник в покое до подвязки перед обильными апрельскими дождями – жди хорошего урожая. А если повторять обрезку раз за разом... и про урожай, и про сам виноградник можно забыть. Горожанин, такой же серолицый и отвратительно пахнувший даже на расстоянии, медленно, лениво кромсал кривым ножом ни в чем не повинную лозу.

-Что он будет резать, когда закончит с этими пеньками? – Ораха подстегнул лошадь. – Поехали быстрее, что ли.

-А зачем? - Кьяра старалась держаться поближе к Цатху. – Хочешь полюбоваться на остальных горожан? Кажется, они тут все на одно лицо...

Она оказалась права. Во всем Каппио не оказалось ни одной живой души. При этом каждый был на месте и занят своими делами – но уж лучше бы они спокойно лежали в земле. Даже верховым всадникам вскоре стало тошно; Кьяра обернула лицо полотняным платком, Ораха прижимал к носу полу плаща. Тяжелый гнилостный запах висел над домами подобно отравленному облаку, стелился по улицам как туман с малярийных болот. На новоприбывших мертвецы не обращали никакого внимания, поэтому первоначальная оторопь вскоре сменилась тоской и отвращением. Бывшие горожане двигались медленно, как заводные куклы, у которых ослабела пружина, их мертвые лица были похожи на выжатые серые тряпки. Старик в длинном холщовом фартуке подметал улицу перед своей лавочкой, и его метла уже процарапала в утопанной земле канавку; хозяйка трактира носила туда-сюда кувшин и стаканы на подносе – удивительно, до сих пор целые. В одном из домов, куда Амадей рискнул заглянуть (но тут же выскочил, зажимая рот ладонью), семейство сидело за столом и ужинало из давно пустых мисок, запихивая обгрызенные ложки в гнилые рты...

День выдался ясный, солнце улыбалось с небес, ранняя трава уже пробилась сквозь пожухлую старую, зеленея нежной отвагой. Каппио оказался уютным, спокойным городком, в такие обычно отправляют незаконнорожденных детей наполовину знатной, наполовину красивой крови, чтобы они росли там, не зная горя и забот, выпавших на долю одного из родителей.

И на фоне этого благоденствия, будто отвратительные насекомые по девичьей вышивке, ползали мертвые горожане; один из них заставил коня Кьяры шархнуться, а саму ее взвизгнуть не своим голосом. Этот человек, бывший при жизни плотником, не так давно взялся сколачивать помост для выступлений артистов, которые обязательно приедут на весеннюю ярмарку. Он почти успел закончить свою работу, до того, как стал перебирать доски в бесконечных поисках нужной. Когда притянутые насильно в городок путники выехали на площадь, он стоял неподвижно, изредка поматывая головой как спящая лошадь. Казалось, он устал от такого нелепого посмертия и желает лишь поскорее рассыпаться в прах. Своей неподвижностью он отличался от большинства горожан, делающих свое дело с методичностью механизмов; казалось, он противился силе, управляющей здесь всем, будто гвоздь, попавший в шестеренки. И вдруг его затрясло, он схватился за молоток и, размахнувшись, что есть сил грохнул им по помосту – да так, что расколол доску. Вот тут-то Кьяра и завизжала; после тягостной вязкой тишины удар прозвучал вдвойне устрашающе. Однако этим все и закончилось; плотник, выронив молоток из внезапно осла-

бевшей руки, принялся бестолково примерять доски, не решаясь выбрать нужную.

Они проехали городок насквозь, не испытывая желания задержаться; все увиденное или заставляло тяжело дышать, подавляя отвращение, или нагоняло тоску. Оказавшись возле осыпающейся стены, на которую вылезли погреться ящерицы, путники посоветовались и направились по дороге, выводящей из города – без особой надежды. Однако не прошло и пяти минут, как стало ясно, что она каким-то неведомым образом извернулась, и теперь ведет их напрямик в город.

-Попробуем еще раз? – Кьяра повернула коня. – Следите внимательно, где мы сворачиваем не туда?!

-Да тут хоть обсмотришься, - Ораха сжал губы так, что его скептическая родинка почти исчезла, - толку-то?!

И все же они попытались еще раз. И еще. И только когда Кьяра, уже открыто всхлипывая, направилась на дорогу из города в пятый раз, Амадей преградил ей путь. Он подъехал к девушке, осторожно вынул поводья из судорожно стиснутых рук и протянул ей почти пустую флягу с водой.

-Не реви. А то домой отправлю.

-Может, нам стоит наведаться туда? – Ораха указал на стоящий в пределах городской стены на небольшом холме дом, окруженный садом. – Тот стук... он все так же доносится оттуда. Что, никто кроме меня не слышит? Вот ведь тугоухие.

-А что? Поехали, посмотрим поближе. – И Амадей, не выпуская поводья коня Кьяры, направился по тропе вверх.

Подъехав ближе, они спешили и подошли к распахнутым высоким дверям; теперь уже все слышали легкий перестук, доносящийся из глубины дома. За порогом их ждали полумрак, воздух затхлый – но не столь тошнотворный, как в других домах, - и широкий коридор, из которого арочный проем вел в залу, и заканчивающийся лестницей на второй этаж.

-Идем? – Амадей вошел в дом первым. – Чтоб вам не так страшно было – мне здесь тоже тошно, но кроме смерти я чувствую еще что-то, и это не отвращает меня.

Вместо ответа Цатх отодвинул его себе за спину и направился к арке, занавешенной тяжелой портьерой.

Большая круглая зала была щедро освещена весенним солнцем; оно лилось в высокие окна, согревало серый камень пола, расцветивало поблекшие фрески золотыми полосами. Посреди залы на раскладном деревянном кресле сидела девушка: и при жизни она не отличалась красотой, и будто мало было природе

того, что она поскупилась на правильные черты для ее лица, так она еще и наградила ее горбом – не столь большим, чтобы помешать девушке ходить без костыля, но достаточно заметным, чтобы навсегда сделать ее несчастной. Единственное, чем девушка не была обижена, так это волосами – они ниспадали до полу тяжелыми локонами цвета черного золота. Наряд ее был изящен без излишеств, и ясно давал понять, что семья горбуны привычно зажиточна и родовита, и не кричит об этом на каждом углу. Пояс, украшенный серебряными литыми маргаритками, дважды обвивал ее тонкую талию, а поверх голубого верхнего платья была накинута кружевная пелерина необычайно тонкой работы – будто перья белоснежных птиц осыпали угловатые плечи девушки.

Вокруг хозяйки дома были аккуратно расставлены несколько деревянных высоких козел, служащих подставками для подушек-валиков разных размеров, а также несколько плетеных корзин. Девушка не обратила на вошедших ни малейшего внимания; она всецело была поглощена своим занятием. Перед ней стояла самая большая подставка с огромной плоской подушкой, на которой было закреплено кружевное покрывало. Ее тонкие, проворные пальцы втыкали и выдергивали бесчисленные булавки, и плели вокруг них кружево из белых нитей так быстро, что казалось, что у девушки по десять пальцев на каждой руке; в руках мастерицы покачивались, издавая тот самый звонкий стук точеные, длинные, тонкие катушки. Но лицо ее было землисто-серым, а глаза напоминали рыбью чешую: кружевница была мертва, как и все люди в Каппио.

Кьяра, увидев, наконец, что-то понятное только ей одной, набралась храбрости и подошла поближе. Она встала по левую руку девушки и внимательно рассмотрела ее работы на валиках, законченные и начатые, и принялась разглядывать покрывало. Внезапно ее глаза округлились, и она поманила спутников к себе.

-Вы только гляньте! В ее кружевах весь город... домики, улицы... люди... а обрамление! - В глазах Кьяры промелькнуло нечто, очень похожее на зависть. – Какая тонкая работа... я в жизни такого кружева не видела.

- Кажется, я понял, как нас сюда затащили. – Амадей внимательно рассматривал кружевные фигурки. - Она как паук – и плетет не только сеть, но и самих мух в этой сети.

-Почему-то мне кажется, что она это не со зла, - растерянно выговорил Ораха. – У нее такое грустное лицо...

-Вот что. – Кьяра отошла в сторону и поманила к себе спутников. – Я попробую с ней поговорить. А вы не мешайте мне.

-Ты с ума сошла? – Ораха вытаращился на девушку. – Или ты некромантией владеешь?

-Я владею ремеслом. – Вздернула подбородок Кьяра; надо сказать, что выглядела она против прежнего значительно увереннее: слезы высохли, глаза блестели. – Она тоже.

С этими словами девушка взяла стоявший в углу залы тяжеленный резной табурет, подтащила его прямо к кружевнице и села по правую руку от нее, решительно отодвинув в сторону козлы с валиком. Посидев с минуту, она вынула из поясной сумочки сложенную в аккуратный моточек толстую нитку, встряхнула ее и надела на пальцы обеих рук. Потом протянула руки так, чтобы они оказались перед мертвой мастерицей.

-Поиграй со мной.

И Кьяра несколькими движениями пальцев превратила растянутые нитки в простой узор из углов и петель.

-Прошу тебя. Окажи мне честь, поиграй со мной.

Медленно, очень медленно кружевница подняла голову и уставилась на Кьяру перламутровыми глазами. Узкое лицо, невзрачное при жизни, в смерти приобрело жутковатую выразительность, которую дали ему тени, залегшие под глазами и в уголках губ, заострившийся нос и серый, восковой цвет кожи. Не опуская глаз и не моргая, кружевница сняла с пальцев свои шелковые нити, положила катушки на колени и потянулась к живым, теплым рукам Кьяры. Мгновение – и бледные, будто уже костяные пальцы кружевницы нырнули в сетку, сплетенную для игры и забавы. И всем живым показалось, что мертвая девушка улыбнулась.

Первые минуты играющие мастерицы просто перекидывали нити друг другу, выплетая все более сложные узоры; потом кружевница вытянула сетку, протягивая противоположный край Кьяре – она предлагала плести вдвоем.

-Меня зовут Кьяра, - негромко сказала Мильфлер. И подцепив пальцем нитку, добавила: - А ее – Мелита.

Ее спутники переглянулись: не каждый день увидишь такое – сидящие лицом к лицу живая и мертвая девушки, растянувшие на пальцах сеть из гладкой, крученой нити, поддевающие петли и цепляющие перекрестья. И все это без малейшего страха, но в полном доверии. Назвав имя хозяйки дома, Кьяра продолжила пересказывать друзьям то, что сама понимала без слов, легко читая в нитяном узоре.

-Мелита всю жизнь провела в Каппио. Здесь все ее любили. И она любила всех.

Сетка растягивается, сжимается, нить перекидывается с теплого пальца на холодный, узор меняется.

-Когда Она пришла в город, люди стали умирать один за другим. И тогда Мелита сама нашла Ее и умоляла оставить хоть кого-нибудь в Каппио. Взамен она обещала создать для Нее самый красивый узор, какой только сможет. Она ответила Мелите, что оставит ей всех, кого мастерица сможет вплести в свое кружево.

Мужчины смотрели, затаив дыхание. Это не был поединок, хотя каждая мастерица подолгу обдумывала свой ход. В игре нитей выигрыша не предполагается, главное – это прямая, проведенная сквозь сотни арабесок, свободно скользящая, не оскверненная узлами нить.

-Мелита вернулась домой и принялась за работу. Она трудилась день и ночь, работала так много, что не заметила, как умерла сама. Перестала дышать, но плести не перестала.

Голос Кьяры дрогнул, но пальцы порхали легко и безошибочно. Мертвая девушка опустила голову, движения ее рук замедлились.

-Та, что приходила из-за гор, выполнила свое обещание. И обманула Мелиту. Она оставила всех. Но в живых – никого. Они обречены тянуть свои дни мертвыми куклами, потому что...

-Матушка Порча поймала бедняжку на слове. – Амадей презрительно скривил белые губы. – Как подло. Вполне в хогменском духе.

День уже перевалил за половину, солнечный свет загустел, застаиваясь в горячих золотых пятнах на каменном полу. Первый испуг, как и первое очарование, проходит быстро; теперь, когда стало ясным все произошедшее в городе, путники уже испытывали не страх перед неупокоенными – скорее жалость. И желание поскорее покинуть пределы Каппио, которому не в силах были помочь.

-Кьяра. – Тихо позвал Амадей. – Спроси Мелиту, как мы оказались здесь?

-Мелита не может остановиться. Поэтому она и плетет узорный край покрывала все шире и шире. И он уже может захватывать дороги, ведущие в город. Нас поймала нитка в ее руках.

Кружевница так низко опустила голову, что ее золотые локоны коснулись пола.

-Кьяра, ты должна ее остановить. – Альбинос смотрел на Мелиту с сожалением. – Скажи ей, что ее мужество достойно восхищения. И эта работа не имеет себе равных. Но она должна закончить ее.

Мелита долго смотрела на немислимо переплетенную нить, и несколькими движениями скинула лишнее, упростив узор до первоначальной простоты. Кьяра вздохнула и в первый раз за время игры обернулась к спутникам.

- Пока цело покрывало Мелиты, ее город так и останется неупокоенным. И никто не сможет покинуть его пределы. А остановиться она не может – потому что вплела в кружево и себя саму тоже. И должна подчиняться его чарам.

-Ты можешь его распустить? – Подал голос Цатх.

-Ишь, какой скорый. – Кьяра усмехнулась. – Такую работу не так легко уничтожить, слишком много в нее вложено. Теперь она сила сама по себе. Только сунься к ней – и живо поймешь, что чувствует висельник. – И, помолчав, добавила: - Мелита говорит, есть одна нить, которая держит весь узорный край и выходит из него в главное плетение. Только она может освободить кружево.

-Но она ее не укажет. – Ораха вздохнул.

-А ты бы указал? - И, не дождавшись ответа, девушка замолчала.

Игра подошла к концу; нить, пройдя через лабиринты узоров, вернулась к первоначальному незатейливому перекрестью, а мастерицы все сидели, не опуская рук. Наконец, Мелита первой вынула свои пальцы из шелкового силка и, накрыв руки Кьяры своими мертвыми ладонями, ласково опустила их ей на колени. А потом она повела рукой, будто приглашая равную себе еще раз полюбоваться своей работой.

-С вашего позволения, кирия Мелита. – Кьяра встала, оправляя платье; не глядя, она аккуратно свернула и убрала в сумку моток нити. – С вашего позволения.

Она подошла к покрывалу, серебрящемуся на темно-синей подушке, и стала медленно обходить вокруг, взглядом цепляя каждую нить, то прищуриваясь, то прикусывая кончик языка. Она останавливалась и подолгу вглядывалась в хитросплетения кружева. Обойдя три полных круга, девушка остановилась. Она посмотрела на Мелиту с восхищением и низко поклонилась ей.

-Если бы семья позволяла вам продавать свои работы, заказчицы ползали бы перед вами на коленях. Я преклоняюсь перед вашим мастерством, кирия Мелита, наипервейшая кружевница королевства.

Амадею показалось, что в мертвых глазах мелькнул огонек удовольствия, и уголки запавших серых губ дрогнули в улыбке.

Кьяра положила левую руку на край подушки. Ее пальцы поглаживали нить, будто успокаивали. И негромко, на ходу вспоминая слова, она начала читать старый детский стишок про обычное в девчачьем обиходе поверье:

*Если девица до свадьбы умрет –
Ее Одна из Пяти заберет.
Дева Болота – самых ленивых:
Жабами вспучатся, квакать научатся.
Дева Метели – самых спесивых:
В зеркалах ледяных растворятся они.
Дева Садов – самых прилежных:
В цветочные сети просеивать ветер.
Дева Репейника – слишком уж нежных:
Ко всякому типу бессовестно липнуть.
А самых искусных ждет - не дождется
Дева Луны, нареченная Солнца,
И благодатен их ангельский труд –
Звездное кружево девы плетут.*

И, ясно выговаривая слова, Кьяра тянула и тянула нитку, невесть как выхваченную ею из кружева. Мелита подалась было вперед, но сдержалась и лишь стиснула в руках тонкие катушки, лежащие у нее на коленях.

Кьяра распускала покрывало быстро, наматывая на правую ладонь петли шелковой нити, и легко роняя их; на полу уже лежали легкие белые мотки; и мало-помалу узорный край покрывала таял, освобождая заключенный под его властью город. Прошло почти два часа, заскучавшее солнце ушло из окон, но вот, наконец, нить с почти слышным хлопком перешла с обрамления на центральный узор. Руки Кьяры двигались все так же уверенно и быстро, и нимало не дрожали, когда она принялась распускать кружевных человечков, одного за другим.

И снова время разматывалось тонкой нитью, уже проснулись в углах первые тени, от пола потянуло холодом. Самой последней оказалась сгорбленная фигурка, сидящая в окружении легких петель в верхнем углу покрывала. Пальцы Кьяры замерли на секунду... но она продолжила расплетать кружево, пусть и в два раза медленнее – никто не посмел поторопить ее. И когда была распущена последняя петля, и нить перестала удерживать заданные ей контуры, Мелита тихо склонилась на бок, будто укладываясь подремать на подлокотнике кресла. Катушки из рук она так и не выпустила.

Амадей подошел к Кьяре, взял ее за плечи, повернул к себе и крепко обнял. И, возможно, он собирался что-то сказать, но тут Ораха упал на пол как подрубленное деревце. Так что пришлось им всем вместе броситься к потерявшему сознание спутнику; хватило пары несильных оплеух, и музыкант пришел в себя.

-О боги! Какая оглушительная тишина! – Пожаловался он, прижимая ладони к ушам. – Уши просто разрывает!

-Пора уходить, – и Цатх помог музыканту встать.

-Разумеется. – Амадей огляделся. – Здешний покой не для живых. Кьяра, ты наша спасительница, но об этом потом. Если не забуду. Ты закончила свою работу?

-Да. Целиком и полностью. – Девушка не могла оторвать взгляд от мотков шелковой нити, разбросанных по полу.

-Тогда нам незачем более тут оставаться. – И Амадей потянул ее за руку к выходу.

-Постойте. – Кьяра вдруг воспротивилась. – Я не могу допустить, чтобы все закончилось вот так... бесславно.

И, не раздумывая ни секунды, она решительно отвязала от пояса свой кошель, шагнула вперед и положила его на колени неподвижной кружевнице, а потом, быстро оглядев осиротевшие подставки, сняла с одной из них длинный, воздушный шарф, такой же нежно-белый, как лепестки первых весенних цветов.

-Когда меня спросят, сгорая от зависти, у кого я купила это кружево, достойное королевы, я отвечу – его сделала Мелита из Капшио, и я отдала за него все свои деньги. – Кьяра осторожно свернула шарф. – Пусть люди смотрят на него и дивятся тому, что могут сотворить руки девушки.

И она поклонилась мертвой, прижимая кружево к груди.

Через час они оставили вымерший городок уже далеко позади; застоявшиеся кони легко скакали по ровной дороге, ведущей вдоль гор. Только один раз путники спешили, чтобы напиться из родника и наполнить фляги водой; ни отчаянный голод, ни усталость не могли заставить их остановиться. Взошла полная луна, и в ее холодном свете они продолжили путь, проезжая виноградники, апельсиновые рощи, одинокие пастушьи хижинки. Еще через час пути Амадей ощутил, как на его запястье шевельнулся нерадивый фамилиар.

-Выспался? – С плохо скрытым облегчением спросил Амадей. – Мог бы и предупредить, что впадаешь в спячку.

-Охх-ссс... - Змей шипел и, кажется, плевался. – Ну и дела... Просссти, не доглядел. Сссспал не ко времени, так и попалссся. Однакошшш вы ссссправилсссь?

-Это Кьяра, - с удовольствием сообщил Амадей. – Ее заслуга, что мы живы.

-Ну и ссславно, - одобрил Шеш. И тут же добавил без обычного присвистывания и шипа: - Потом расскажешь. Холодно тут, и темно. Я, пожалуй, посплю еще. Раньше полудня не буди, сделай милость.

И бессовестный фамилиар вполз наверх по руке, в тепло, где и замер через минуту. Амадей покачал головой, опустил рукав пониже и пришпорил коня.

Глава двенадцатая, в которой в которой пойдет речь о власти железа и сахара

-Я так и не поняла, почему ты под конец свалился как подкошенный. – Кьяра недоуменно пожала плечами. – Все уже закончилось тогда, да и запаха этого ужасного в доме не было.

-Как бы тебе объяснить... - Ораха, ехавший по левую руку от девушки, подергал непослушную прядь своих волос, спадающую на нос. – Вот если бы тебя кинули в огромный подвал, забитый паклей, очесами всякими, нитками рваными, а сверху бы еще навалили этого добра, тебе бы понравилось?

-Ну это вряд ли. Да я бы там задохнулась в одночасье.

-Вот и мне дурно стало невмочь. Тишина – это тоже звук, Кьяра, причем весьма сложный. Тишина, что пришла в Каппию, когда ты распустила это проклятое покрывало – и пусть мне играть до конца дней на одном дырявом бубне, если я понимаю, как ты могла найти ту самую нить! – та тишина не оглушала и не пугала. Она высасывала все, что осталось от жизни в этом несчастном городишке, а мы были для нее как кусочки масла в миске каши, лакомые кусочки, живые, еще дышащие...

-А я ничего такого не почувствовала. – Девушка чуть придержала поводья, чтобы ехать вровень с музыкантом. – Скорее даже облегчение какое-то наступило.

-Разумеется. – Ораха улыбнулся. – Ты разрушила чары, что же еще ты могла ощущать? Они уходили как дурная вода, а на их место хлынула дурная тишина. Жаль, хороший был городок. А стало недоброе место.

-Откуда ты все это знаешь? – Кьяра с интересом разглядывала музыканта.

-Пошатайся по королевству с мое – и не такое увидишь. Я уж лет десять бродяжничаю, и в Гринстоне жил, и в Аль-Джеле, и в твоей Влихаде. В больших городах задерживался, в небольших – когда как, либо насквозь проходил, либо оставался надолго.

-Надолго – это для тебя сколько?

-Это больше года. Вот в Трискелионе я целых три прожил.

-А почему ушел?

-Глохнуть начал. – Ораха скривил рот. – Нельзя мне застаиваться.

-Ты посмотри на них. – Амадей указал орку на едущих впереди Кьяру и Оражу. – Щебечут как две пташки по весне. Улетели из ловчей сетки и радуются... и невдомек, что рядом такая же растянута.

-Не каркай. – Орк сплюнул через плечо. – И фамилиара своего разбуди, не помешает.

-Он не спит. – Альбинос чувствовал, как Шеш возится под рукавом. – Цатх, я так понимаю, мы привезем принцу объявление войны?

-Это почему же?

-Как почему? Целый город в одночасье как метлой вымели, превратили в западню... на наше счастье Кьяра оказалась искусна в своем ремесле, а Мелита благородна даже в смерти. Иначе мы бы там сгнули. И не одни мы.

Орк пожал плечами – мол, не сгнули же.

-Слушай, Цатх, вытравленный виноградник и побитую посуду можно и не заметить, украденного ребенка простить – если ты не его мать, а где-то там правишь своим королевством, но целый город?

-Городишко. Амадей, мы обо всем расскажем принцу. И ее величеству тоже. А уж они пусть решают – с кем воевать, как - и воевать ли вообще. Мы эту землю с хогменами испокон века делим, до сих пор обходилось.

Для Цатха это была слишком длинная речь, и он замолчал.

-Цатх, мне случалось встречать хогменов, - не сдавался Амадей, - не скажу, что это всегда было замечательно. Но это было – и проходило, и жизнь шла дальше своим чередом. Они не вмешивались в нее, просто наши дороги случайно соприкасались. А сейчас мне кажется, что хогмены намеренно встают поперек, и это не злые шуточки, они же в открытую нападают!

Орк приподнял мохнатую бровь, бросив на альбиноса обеспокоенный взгляд.

-Именно так, нападают! Поначалу это будут мелкие набеги – на городишки, как ты сказал. А потом они наберутся сил и смелости, и кто знает, сколько их там, в их землях под холмами, и что они могут замыслить. Нам надо поторопиться. Проклятье, под Трискелионом пещер как дыр в остром сыре!

-Вот в чем Дионину точно не откажешь – так это в умении выбирать себе слуг. – Цатх одобрительно кивнул. – Прежний мэтр был хорош, но он счел бы все произошедшее не своим делом, и если и рассказал бы о чем, так это о том, как его декоратор одним махом распустила кружева на тысячи золотых. – Орк подобрал повисшие поводья, похлопал коня по шее. – Поторопимся, раз такие дела.

После того памятного дня в Каппио они провели в дороге всю ночь и лишь поздним утром остановились передохнуть в старом придорожном трактире; подчистую смели предложенную хозяином кашу с рублеными вареными яйцами и повалились спать в одной комнате, кто где успел. Спали до трех часов пополудни, пообедали той же кашей – только на этот раз с копченым кабаньим салом, и отправились в путь.

Они проезжали сквозь леса и мимо городов, пересекали реки, однажды им вновь пришлось заночевать на каменистой пустоши, так они торопились. Одна-

ко ничего страшного или странного они более не встречали, если не считать пары случаев. В первый раз у Кьяры кто-то, ростом с кошку, пытался вытащить из-под головы сумку с кружевным шарфом. В другой - Ораха услышал музыку, когда поздним вечером отправился прогуляться перед сном, да так пленился мелодией, что побрел было куда-то вдаль; хорошо, что Цатх вышел следом и притащил его за шиворот обратно в стоящий на отшибе деревни брошенный дом, где они решили заночевать. К слову сказать, Цатх никакой музыки не слышал.

Неделя, отпущенная Амадеем на скорую дорогу, закончилась; еще через два дня очертания горы Трискелион ясно показались сквозь утреннюю дымку.

-Если поторопимся, к вечеру будем в столице. – Цатх оглядел своих спутников: побледневшие, немного уставшие и ошалелые от дороги, но встрепенувшиеся при слове «столица» как молодая свора, которую позвали на первую охоту.

И они поторопились, даже ели на ходу, не спешиваясь, перекидывая друг другу сморщенные прошлогодние яблоки и наспех покромсанное Цатхом вяленое мясо.

-У вас найдется по монете? – спросил Амадей, поравнявшись с Орахой. - Заплатить вступные городу.

-Найдется, - кивнул музыкант, а вот Кьяра задумалась. Все деньги она отдала за кружево Мелиты и теперь рассматривала свои кольца, коих было ровно два: тоненькие, гладкие, серебряные ободки, надетые на мизинцы. С такими очень трудно расставаться: отдашь одно – второе будет с тоской смотреть на осиротевший палец, отдашь оба – так и самой загрустить недолго.

-Думаю, тебе я могу выплатить небольшое вознаграждение. – Амадей протянул девушке маленький кошель, в котором большое вознаграждение в виде монет уж точно не уместилось бы. – В Трискелион без своих нельзя. Бери, это не одолжение. Спасение наших жизней в твои обязанности не входит, можешь считать это сверхурочными.

Кьяра взяла кошель, прицепила его к поясу и благодарно кивнула.

Они въехали в город через старые ворота, так и именовавшиеся без изысков Старыми, не столь высокие и людные, как Рассветные, через которые впервые вошел в Трискелион Амадей. Однако и здесь хватало желающих на ночь глядя попасть в столицу, так что Цатху пришлось пару раз рывкнуть на прущих под копыта ротозеев. Ораха и Кьяра, шепнув нужные слова, отдали входную плату страже, и вот наконец они смогли, миновав толчею и суету нижних уровней, направиться в сторону дворца.

Трискелион, по которому Амадей уже успел соскучиться, встретил его переключкой первой вечерней стражи, запахами свежей грязи и мокрой кожи. Город был рад вернувшемуся, но Амадей не мог не почувствовать его беспокойства, не имеющего ничего общего с весенней маетой; что-то таилось и назревало, готовое вырваться на волю как первые листья из тугих почек.

-Я вижу, ты не с пустыми руками вернулся. – Дионин сидел за тем же самым столом, все так же заваленным счетами, отчетами и прочими бумажными кошмарами власть предержащих. – Рассказывайте, как вы там развлекались, пока я работал.

-Ваше высочество, - Амадей поклонился и указал на своих спутников, - с вашего позволения это Кьяра Мильфлер, моя красота, и Ораха, моя музыка. Но они подождут. Есть дела поважнее.

-Разве такое возможно? Что может быть важнее красоты и музыки? – Принц встал из-за стола, потянулся, раскинув руки. – Хорошо. Рассказывай, что тебя так встревожило. Да и Цатх, я смотрю, какой-то смурной.

Он уселся на низкий табурет, поближе к камину – от стен тянуло холодом, до теплых летних ночей еще предстояло дожить. Амадей подошел поближе и коротко, но не упуская подробностей, оживляющих картину, рассказал о судьбе, постигшей Каппио. И не забыл упомянуть о мелких неприятностях, происшедших попутно. И о происшествии на перевале. Дионин слушал внимательно, глядя в огонь, иногда переспрашивая или требуя пояснений. Выслушав Амадея, принц встал и направился к дверям.

-Я должен сообщить обо всем ее величеству. Завтра утром жду вас двоих, - и он указал на альбиноса и орка, - здесь. Думаю, ее величество захочет выслушать вас еще раз. Так что припомните все подробности, вплоть до мелочей.

Коротко кивнув на прощание, он вышел. Прибывшие переглянулись и отправились в кухню; поужинав, они разошлись, Ораха и Кьяру Амадей увел в свои комнаты, устроить на первое время.

Следующий день, как оно и полагается в марте, был ясным, теплым и ветреным; Кьяра с самого утра оккупировала маленькую ванную комнату и, судя по доносящемуся сквозь закрытую дверь пению – слабенькому, но довольно мелодичному и чистому – была вполне довольна жизнью, горячей водой и травяными настоями. Ораха же уселся возле окна, обложившись нотными записями мэтра Панфило, и вообще ни на что не обращал внимания.

-Мессер Амадей, - в дверях стоял Лукас, переминаясь с ноги на ногу. – К вам пришли. Ждут в саду, у старого водомета. Я провожу, с вашего позволения.

Амадей накинул плащ и спустился вслед за слугой в сад, в котором уже суетились многочисленные работники, сметая зимние слежавшиеся листья и тра-

вы, подрезая кустарники, что-то высаживая или раскрывая. Они быстро прошли сквозь лабиринт по хитрой дорожке, известной Лукасу, обогнули розарий и оказались в старой части парка, больше похожей на настоящий лес, чем на плод усилий садовников.

-Там, - Лукас указал на поваленный ствол бука, лежавший поперек ручья. – С вашего позволения, я подожду здесь.

Амадей не стал спорить. Он перешел через прыгающую по пестрым камням воду и остановился возле зарослей ежевики. Подождав с минуту, он прислушался, ухмыльнулся и свистнул стрижом.

-Здесь я, - ответил ему из-за спины мальчишеский голос. – Теряешь сноровку, старший брат.

Амадей обернулся и протянул руку Сардинке.

-Зато ты совершенствуешься. Присядем?

Они сели рядом на нагретый солнцем валун, похожий на черепаший панцирь; из рук старшего незаметно появились несколько монет, и так же неуловимо перекочевали в руки младшего.

-Что стряслось, что ты рискнул сунуть нос аж в королевский парк?

-Пфф, - фыркнул Сардинка, - да чтоб ты знал, я здесь гуляю как у себя в поместье. При случае попроси Лукаса показать тебе пару-другую тропок, пригодится потом.

-Неприменно. И все же – с чем пришел?

-С бедой. – Сардинка насупился. – Плохо наше дело, старший брат. Мои ребята пропадают бесследно. Уже с десятков недосчитываюсь. Да и не у меня одного: у Цапли тоже потери, у Толстой Мол девчонки боятся нос из ночного убежища высунуть.

Амадей помрачнел. Подумаешь, важное дело – нищие оборванцы исчезают. Да туда им и дорога, скажет почти каждый из почтенных жителей столицы. Улицы чище будут. И кошельки целее.

-Когда началось?

-С месяц назад. Самой первой исчезла младшая сестра Толстой Мол, Катари́на Золотко – ее так из-за волос звали, ну чистое золото были. Она цветы продавала, сама букетики вязала, хорошая девчонка была. Мол до сих пор ее ищет. – Сардинка замолчал.

-А потом?

-Потом у меня сразу двое не вернулись. Два брата-близнеца, смышленные парни были, друг друга прикрывали как рука руку. Потом еще один с концами ушел. А там Цапля прибежал, аж трясется весь – у него пятеро за три дня исчезли. Толстая Мол своих девчонок поначалу только по двое выпускала, только оказалось – это не помогает.

-Ясно. – Амадей покачал головой. – В Полуночи смотрели?

-Сам-то как думаешь? – Пожал плечами Сардинка. – С нее и начали. Даже Благодать обшарили. Нету.

-А не пробовали спросить, не появился ли кто-то... особенный? Новый постоялец, который особо тщательно запирает дверь, или уходит надолго, а возвращается не пойми как?

-Спрашивали. – Кивнул мальчик. – Кое-кого проверили. Мимо. наших ребят там не было.

-Сколько всего пропало?

-Вчера было два десятка и семеро.

Амадей присвистнул.

-Ничего себе! И никаких следов?

-Никаких. Как сквозь землю провалились. Слушай, старший брат, я понимаю, что пока не начнут исчезать те дети, что живут в домах и с родителями, нам помощи ждать неоткуда.

-Ну почему же. Ты же пришел ко мне. – И Амадей взъерошил Сардинке грязные волосы, торчащие во все стороны что твое гнездо. – Вот что. Не уходи далеко. Я скоро вернусь.

Он перебежал ручей по лежащему дереву, и попросил терпеливо ждущего Лукаса:

-Будь другом, отведи меня к Цатху, да побыстрее.

-Будет сделано, - выпрямился мальчишка и припустил в сторону дворца.

Покои Цатха, располагавшиеся неподалеку от принцевых, оказались почти пустыми, если не считать нескольких манекенов, наряженных в старинные доспехи, и многочисленных стоек с оружием. Орк сидел возле окна за столом, заваленным солдатским барахлом.

-Чем могу? – Цатх поднял голову, отвлекаясь от починки видавших многие виды ножен массивного кинжала.

-Цатх, тут такие дела... мне нужны метательные ножи, десятков пять. Нет, лучше семь. Да, не меньше. Можно не особо наточенные, главное...

-Чтобы железные. – Понимающе прервал его орк.

-Именно так. – Амадей не стал переспрашивать, откуда такая уверенность. – Поможешь?

-Почему не помочь. – Цатх встал, оглядел комнату, подошел к массивному шкафу и потянул на себя тяжелые створки. Покопался там с минуту, и вынырнул с длинной двойной кожаной лентой, разделенной на узкие чехлы. В каждом кармашке плотно сидело узкое лезвие метательного ножа.

-Такие пойдут? – И, не дожидаясь ответа, достал еще две таких же ленты.

-Пусть разрежут, будет вроде как в ножнах. – Сказал он, отдавая Амадею ножи. – В рукоятях есть ушки, можно продернуть шнурок и повесить на шею.

-Спасибо. – Амадей поклонился орку, прижимая к груди тяжелые кожаные полосы. – Сколько я должен?

-Пары кроликов хватит, - подмигнул орк альбиносу. – Не знаю, что с ними делает младший повар, но они на вкус не лучше войлока. А я кролика из «Копченого хвоста» каждую ночь во сне вижу.

-Исполню, - еще раз поклонился Амадей. – Сегодня же займусь.

И поспешил в парк, прикрывая плащом висящие на плече ленты с ножами.

И вновь Лукас провел его быстрым путем, который Амадей старался запомнить и понять; Сардинка, не дожидаясь стрижиного посвиста, вынырнул из ежевики.

-Держи. – Амадей протянул мальчику тяжелые ленты. – Разрежете так, чтобы получились ножны. Сквозь ушки в рукояти проденьте веревки и наденьте на шею. И не снимайте никогда, даже во сне. Это железо, Сардинка. Не ваши костяные ножички, а настоящее холодное железо. Размахивать ими не нужно, лучше вообще прячьте под одеждой. Довольно будет и того, что оно при вас. Сегодня же раздай. Приходи дня через три, скажешь – помогло или нет.

-Вот как. – Сардинка с видимым усилием обмотался кожаными лентами. – Ну, поглядим. Кланяться не буду, а то упаду. Будь здоров, старший брат. Спасибо, что не отвернулся.

-Еще чего. – Амадей не удержался и легко щелкнул мальчишку по лбу. - Давай, дуй к своим. И приходи лучше через два дня. Ну, бывай.

Когда Амадей вернулся к себе, оказалось, что Кьяра уже успела навести красоту и куда-то исчезла, оставив по себе легкий запах суртонских хризантем и брошенные как попало в ванной комнате полотенца. Ораха все так же сидел над нотами с отсутствующим и совершенно счастливым лицом. Амадей прикинул – было около полудня, самое время для раннего обеда.

-Мессер, - на пороге стоял слуга принца, - вас ожидают в малой морской зале. Следуйте за мной.

Стены малой морской залы были украшены арабесками, затейливо выложенными из ракушек и кораллов, камин изображал раскрытую раковину-тридакну, потолочные своды скручивались подобием спирали наутилуса. Вокруг массивного стола сидели Дионин, Цатх и его отец, командующий альмугавари, одноглазый Верран – командор флота Тринакрии, Рейнар, еще два скромно и дорого одетых человека. Один из них посмотрел на Амадея крайне неприязненно – это был тот самый казначей, чьего слугу предусмотрительно встретил на темной лестнице Шеш. Сама же королева сидела чуть поодаль, спиной к камину, в мас-

сивном кресле и все с тем же дремлющим цимориллом на коленях. Она постарчески куталась в подбитый мехом бархатный плащ, на столике рядом с ней стоял бокал с подогретым вином. Амадей вошел, отвесил первый поклон королеве, общий поклон собравшимся и, повинуясь жесту принца, сел рядом с Рейнаром. Они с рыжим обменялись долгим взглядом: друзья давно не виделись, и им было о чем поговорить, но не на королевском же совете.

-Все соизволили прибыть? – Ее величество оглядела мужчин. – Мы выслушаем каждого. Но сначала - тебя, - и она кивнула Амадею. – И сиди, ты мне не урок отвечаешь.

-Ваше величество, - юноша встал, поклонился и снова сел. – С вашего позволения, я начну не с того, о чем вы уже знаете. У меня есть новости посвежее. Ваше величество, в Трискелионе пропадают дети. Пока – только нищие оборванцы, чья судьба не волнует никого. И даже если закрыть глаза на эти пропажи, боюсь, что исчезновения детей, представляющих ценность для своих родителей, - лишь вопрос времени.

И Амадей коротко пересказал собравшимся все, что узнал и сделал утром.

-Умно. – Фьяметта прищурила глаза, внимательно глядя на альбиноса. - Умно.

-Если мы известим горожан, что их дети в опасности... - начал было Рейнар.

-А вот это не умно. – Оборвала его королева. – Хочешь вызвать беспорядки и панику? Вполне вероятно, что железо на уличных мальчишках отвадит похитителей, и за домашних младенцев они даже и приняться не посмеют. Подождем со всеобщим исходом, иначе мы рискуем потерять тех же детей, только растоптанными в давке у городских ворот. Амадей, а теперь расскажи еще раз, что ты видел и пережил в дороге.

И Амадей рассказал. Его не раз прерывали вопросами, поначалу недоверчиво, а затем внимательно и въедливо. Когда он закончил рассказ, в зале на несколько минут стало тихо, и королевский циморилл приоткрыл глаза, будто проверяя – все ли в порядке.

-Ты произнес слово «война», мальчик. – Королева откинулась на спинку кресла, положив руки на подлокотники, вздохнула. – Что ж, у королевства Тринакрия есть два прекрасных друга, которые будут рады услышать его от меня. Еще бы: один из них, армия, ест из этой руки, - и Фьяметта раскрыла правую ладонь, - а второй, флот, лакает из этой, - и она раскрыла левую.

-Ваш слуга, ваше величество, - и командор склонил голову.

-Приказывайте. – Пожилой орк поклонился королеве.

-Я-то прикажу. – Фьяметта стиснула сухой кулак и пристукнула им по подлокотнику. – А с кем, позвольте спросить, вы собрались воевать? И что еще любопытнее, где? Вот вы, Верран, куда поведете мои корабли, а? Или вам уже

сообщили, что войско утопцев верхом на гиппокампах надвигается на вашу любимую Аль-Джелу?

Королева так ядовито улыбнулась, будто застала почтенного командора подглядывающим в замочную скважину за купающимися служанками.

-А вы, Кош, заставите своих головорезов шарить под всеми камнями в надежде поймать хоть одного фоллета? Или поставите их в садах, фей сачками ловить?

Кош и Верран переглянулись и пожали плечами.

-И нечего переглядываться. – Королева встала, подхватив циморила под живот, опустила его на пол и прошла по залу. – Воевать с детьми старых богов... вы еще морю войну объявите! Или солнцу.

-Ваше величество, - подал голос один из неприметных советников, - позвольте напомнить собравшимся, что во время недолгого правления династии Шуа Ду император таки объявил войну ветру, за то, что тот самым крайне непочтительным образом стих в то время, когда сам император изволил запускать воздушного змея.

-И как, действительно воевал? – Удивился Амадей.

-Со всеми положенными церемониями. – Кивнул ему советник. – Все мастера, изготавливавшие безделушки «поющие ветра», бежали в страхе из столицы, а кто не успел – участь их была незавидна, как у любого пойманного шпиона. К флюгерам цепляли пороховые ловушки, невзирая на то, что из-за них чуть не каждый день вспыхивали пожары. Сети, сплетенные для генерального наступления, могли накрыть два рисовых поля.

-А в итоге? – Амадей не мог удержаться от любопытства.

-А в итоге императора удавили шелковым шнурком. Прокладывая путь к престолу, Шуа Ду предал одного из своих друзей - Шой Де. Лично участвовал в казнях членов его семьи... однако одна из жен сумела сбежать вместе с двумя детьми. Дети выросли. – Рассказчик неприятно улыбнулся. – Про иронии судьбы, они стали *воздушными* гимнастами. Так что, обретя поддержку в лице многих старых друзей, которым надоело нелепое правление Шуа Ду, Шонно Шой Де пробрался по наружной стене в императорские покои, считавшиеся неприступными, – вот и пригодилась цирковая выучка! – и... впустил во дворец свежий ветер.

-И сам сел на трон. – Рейнар подмигнул Амадею. – Его семья была в близком родстве с предыдущим императором. Так что Суртон, можно сказать, обрел законного наследника в результате дворцового заговора. Обычно бывает наоборот. Все у них там не как у людей.

-Получается, что война со стихийными силами крайне вредит репутации. – Со вздохом подытожил королевский советник.

-Благодарю за урок истории. – Королева поджала губы. – Дети старых богов были здесь прежде того, как первый человек ступил на землю Тринакрии. Да и на всю землю, если на то пошло. Они были первыми в этом мире, и не нам с ними равняться. У них свой мир, у нас свой – не станем же мы воевать с птицами за небо, что нам в нем толку? Крыльев-то нет.

Фьяметта остановилась у окна; тонкий луч мартовского солнца осветил ее худое, морщинистое лицо, запавшие глаза. Королева была не на шутку обеспокоена; циморил, вышагивающий за ней по пятам, вспрыгнул на подоконник и потерялся треугольной чешуйчатой головой о королевский рукав. Фьяметта рассеянно положила руку на голову зверька, погладила его.

-Ваше величество, - заговорил второй советник, - мы не оспариваем право хогменов на их королевство. Но что нам делать с тем, что они оспаривают наше? Что, если Каппио лишь первый загубленный город, если железо не уберезет детей, да мало ли что еще может случиться?

-Мне противна сама мысль об этом, - подал голос Верран, - но мы должны защищаться. Не нападать, как должно, но защищать – как нас вынуждают.

-А что скажешь ты? – Неожиданно королева повернулась к Амадею. – Ты ведь... поближе к ним будешь, не то, что мы.

Альбинос не ожидал такого поворота. Он растерянно молчал, глядя на циморила, уже уютно устроившегося на руках королевы и меняющего цвет с бирюзового на темно-синий.

-Да сих пор хогмены если и вредили людям, то это скорее были злые шутки, - наконец собрался он с мыслями, - а сейчас они ведут себя как пчелы из разбитого улья. Мечутся, кусают всех... Может, если удастся поговорить с ними...

-Ты ведь уже пробовал, не так ли? – Заговорил молчавший все время Дионин. – Пробовал, я знаю. Только ничего у тебя не вышло.

-Не вышло, - подтвердил Амадей, опустив глаза. – Никто не ответил мне, как я ни звал.

-Тогда кто сможет?.. – Не договорил принц.

-Маг. – Как само собой разумеющееся ответил Рейнар. – Разумеется, не ярмарочный шарлатан и не книжный червь.

-А такие есть? – Искренне удивился Верран.

-Есть. – Подтвердила королева, поглаживая циморила. – Вот только он отошел от дел полсотни лет назад, да и до того не слишком охотно вмешивался в дела простых смертных. И как его найти, я не знаю. А значит, не знает никто.

Она помолчала с минуту.

-Довольно на сегодня. Я услышала все, что хотела. Оставьте меня.

Приглашенные поднялись, отвесили почтительный поклон и направились к выходу. Амадей, отговорившись данным Цатху обещанием, сразу же отправил-

ся на кухню. Там он едва успел выбрать пару кроличьих тушек поувесистее, как кто-то похлопал его сзади по плечу. Обернувшись, Амадей увидел Рейнара.

-Как думаешь, Цатх поделится со мной или лучше мне попросить тебя взять сразу трех кроликов?

Вместо ответа Амадей протянул руку и снял с крюка еще одну тушку.

-Вот и я так подумал. Ты не присоединишься к нам за обедом? - Рейнар подмигнул юноше. - А что ты будешь нам готовить?

-Кролика, как его едят в Сенгараке. Это городок, где родилась матушка ки Стафиды. И рецепт ее.

-Что может быть лучше старинных рецептов, проверенных временем. - Многозначительно покивал рыжий. - Думаю, тебе стоит держаться именно их, и не делать ничего такого... на скорую руку, поспешного. Лучше сначала посоветоваться с друзьями, обсудить с ними - все, что угодно, например, предстоящие поиски... - Рейнар замолчал и бросил на Амадея быстрый взгляд.

-Какие поиски? - Удивился Амадей. - Я думал, мне пора своим делом заняться.

-Займешься, - успокаивающе ответил Рейнар. - Знаешь, общение с Дакини научило меня быть внимательнее не к тому, что говорит человек, а к тому, о чем он умалчивает. А что ты это ты делаешь?

Амадей, ободрав и выпотрошив тушки, разрезал каждую на четыре части и теперь шпиговал их крупными ломтиками сала, щедро обваленными в соли и перце.

-Делаю так, чтобы кролики не были на вкус как войлок. Цатх не любит сухого мяса. Так что ты там говорил насчет Дакини?

-Я твой должник. - Рейнар Бреттиноро улыбнулся Амадею. - Если бы не ты, не было бы мне такого счастья. А зачем тебе еще и телятина? И луковицы вот эти?

-Да вот сейчас возьму самую большую и заткну тебе рот! - Амадей с грохотом поставил перед собой на стол массивный сотейник, снял с него тяжелую крышку. - Ты мне дашь спокойно работать или так и будешь под руку лезть? Лучше помоги мне найти... - и он пристально посмотрел на Рейнара, - трюфели. Лучше белые.

-Где ж я тебе их найду? - Опешил Рейнар.

-Вот видишь. Где искать - не знаешь, я, по правде сказать, тоже... но я могу спросить госпожу Лю Пин, она уж точно знает. - Подмигнув другу, Амадей быстро уложил на дно сотейника оставшееся сало, ломти телятины, мелко крошенные пастернак и лук-шалот, выложил поверх части кроликов и, вытерев руки полотенцем, подошел к главному повару. После недолгих уговоров Лю Пин

выделила Амадею несколько драгоценных трюфелей; они также отправились к кроликам вместе с хорошим куском сливочного масла.

-А теперь закрываем крышку, ставим на угли и сверху тоже насыпаем жар. Все, дальше дело огня. Я бы на твоём месте предупредил Цатха, что сегодня мы обедаем у него. Я лично подам главное блюдо, а мой Лукас нам послужит. Через час, и прошу не опаздывать.

-Опаздывать? Да я минуты считать буду. – И, помахав рукой на прощание, Рейнар вышел с кухни.

Как только за ним закрылась дверь, Амадей подозвал поваренка и наказал ему как следует следить за тем, чтобы жар на крышке сотейника с кроликами не угасал, и вновь обратился к главному повару. Та выслушала его, согласно кивнула и подозвала к себе одного из кондитеров.

-Чего желаете, ка Амадей? – Кондитер был высокий и худой как щепка, от его одежды приятно пахло пряностями, седые волосы казались припорошенными сахарной пудрой.

-Мэтр Делис, мне нужно оказать особое внимание одному гостю, редкому любителю сладостей и десертов. Сказать по правде, он кроме них почти ничего и не ест. Видно, в детстве ничего слаще вареной морковки ему не давали.

-Более определенные предпочтения у вашего гостя есть? Выпечка хрустящая или бисквитная? Кремы запеченные или взбитые сливки? Шоколад или марципан? Или что-то внушительное, вроде крокамбуша?

-Вот еще, не хватало для одного гостя крокамбуш сооружать! – Вмешалась Лю Пин. – Не королевских кровей, обойдется и обычной сервировкой.

-Согласен, - подтвердил Амадей. – Я полагаю, всего понемногу – не перегружая стола.

-Сделаю. – Просто ответил мэтр Делис. – К какому времени?

-Нынче вечером. Часом позже ужина.

Когда прошло положенное время, Амадей возглавил вереницу из пятерых поварят, идущих в комнаты Цатха. Вскоре стол, с которого были изгнаны все солдатские железяки, был накрыт полотняной скатертью и уставлен добротной обливной посудой, глянцево-черной снаружи и темно-красной внутри. На большом блюде отдыхал свежий, еще дышащий печкой хлеб, в кувшинах плескалось подогретое красное вино, а в центре стола на кованой подставке стоял сотейник, распространяющий немислимые ароматы.

-Прошу, - и Амадей пригласил Цатха и Рейнара за стол. – Кушать подано.

И он благоразумно дал друзьям время насладиться кроликом, приготовленным как в Сенгараке, не задавая вопросов и не торопясь с ответами.

-Любой вопрос лучше решать на сытый желудок, - наконец, объявил Рейнар. – Амадей, я поделился с Цатхом своими подозрениями на твой счет, так что изволь объясниться. Ты ведь что-то замолчал на сегодняшнем совете, я готов поклясться в этом.

-Королева говорила о маге. Настоящем, которому не нужны ни власть, ни слава. Я не думаю, что в мире таких много... и об одном таком я слышал.

-И? – Вопросительно протянул Рейнар.

-Ему более трехсот лет, выглядит как молодой мужчина, по крови - наполовину человек, наполовину эльф. И я знаю, кто может рассказать о нем гораздо больше. Возможно, даже укажет, где его искать.

-Почему не рассказал этого королеве? – Цатх опрокинул над своим стаканом последний кувшин.

-Королеве нужны не мои домыслы, ей подавай результат, причем хорошо пропеченный и достойно сервированный. Сегодня я ужинаю с одним старым знакомым – не так давно он вернулся ко двору. Хочу угостить его на славу и попрошу рассказать поподробнее о своей встрече с наследником Аш-Шудаха.

-Это ты про мессера Дамиано? – Вытаращил глаза Рейнар. – Он знаком с магом? И ты ему веришь?

-Верю. – Ответил Амадей. – И если Дамиано расскажет достаточно, чтобы пускаться в поиски, вы узнаете об этом первыми – разумеется, после ее величества и моего принца.

-Согласен. – И Цатх хлопнул по столу ладонью, так, что тарелки подпрыгнули.

Дамиано отвели комнаты в южном крыле дворца, числом всего две, зато просторные и солнечные.

-Это даже больше, чем я рассчитывал, - доверительно поделился с Амадеем Дамиано, прогуливаясь с ним вечером по парковым дорожкам, - однако я скупаю по своей коллекции, будто семью оставил. Но не тащить же их всех сюда, не так ли? Семья во дворце – только помеха. Мой дорогой... - И он отвесил Амадею изящный поклон. – Как мне выразить свою благодарность? Я знаю, что именно вам обязан своим возвращением ко двору.

Дамиано и впрямь выглядел довольным; глаза его сияли, он не озирался по минутно в тревожном беспокойстве, а его локоны на этот раз отливали благородным каштановым блеском.

-Мессер Дамиано, - поклонился в ответ Амадей, - для меня ваше присутствие здесь – прямая выгода. Равного вам нет во всем королевстве. Я познакомлю вас с моим декоратором, думаю, вы сумеете с ней договориться. Она родом из Влихады, дом Тавма – слышали о таком? Теперь у нее свое имя, но кровь не

водица, а уж тем более такая... Но это подождет. Мессер Дамиано, позвольте пригласить вас отужинать. Я распорядился, чтобы нам накрыли в вашей гостиной, и думаю, что нам стоит поспешить.

Они вернулись в покои Дамиано, где слуги закончили сервировку и удалились с позволения хозяина. Амадей не напрасно понадеялся на вкус и опыт кондитера – стол, накрытый им, оказался настоящей сладкой западней. Дамиано оглядывал его счастливыми глазами, часто моргая и не решаясь начать. Какое-то время он сидел и просто рассматривал блюда, стоящие на вышитой лентой скатерти. Решившись, он взял из высокой вазы ракушку, вылепленную из сахарного теста и начиненную выдержанными в роме вишнями, раскусил ее и закатил глаза под лоб.

-Божественно. Чего вы хотите от меня, мой дорогой? – Дамиано с блаженным выражением лица проглотил ракушку и потянулся за второй. – Никто не удовлетворяет чужого желая, не имея своего собственного.

Он налил себе суртонского чая из расписного фарфорового чайничка, с удовольствием поводя носом над ароматным паром.

-Что я вижу? Неужели это настоящее королевское суфле? Вы только посмотрите, Амадей, - как искусно глазирована корочка, а внутри...

Дамиано благоговейно разрезал тонким ножом высокое суфле и повернул разрезом к собеседнику.

-Словно тончайшая кисея... - восхищенно протянул Дамиано. – И этот аромат сливок и меда... Амадей, не томите, рассказывайте. Какой бы ни была пилюля, вы знатно ее обсахарили.

-Мессер Дамиано, поверьте, для меня это было удовольствием. – Амадей склонил голову в знак почтения. – И вы совершенно правы – у меня к вам просьба. Я прошу рассказать мне, где и как искать того, кто помог вам спрятать ключ.

Рука Дамиано замерла на полпути между блюдом и ртом. Однако он быстро справился с замешательством и даже съел взятый ломтик.

-Мой мальчик... - Портной вытер рот салфеткой, смахнул крошки с богато расшитой рубашки. – Вам-то оно зачем? Неужели мои сородичи...

-Нет, - прервал его Амадей, - не они. Хвала богам, после того вечера в вашем доме я никого из них не встречал. Мессер Дамиано, дело не в чем-то личном интересе. Просто если кто-то и может предотвратить беду, которая грозит всему королевству, то это именно тот, о ком мы говорим.

-Даже так... Всему королевству, надо же. - Дамиано задумчиво отпил из чашки. – Он многое может, это факт. Но вам стоит знать, юноша, что он давно отказался от приложения своих сил к нашим мелким делам. И у него были на то

причины и право. И сладостями его не соблазнишь, даже такими роскошными, - усмехнулся он и потянулся к очередной вазе.

-Если он откажет нам в помощи – это будет его воля, и мы сможем проклясть его за это. Но если мы не попросим о ней – это будет лишь наша глупость, и его вины в том не будет. – Парировал Амадей.

Дамиано вздохнул, посмотрел на собеседника поверх пирожного, снова вздохнул.

-А если я не отвечу вам, тогда что? Сдадите меня королеве? Ну-ну, не хмурьте свои дивные белые брови. Не стану я испытывать вашу верность. Я расскажу, как найти последнего мага Обитаемого Мира. Вот только сначала отведаю всего хотя бы понемногу, - и он повел рукой поверх стола, - чтобы знать, на что я могу рассчитывать, когда вам понадобится и ключ тоже. Но предупреждаю – за одни только сладости я с ним не расстанусь.

И Дамиано оскалился – неожиданно остро и плотно.

-День был долгим и не самым простым, не так ли? – Оскал исчез так же быстро, как и появился; Дамиано взял чайник и налил чаю в чашку Амадея. – Мой друг, не пренебрегайте властью сахара. Это только начало; раз уж судьба свела вас с королевской семьей, на легкую службу рассчитывать не стоит. А значит, необходимо подкреплять свои силы, и кто как не сахар вам в этом поможет? Мясо хорошо для тех, чьи силы в теле, а вам нужно питать голову, - и Дамиано выразительно постучал себя пальцем по лбу. – Так что не церемоньтесь и помогите мне воздать должное искусству кондитера. Позор нам, если мы оставим хоть одну малюсенькую пироженку!

Амадей не без радости согласился; день действительно выдался на редкость хлопотным – как когда-то в «Копченом хвосте», в пору ярмарок. Поощряемый сотрапезником, он набрал полную тарелку пирожных, взял несколько фланов из заварного крема, и Дамиано собственноручно отрезал ему ломтик от королевского суфле. И удивительно – с каждым проглоченным кусочком, хрустящим или мягким, но равно сладким, голова его прояснялась, тревога гасла и уступала место спокойствию. «Все не так уж плохо, - говорил сахар, - ты справишься».

-Не слипнетсся? – Поинтересовался Шеш, пользуясь тем, что Дамиано отошел к окну, взять с жаровни новый чайничек.

-Не в этот раз. Хочешь? – И, не дожидаясь ответа, Амадей незаметным движением положил в рукав кусочек ромовой карамели. Ответом ему была тишина – а затем еле слышные, шелестящие звуки, которые может издавать змеиный язык, облизывающий леденец.

Глава тринадцатая, в которой все поначалу складывается как нельзя лучше

В Трискелион пришла весна. Тяжелые тучи отдали земле всю накопленную воду, и теплый ветер унес их за море, пустые и местами рваные. Воздух стал и легким и пьянящим, цветы цвели повсюду, не имея ни малейшего понятия об умеренности, и ночь давала лишь короткую передышку перед новым утром.

Королевский парк походил на растрепанный букет свежей весенней зелени; для садовников настала горячая пора и они трудились, не покладая рук, дни напролет.

-Сколько себя помню, эти клумбы всегда высаживал старик Пуле, - королева указала на пламенеющие тюльпаны, выстроившиеся стройными рядами, воинственные и парадно-бестолковые, как арзахельские гвардейцы. Она шла по дорожке, выложенной мрамором, опираясь на руку Дионина. Чуть поодаль за ними следовал Амадей.

-У него легкая рука на все раннее и скороспелое, - продолжала королева, - хотя сам он похож на столетний мореный дуб. Итак, твое высочество, что ты хотел рассказать мне?

-Ваше величество, если будет на то ваше позволение, мы отыщем мага. И попросим его стать нашим посредником в переговорах с королевством под холмами.

-Вот как? – Фьяметта слегка повернула голову назад, в сторону Амадея. – И куда же мне отправлять гонца с умоляющим письмом?

-Увы, – покачал головой принц, – нет такого места в нашем мире, которое можно назвать его домом. Он появляется ниоткуда и уходит никуда, и никто не может проследить его пути.

-...потому что он может слишком много – и слишком мало. Слишком много – для тех, кто ищет его, и слишком мало – для себя самого. – Вздохнул Дамиано, с сожалением доедая последнюю трубочку конноли. – Было время, когда мир разворачивался для него как летающий ковер, готовый нести к любым приключениям и испытаниям. И он принимал их с радостью. А потом устал. И от мира, и от того, что в нем творилось. Он не хотел становиться могущественным властителем и озирать наши королевства как человек - муравейники, брезгливо и надменно. Предпочел остаться вольной птицей, соколом, летающим выше облаков – но не презирающим земли. А для того, чтобы не сойти с ума от скуки и не впадать в предубежденность, он взял себе за правило не жить нигде дольше года, и время от времени покидать пределы мира людей.

-Разве такое возможно? – Амадей, заморожено слушающий Дамиано, забыл обо всем на свете; что с того, что рассказ старой крысы мог решить исход зарождающегося противостояния двух королевств, глядящих друг на друга как две половины игральной карты? Он, Амадей из Шэлота, сидел во дворце и слушал того, кто видел последнего мага Обитаемого Мира, говорил с ним и даже – если верить словам крысы – давал ему советы. И самое главное, он сшил ему плащ! Какая там судьба королевства?! Помилуйте, тут такая история, разве можно от нее отвлечься?..

-Для него возможно и не такое. – Улыбнулся Дамиано, протягивая Амадею пустой чайник. – Мой дорогой, наполните его. Чайник, как и природа, не терпит пустоты. Позвольте полюбопытствовать, насколько хорошо вы знаете историю богов Обитаемого Мира?

-Не слишком, - признался Амадей, возвращаясь с полным чайником. - Я же не в жречество готовился.

-Ну хотя бы историю божественных близнецов-то вы знаете?

-Знаю, - оживился юноша. – Я даже был в их храме, и мало того – мне там понравилось. Фрески там замечательные, можно сказать, живые. И братья явлены на них во всем блеске. Только я так и не понял, они навсегда поменялись местами, или это у них любимая шутка такая, друг в друга превращаться?

-Мой мальчик. – Дамиано аккуратно поставил на блюдце белоснежную чашку, тонкую как яичная скорлупа; он не моргая, пристально смотрел на Амадея, зрачки его сузились, нос заметно заострился. – А что еще вы успели увидеть в том храме?

-Не так много, как хотел бы теперь. Я тогда с ног валился от усталости, так что служитель меня напоил вином и выпроводил. Как именно он это сделал, я так и не понял, но из храма прямиком попал в свои комнаты. Шаг через порог – и всего делов.

-Разумеется. Произвольно открытый портал – экая невидаль! – Дамиано вежливо кивнул.

-Кроме близнецов, я видел там изображение детей Лимпэнг-Танга. Служитель сказал, это была храмовая труппа бродячих артистов, предмет особого внимания одного из братьев. Очень красивые. Достойные любви бога. Вот бы мне таких.

-Дорогой мой, - Дамиано, не спуская глаз с Амадея, медленно встал из-за стола, - я, возможно, несколько удивлю вас. В Трискелионе нет храма божественных близнецов.

Королева, дослушавшая рассказ до этого места, щелкнула пальцами, подзывая к себе Амадея. Когда тот подошел, старуха взяла его под руку и продолжила прогулку, опираясь на руки двух юношей.

-Ваше величество, - говорил Дионин, - это так. Я знаю Трискелион как свои пять пальцев, и такого храма у нас действительно нет, и никогда не было.

-Кто же строит храмы богам, покинувшим мир? – Фьяметта недоуменно вскинула брови. – Ты прав, Дионин, такого добра у нас не водится.

-И все же Амадей был там. Дамиано сказал, что такое везение кажется ему подозрительным.

-Он привык всех подозревать, - вмешался Амадей, - жизнь у него такая.

-Хорошо. Вы развлекли меня, юноши. Но как это поможет нам найти этого мага? – Королева снисходительно поглядывала на молодых людей. – И не лучше ли нам рассчитывать только на то, что действительно в нашем распоряжении?

-Дамиано сказал, что искать мага бесполезно. Но можно попытаться его пригласить. – Амадей вспомнил, какого труда стоило ему успокоить Дамиано, испугавшегося за себя и свое сокровище. Крыса наотрез отказалась объяснить, почему настолько трясется над этим ключом, что даже позволила спрятать его в себе самой, и поначалу не хотела продолжать рассказ о маге. – Никто не может остаться равнодушным к памяти о себе. К своей славе мага – или славе шута.

-Хочешь сказать, в прошлом он был шутом? – Неожиданно королева улыбнулась.

-И это было его любимое прошлое. – Кивнул Амадей. – Ваше величество, у меня очень хорошая память на лица. И этих артистов из несуществующего храма я узнал бы из тысячи людей. Там был силач, похожий на кузнеца, кующего молнии. Рыжий вольтижер, ну вылитый Рейнар, по всему видно, такой же пройдоха. У фокусника волосы как у меня, а кожа как старая бронза. Певица, сладкая и ядовитая. Акробаты, брат и сестра из Суртона, похожие на пару цимориров. Девушка с синими косами и татуировкой в пол-лица, увешанная оружием. – Амадей перечислял по памяти артистов, прикрыв глаза. – Танцовщица, как солнечный блик на воде. И смеющийся шут - остроухий, черноглазый, готовый пройтись колесом от полноты своей радости.

Амадей вздохнул, открыл глаза.

-Я в жизни не видел таких счастливых людей. Не думаю, что художник польстил им или их богу. Ваше величество, а что, если на празднике Майского Древа мы вспомним о детях Лимпэнг-Танга? Что, если найти подобных им – всех, кроме шута?

-Ты хочешь оживить далекое прошлое, и сказать тому, кто был его живой частью, что мы помним о нем. – Королева прищурилась на солнце, будто старая

черепаша, прикрывшая выцветшие глаза морщинистыми веками, покачивая головой на тонкой шее.

-И не можем обойтись без него. Мы пригласим его самим праздником. И я надеюсь, что от такого приглашения он не откажется.

-Что ж, Дионин, мне кажется, Амадей из Шэлота готов к своему служению. – Королева остановилась перед садовой скамьей, устроенной в конце дорожки. - Если задуманный им праздник порадует нас и призовет в Трискелион нужного нам гостя, я дам свое подтверждение его статусу мастера ритуалов. А теперь ступайте, я хочу побыть одна.

На следующей неделе Амадей почти не появлялся во дворце; он дневал и ночевал в городе. Целыми днями юноша слонялся по улицам, толкался на площадях, ел и пил в самых разных заведениях, переходя из Полуночи в Полдень и обратно. Ночи он проводил в театриках, тавернах, как-то ему пришлось даже заночевать в убежище, куда его привел Сардинка.

У него и без того было немало приятелей, а за эти дни их число утроилось; его появление встречали с радостью и шли за ним, бросив предыдущие дела без сожалений. К концу недели Амадей стал похож на уличного кота по весне, истасканного и ошалелого; на костяшках его пальцев появились ссадины, на спине – царапины, щеки ввалились, а глаза, и без того красные, горели каким-то дьявольским огнем. Он словно хотел выпить город одним долгим, нескончаемым глотком, съесть его, овладеть им всеми возможными способами, - но все никак не мог выбрать тот самый, единственно верный. И вот однажды в Полуночи, возле старого кукольного театра Амадей встретил Ораху – музыканту не сиделось во дворце, он предпочитал играть для горожан там, где ему припадала на то охота, и то, что пело его сердце. На этот раз он был не один; рядом с ним, на ступенях крутой и узкой лестницы, ведущей на соседнюю улицу, сидели несколько музыкантов откровенно запьянцовского вида, однако же играли они так, что и не всякий виртуоз-трезвенник сумеет. При одном из них, обладателе альта и длинных седых волос, сидела девушка лет семнадцати, заметно лучше одетая и даже обутая. Она пела.

Услышав ее, Амадей тут же свернул к кукольному театру, хотя намеревался идти совсем в другую сторону; но девичий голос, легкий и чистый, похожий на птичьи трели в высоком майском небе, пленил его и не отпускал. Выйдя к подножию лестницы, Амадей остановился в тени и стал слушать. Ораха вел себя как ребенок, дорвавшийся до сундука с игрушками старшего брата; по его слову музыканты менялись с ним и друг с другом своими инструментами, он начинал мелодии одну за другой, но, не доводя песню до конца, умудрялся ловко

перевести ее в другую. Музыка виляла вокруг него как пчелиный рой, он тешился и играл ею в полном самозабвении.

Сейчас он пел старую весеннюю песню, Амадей часто слышал ее от бродячих студентов, останавливавшихся в «Копченом хвосте» по дороге из одного университета в другой:

*К моей милой я приходил,
И она меня лаской встречала,
Но однажды я стал немил –
Потому что посмел завершить,
Что так сладко она начинала.*

*Гнев ее будто в море гроза!
Как спастись моему кораблю?
Я ведь просто ей показал
Как я сильно ее люблю!*

Ораха пел так жизнерадостно, прямо таки горланил немудреную и озорную песню, аккомпанируя себе на ребеке. Ему подыгрывали и подпевали с завидным рвением. Пропев последний куплет, Ораха, не утруждаясь припевом, словно взял песню за руку и увел в сторону. Под его пальцами резкий голос ребенка смягчился, стал мечтательным и тихим. Нахальная нежность школярской песни повзрослела, шелуха самолюбования облетела с нее и обнажила сердцевину того, что эльфийские поэты в давние времена называли *fin amor*, истинной любовью.

И уже девушка подхватила мелодию и запела:

*Весь мир цветет, пришла весна,
Пой же, пой, соловей!
Сходит сердце мое с ума,
И бьется сильнее и больней.*

*И я не первый, кто пойман влет
В силки, госпожа, твои,
Песней, что соловей поет,
Захлебываясь от любви.*

Она легко поднялась со ступенек, спустилась, лавируя между сидящими, как попало, музыкантами, вышла на площадь и закружилась по ней, как цветок по воде, нее прекращая петь. Пелось девушке так же легко, как птице; голос ее вы-

зывал в слушателях чувство восторга, сходное с тем, какое вызывает чистая холодная вода, подступающая под горло.

Амадей слушал, подпевая и не загадывая, какой будет следующая песня; эта игра - забота Орахи. Он играет в нее как дышит, для него перейти из одной песни в другую – что вина глотнуть, проще не бывает. А девушка пела и танцевала, так беззаботно и легко, как это могут только те, у кого ни кола, ни двора, и терять им нечего, и нечего хранить, и только и остается, что танцевать как в первый – или последний раз.

И вот тогда, в песнях, сменяющих друг друга так же просто как вдох и выдох, в беззаботном танце нищей певицы душа Трискелиона раскрылась перед Амадеем как цветок, он вдохнул ее полной грудью – и наконец-то пришло ясное понимание того, что ему надлежит делать.

Огромный стол в кабинете Дионина был расчищен от бумаг: похоже, принц все-таки разобрался со счетами и ответил на наводящий ужас вопрос «Где деньги?», поскольку все итоговые расчеты уместились на один листок бумаги, небрежно придавленный чернильницей. Во главе стола сидел сам принц, напротив него – Амадей, а между ними всезнающе переглядывались, критически хмурились, скептически улыбались главы городских гильдий, люди, державшие Трискелион за все его важные места.

-Мессеры, праздник Майского Древа не за горами. И мы не допустим, чтобы он стал унылой демонстрацией гильдейных стягов, как то случилось в прошлом году. Мой мастер ритуалов, Амадей из Шэлога, сам все расскажет, - и принц улыбнулся, приглашая жестом Амадея начинать.

Амадей встал из-за стола, поклонился, сделал несколько шагов в сторону и тут же толкнул ногой полное ведро воды, так некстати поставленное возле пылающего камина. Ведро опрокинулось в огонь, белое облако пара взвилось над гневно шипящими дровами, и дым повалил из камина плотными клубами. Не успели собравшиеся как следует чертыхнуться, как сам принц ловко погасил свечи в стоящем перед ним канделябре, а некто, молча стоявший за непримечательной темной ширмой в глубине комнаты, отодвинул ее. Темноту прорезал тонкий луч света, растворившийся в белесых клубах дыма.

Важные гости пригляделись – и ахнули. В темноте и дыму отчетливо просматривались очертания гибкого и мощного силуэта, движущегося навстречу зрителям. Огромные крылья сминали воздух, существо неуклонно приближалось – и вот уже на изумленных людей в упор смотрели золотые глаза, и огонь вырвался из разверстой драконьей пасти. Все это произошло очень быстро, за считанные секунды, поэтому не стоит винить собравшихся в том, что некото-

рые из них буквально попадали со стульев, а глава гильдии оружейников швырнул в дракона свой бокал, расколотив его о каминную полку.

Выдохнув пламя, дракон исчез. В клубах дыма остался сгусток первородного огня, похожий на спелый апельсин. Он разломился на две половины, и из каждой поднялась фигура юноши. Из правой вышел черноволосый и строгий, из левой – светловолосый и веселый. Они взяли друг друга за руки... и мгновенно поменялись местами. И вот уже у темного зазвенели в волосах колокольчики, а у его брата за спиной появились два меча. Тот, что с колокольчиками, протянул руки к зрителям, будто приглашая их разделить его веселье. После этого фигуры богов-близнецов растаяли в рассеивающейся дымке, и угас тонкий луч света, вырывавшийся из удивительного устройства, для которого Кьяра рисовала картинки всю ночь напролет.

-Я приведу в Трискелион праздник. – Амадей распахнул окно, чтобы ветер вытянул из комнаты остатки дыма; Ораха вынес из-за ширмы два зажженных канделябра и поставил их на стол. – Если я смог удивить вас, не сказав ни слова, то подумайте сами, что я смогу, если вы выслушаете меня и согласитесь помочь?

-Одного этого дракона хватит, чтобы сразить публику наповал! Как вы это сделали? – Глава суконщиков отряхивал свой плащ, усаживаясь поудобнее.

-О, у меня свои секреты. И кое-какие я вам сегодня открою.

-Так говорите же скорее, не томите! – У старого главы каменщиков, больше похожего на горного тролля, кряжистого и угловатого, глаза горели как у ребенка. – Что вы для нас придумали, мессер Амадей?

-Для начала - шествия. – Поднял вверх указательный палец Амадей. – Нельзя сразу утомлять людей представлениями, пусть они сами станут праздником, а заодно погордятся собой! Дайте своим людям возможность показать самое лучшее, что у них есть. Сколотите помосты и поставьте их на колеса, чтобы уместилось побольше великолепия и его всем было видно.

Амадей ловко раскатал на столе перед главами гильдий бумажный свиток, на котором был начерчен план центральных улиц Полудня.

-Каждая гильдия сможет представить себя. Выходите из своих кварталов, пройдите по улицам, покрасуйте и поднимайтесь к ратуше. - Амадей указал на круг главной площади Трискелиона. – Улиц, приводящих на площадь, не считать, так что входов всем хватит. Только договоримся заранее, чтобы не получилось так, что мясники наступят на хвост цветочникам. Я сообщу вашим людям, откуда им следует появиться для наибольшего эффекта.

Спорить с юношей не стал никто; возможность пустить пыль в глаза всему городу сразу воодушевила и захватила серьезных мужей – выгода выгодой, но гильдейную гордость никто не отменял!

-То, что будет на площади – моя забота. – Амадей улыбнулся. – Я успею построить волшебный фонарь достаточных размеров, чтобы фоном для его картин послужила сама ратуша.

-Это что, какая-то магия? – Недоверчиво поинтересовался суконщик.

-Никакой магии, мессеры. Всего лишь наука и искусство. Оптика была любимой забавой моего учителя, это он показал мне, как можно использовать направленный луч света. Остальное я придумал сам.

-Это ведь не будет единственным развлечением?

-О нет. Я использую этот прием, чтобы удивить и присвоить себе зрителей. А само представление...

Амадей чуть помедлил, будто обдумывая, чем стоит делиться с собравшимися, а что лучше оставить в секрете. А те буквально вытянули шеи, будто и не предстояло им раскошелиться в самое ближайшее время, чтобы позволить этому юноше воплотить все его безумные замыслы.

-Явление Дракона, игры богов – это все прекрасно, но только лишь как рисованная буква, открывающая историю людей. Мне гораздо интереснее возможности человека, его красота и сила. Мессеры, когда-то у одного из богов прежнего мира была своя личная труппа. Самые лучшие артисты служили ему своим искусством, и не было им равных. Я найду для Трискелиона таких же, и пусть они потешат взор наших горожан.

-Однако вы замахнулись... - Пышное перо на берете, лихо сдвинутом на бок (что совсем не вязалось с почтенным возрастом ректора академии художеств), удивленно раскачивалось. – Я так разумею, вы говорите о детях Лимпэнг-Танга? Даже если вы найдете достойных акробатов и фокусника... это возможно, признаю. Но где же вы найдете танцовщицу, прошедшую школу Нимы, позвольте спросить?

-Не поверите, но я уже нашел ее. – Амадей улыбнулся. – Мало того, мой вольтижер - прямой потомок одного из тех, кто служил богу в этом качестве. Мессер Рейнар Бреттиноро даже не заставил себя уговаривать.

-Итак, шествие, волшебные картины, артисты. И, судя по тому, что мессер алхимик так довольно потирает руки, какие-то особенные фейерверки. – Принц смотрел на пламя свечей. – Но что именно представят нам ваши артисты?

-Они представят то, чем нам надлежит гордиться. Историю Тринакрии. - Амадей оглядел собравшихся. – Мне нужна ваша помощь, мессеры. Мне понадобятся художники, плотники, кузнецы, механики, стеклодувы, портные и обойщики. Мне нужен человек, сведущий в корабельном такелаже, а также те, кто будет следить за порядком даже в хаосе праздника.

-Можете рассчитывать на нас, мессер Амадей. – Ответил за всех глава гильдии оружейников. – В свою очередь можем ли мы рассчитывать на вас, когда

нам понадобится помощь с шествием? Не все обладают фантазией, подобной вашей, и даже деньги не могут скрыть убожество изначального замысла.

-Я к вашим услугам, - поклонился Амадей. – Рад служить, мессеры.

-Ты с ума сошшел! – Шеш от волнения кусал себя самого за хвост. – Что тебе теперь, разорваться? Надеюсь, про дворцовый праздник ты не забыл? Его тоже тебе делать! – От волнения он перестал шипеть и присвистывать.

Амадей сидел у себя в комнате. Он только что вернулся от принца, заручившись одобрением всех гильдейских шишек. На следующее утро он намеревался сначала завершить вместе с Кьярой эскизы декораций, чтобы можно было начинать работы по их сооружению, затем высказать свои соображения по поводу костюмов Дамиано и предоставить тому полную свободу действий. Также он надеялся успеть переговорить с мастером театральных машин. А вечером у него собирались те, кто должен был стать первыми героями праздника – он нашел их всех. Кроме шута, разумеется.

-Ну что ты так расшумелся? – Амадей вытянул ноги к огню, зябко пожав плечами. – Я все продумал. Главное – дать им идею, подсказать пару деталей, всего делов-то. Зато я смогу проконтролировать, чтобы никто не испортил общей картины. Я справлюсь, не сомневайся.

-Я никогда в тебе не сомневался. – Шеш быстро вполз по руке Амадея, и его голова оказалась прямо напротив уха, прикрытого белоснежными прядями волос. – Только не забывай, что кроме праздника у нас еще есть заботы. Например, мои не в меру разыгравшиеся сородичи.

-Я помню о них. – Кивнул Амадей. – Они вроде как притихли. Дети больше не пропадают. Украденных, по правде говоря, не вернули... Садовники пока не жаловались на гниль, а лавочники на вредительство. Я не знаю, что творится в окрестных землях, но в городе хогмены не хозяйничают.

-Не позволяй им обмануть себя. – Еле слышно прошелестел змей. – Они мастера подкрасться незаметно и отвести глаза.

-Обещаю, - юноша ласково погладил змеиный хвост, - обещаю не зевать. – И тут же сладко зевнул во весь рот.

Дни, последовавшие следом, напоминали колесо, катящееся с горы: все быстрее и быстрее, очертя голову к заветной цели. Меньше всего хлопот доставляли Амадею артисты, призванные сыграть детей Лимпэнг-Танга. С ними достаточно было обсудить общий сценарий выступления, сюжеты отдельных номеров и дать им место для репетиций. Дальше они все делали сами: с пеной у рта ругались с Дамиано по поводу костюмов, до хрипа бранились друг с другом по поводу очередности выходов, безжалостно охаивали все предложенные

Кьярой эскизы декораций, остервенело цапались с Орахой из-за музыки и беспрестанно ныли, что не смогут представить публике даже бледной тени великолепия истинных детей Лимпэнг-Танга. На репетиции, разумеется, времени у них уже не хватало. Исключением была только Дакини; однако же отсутствие слов она возмещала такими убийственными взглядами и жестами, что бедняга Дамиано однажды прибежал к Амадею весь в слезах, дрожа подбородками, жаловаться на очередное поругание своего портновского искусства. Это безобразия продолжалось целую неделю. Дождавшись, когда смятение, недовольство и неуверенность артистов дойдут до точки кипения, Амадей собрал их всех вместе на ночь глядя в северном крыле дворца, в старом зале, которым давно никто не пользовался. Пришедшие порознь, артисты переминались с ноги на ногу, переглядывались, кто-то - кажется, фокусник – предположил, что всех их прямо сейчас закуют в цепи и отправят на галеры за самозванство. Когда собрались все приглашенные, Амадей отодвинул плотный занавес, перегораживавший залу почти наполовину. За ним прятался щедро и без претензий на этикет накрытый стол, расположенный возле невысокого помоста. После того, как гости уселись и опустошили первые бокалы, альбинос встал, требуя внимания.

-У меня есть подарки для вас. – Он улыбнулся, оглядев наконец-то замолчавших артистов. – Возле каждого стоит шкатулка. Откройте их.

Одна за другой постукивали откинутые крышки, и жадные пальцы вытягивали из бархатных гнезд тонкие серебряные цепочки, звякая прикрепленными к ним колокольчиками.

-В левое ухо, дамы и господа. Это важно. – Амадей откровенно любовался тем, как артисты разглядывают серебряные серьги, над которыми королевский ювелир трудился всю ночь накануне, проклиная заказчика и его нетерпение на чем свет стоит. – Было сказано, что Лимпэнг-Танг собственноручно продевал серьги в ухо своим избранникам. Сегодня вы сами окажете честь ушедшему богу, вспомнив о нем и его обычаях. Ну же, смелее. Или кто-то считает себя недостойным?

Менее чем через минуту все серьги были надеты; веселье продолжилось, но уже на какой-то иной ноте, будто не стало за столом чужих, а были только свои, проверенные и достойные. Вскоре Ораха, пришедший вместе с двумя товарищами, поднялся на помост, ведя за собой певицу – ту самую дочь нищего музыканта. И как-то само собой получилось так, что вслед за певицей поднялась Дакини. Она танцевала для тех, с кем ей предстояла весьма нелегкая работа, и делала это так, что ни у кого не осталось ни тени сомнения – она со своей ролью справится.

-А твой приятель смельчак, - кивнул в сторону Рейнара фокусник, молодой шаммахит, обращаясь к Амадею. – Таковую змею у самого сердца пригрел...

И даже не вставая с места, будто между делом, он сложил ладони перед лицом, дунул на них и раскрыл, будто выпуская кого-то на волю - и позади Дакини из пустоты появились два огромных удава, свернувшиеся кольцами. По телам змей пробежали всполохи, плоские головы на длинных шеях покачивались в такт музыке, раздвоенные языки трепетали в воздухе. Дакини, похоже, была только рада такому соседству.

За танцовщицей вышли акробаты, совсем юные, похожие друг на друга как половинки яблока: мало того, что суртонки, которые все на одно лицо, так еще и тройняшки. Сестрички, нимало не смущенные отсутствием нужных им трапедий и растяжек, попросили Ораху аккомпанировать им на том самом диковинном инструменте, похожем на сплюсненную металлическую сферу. Глядя на них, не усидел на месте силач, поднялся на помост и легко подхватил на каждую руку по акробатке, подбросил их в воздух, подал ладонь третьей... они сновали по нему как белки по могучему дубу, выстраивались в пирамиду, крутили сальто, отталкиваясь от широченных мускулистых плеч и буквально складывались у него на сложенных ладонях.

-А мне что, коня сюда привести? – Рейнар с тоской оглядел небольшой помост. – Я тоже хочу выступить!

-Я кое-что для тебя придумал. А пока помоги ей. – Амадей указал ему на бывшую телохранительницу одного очень важного лица из банкирского дома Квиати. Ему стоило немало труда сманить девушку к себе в труппу на роль воительницы. – Ты ведь немного обучен фехтованию?

Получив в ответ возмущенное фырканье, альбинос засмеялся. Похоже, его затея удалась. Артисты, развлекавая сами себя, перестали сомневаться и важничать. Они демонстрировали свои трюки, пели и танцевали до утра, и с этого времени их дело пошло на лад. Репетиционный зал пустовал разве что глубокой ночью.

Что касается гильдейских затей, то как и предсказывал Шеш, с ними пришлось повозиться. Время шло в нескончаемых хлопотах, минуло уже три недели; уже был построен волшебный фонарь небывалых прежде размеров, его предусмотрительно спрятали подальше от любопытных глаз. Кьяра закончила все эскизы картин для него, и теперь несколько художников помогали ей раскрашивать их особыми полупрозрачными красками. Кроме того, девушка делала декорации для главной сцены, для праздника в королевском саду, помогала с оформлением гильдейских повозок и ратушной площади. Ораха пропадал на репетициях, но однажды выкроил время и поделился с Амадеем кое-какими задумками; получил одобрение и продолжил гонять своих музыкантов. Дамиано обшивал артистов и ту знать, которой посчастливилось ему понравиться. У ка-

ждого из них было с десятков помощников, и это не считая поваров, садовников, плотников и прочих рабочих рук.

Амадей крепко держал вожжи майского празднества в руках; конечно, не обходилось без мелких происшествий и неудач. Кто-то падал с лесов, расшибаясь насмерть, кто-то плохо рассчитывал долю пороха для фейерверка и взлетал на воздух вместе со своими шутихами, иные поставщики норовили под шумок сбывать с рук товары поплоше, а то и откровенную дрянь, ну а некоторым попросту нравилось вставлять ему палки в колеса. Но, не без помощи друзей, он пока справлялся.

Апрель перевалил за половину; солнце уже подолгу стояло в небе, хоть и не грея особо, но светя ласково, будто оглаживая лучами терракотовые крыши Трискелиона. Амадей сидел у себя в покоях, разбирая счета, скопившиеся за день.

-Амадей. – На пороге стояла Кьяра; обычно она влетала в комнату как вихрь, сверкая янтарными глазищами и выкрикивая что-нибудь вроде *«ты должен немедленно это увидеть!»* или *«мне что, собственноручно золотить каждую чешуйку этих проклятущих рыбин, почему у всех нормальные помощники, а у меня ленивая скотина?!»*.

-О чем задумалась? Входи уже. - Альбинос кивнул ей, отодвигая бумаги. – Что, опять ювелиры испытывают твоё терпение?

-Амадей. – Кьяра шагнула вперед, закрыла за собой дверь и прижалась к ней спиной. – Приехала моя семья.

-Рад слышать, - юноша вновь потянул к себе бумаги: уже через полчаса его ждали в мастерской, где опять что-то не ладилось с театральными механизмами, а потом была назначена встреча с новым поставщиком циркового такелажа, поскольку прежний попытался всучить такое гнилье, что акробаты непременно убились бы на своих трапециях. - Может, пригласишь их помочь нам? Это было бы очень кстати... - И он заскользил глазами по длинному столбцу цифр.

-Семья приехала по делам гильдии. Моего отца обвинили в воровстве. Его будут судить через неделю. – Ровным, ничего не выражающим голосом сказала Кьяра.

-Что?! – Амадей вскинулся, вытаращил на девушку свои красные глаза. – Что ты говоришь?! Мастера Тавма обвинили в воровстве?

Кьяра кивнула, все так же не отходя от двери.

-Кьяра, последняя собака в городе знает, что скорее королева поклонится дочерям добродетели, чем Ясон Тавма возьмет чужое.

Амадей отшвырнул бумаги, встал, зашагал по комнате.

-Это насквозь лживое обвинение... кто настолько глуп, что огласил его?

-Ка Троголо. – Сквозь зубы ответила девушка. – С недавнего времени он глава нашей гильдии. Да, отец самый лучший гобеленщик в королевстве, но он ни за что не уедет из Влихады. А гильдейский старшина должен жить в столице. К тому же Троголо совсем неплох, - она изо всех сил старалась говорить спокойно, - гобеленщик он так себе, но дело в мастерской у него поставлено как следует.

-Ясно. Что еще тебе известно? Как вообще можно было дать ход такому обвинению? – Амадей схватился за голову, отказываясь верить услышанному.

-Отец выткал гобелен для магистрата Влихады. Это был очень дорогой заказ. Самый дорогой из всех, бывших прежде. И отец не раз говорил, что это его лучшая работа, возможно, последняя из крупных. На гобелене изображена высадка Аригетто Бреттиноро и его альмугавари. Отец сам рисовал картоны, одни только нити подбирал несколько месяцев! – Кьяра говорила быстро, глядя в пол, прижимаясь спиной к двери, будто удерживая ее, не давая открыться и впустить что-то очень страшное. – Для доспехов Аригетто, солнца и бликов на воде, названий кораблей – для этих деталей использовалась крученая с золотом нить. Золото дал магистрат из городской казны. И когда гобелен был закончен, ратман получил первый донос – якобы мастер Тавма украл золото и заменил его дешевым сплавом.

Амадей видел, что глаза Кьяры нехорошо блестят, но голос ее был почти спокоен.

-Потом такой же донос получил глава гильдии, ка Троголо. Он запросил ратмана Влихады, и тот не смог ответить ничего более вразумительного, что работа мастера Тавма прекрасна и заслуживает восхищения, но говорить о наличии или отсутствии в ней золота не представляется возможным. Золотые нити скручены с шелковыми, и разделить их нельзя. Нельзя вычислить их вес и состав, не уничтожив работы. А за нее изрядно заплачено, и магистрат не позволит портить городское имущество.

-Разумно и беззубо. Что было дальше?

-Дальше Троголо высказался в том духе, что подобные подозрения бросают тень на всех мастеров, и ради цеховой чести он обязан довести дело до конца. Он обратился в совет гильдий. Обвинил отца и потребовал суда над ним.

-На основании двух доносов?

-Этого оказалось достаточно. Так красиво Троголо говорил о чести и репутации мастера.

-Кьяра, чем я могу помочь твоей семье? – Амадей подошел к девушке, взял ее за плечи, заглянул в глаза.

-Ничем. – Не отвела взгляд Кьяра. – Второй раз спасти дом Тавма у тебя не выйдет. Суд гильдейских старшин - это тебе не ратманское разбирательство. Отец должен защищаться сам.

-Но как? Кьяра, это суд или судилище? Принц не позволит...

-Позволит. Королевская власть не вмешивается в дела гильдий. Это закон.

-Но Дионин должен знать об этом, я сейчас же расскажу ему!

-Да все уже знают, Амадей. – Кьяра вздохнула и погладила юношу по щеке. – Сначала наше имя трепали во Влихаде, теперь пришла очередь столицы. Такие слухи до ушей принца доносят быстро.

Она на минуту уткнулась лбом в грудь Амадея, он крепко обнял девушку, стараясь унять колотившую ее дрожь.

-Мне пора за работу. – Кьяра отстранилась, подняла голову – ее глаза были совершенно сухими, но блестели так, будто девушку уже неделю трепала болотная лихорадка. - Сегодня мы заканчиваем картины для волшебного фонаря, надо бы сложить их в укромном месте. Мало ли что.

-Хорошо. – Амадей отступил. – Я распоряжусь. Кьяра, прошу тебя, не забывай – ты не одна. Не пытайся в одиночку свернуть гору. Даже безнадежная затея обретает смысл, когда ее разделяют с тобой друзья. И не забудь – завтра тебя ждут оружейники, им нужна модель их передвижного арсенала.

-Будет сделано, - кивнула девушка. – Собственно, модель уже готова. Мне осталось только декорировать ее. Ну, впереди целая ночь. Проведу ее с толком.

И она вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

-Плохххо дело, - Шеш сполз со стопки бумаг на стол. – Совсем нехорошшо.

-Мастер Тавма невиновен. Это так же верно, как... как я не знаю что! – Амадей стукнул кулаком по ладони. – Только вряд ли ему это поможет, так что ли?

-Ахха. – Змей свернулся восьмеркой. – И даже помешшшает.

-Проклятье. Как не во время! Кьяра нужна мне, она мой лучший помощник!

-Эгоисст. – Укоризненно протянул Шеш. – Только о ссебе и думаешшшь.

-Не о себе, - отмахнулся альбинос. – О деле. Что-то мне подсказывает, что так просто все не закончится. Ясон Тавма не жертвенный ягненок, он свой дом в обиду не даст.

-Суд чересс неделю, - ответил змей. – Вот и посмотрим.

Глава четырнадцатая, в которой торжествует справедливость

Еще до суда Амадей нашел время и обсудил невеселые дела дома Тавма с Рейнаром; увы, ничего утешительного они друг другу не сказали. Однако подготовка к празднику подминала Амадея как тяжелое колесо, и он едва успевал делать то, что должен. Поэтому ничего более он не предпринял; да и что он мог? Кьяра каждый день с раннего утра и до позднего вечера проводила во дворце, за работой, на расспросы только коротко кивала: мол, чему быть - того не миновать.

В день заседания гильдейских старшин над Трискелионом собрались совсем не по-весеннему тяжелые тучи, пролившиеся холодным затяжным дождем. Входявшие в ратушу долго отряхивались, бранили погоду и торопились протиснуться к жарко пылающему камину. Главный зал, где заседали старейшины, располагался на втором этаже, занимая его почти целиком. Стены, обшитые темными деревянными панелями, высокий сводчатый потолок, окно, украшенное витражными вставками, длинный стол, жесткие стулья с высокими спинками, - все указывало на серьезность намерений собирающихся здесь людей. Вопреки обычным разбирательствам, на этом присутствовали не только главы и представители гильдий, но также изрядное число высокопоставленных лиц, согласных даже стоять, поскольку зал не мог вместить достаточного количества стульев для всех желающих.

За столом, спинами к окну сидели старшины гильдий, председательствовал избранный ими глава – на этот раз это был ювелир, ка Фарнезе. Семья Тавма сидела вдоль стены, напротив них располагались представители гобеленщиков, далее на неудобных стульях обминали свои зады те, кто успел их занять, остальные довольствовались местами позади. Среди них была и Кьяра Мильфлер, рядом с ней стояли Амадей и Рейнар. Она поначалу направилась было к своей семье, но альбинос незаметно придержал ее за руку; его предупреждающий взгляд напомнил девушке о том, что не имеет более права отвечать за дом Тавма, и она заметно смутилась.

-Старшины гильдий королевства Тринакрия готовы судить по букве закона. – Ювелир, невысокий, быстроглазый, похожий на черную ящерицу человек, стукнул по столу деревянным молоточком. – Сегодня нам предстоит вынести решение по делу гобеленщика Ясона Тавма из Влихады, обвиненного в краже городского имущества. Мы требуем внести в зал предмет, послуживший причиной столь тяжкого обвинения.

Из боковой дверки протиснулись двое слуг, бережно несущих на вытянутых руках свернутый гобелен. Они расправили его и аккуратно прикрепили к заранее поставленному возле стола деревянному экрану.

-Боги, что за работа... - восхищенно протянул самый молодой из старшин, рыжий суконщик. – Ведь ни одного узла не видно! Вот это мастерство...

В зале люди сначала перешептывались и изумленно ахали, однако постепенно говор становился все громче и громче, и, наконец, завершился восторженными рукоплесканиями, выражающими единодушную, искреннюю похвалу. Слуги поворачивали гобелен в разные стороны, давая рассмотреть его всем присутствующим.

Ясон Тавма воистину был лучшим во всем королевстве. Сотканный им многофигурный гобелен был торжественным, праздничным, великолепным – и при этом не терял живости и выразительности изображенных персонажей. На переднем плане отряд альмугавари воздевал к небу свои мечи, отблескивающие золотом в щедрых солнечных лучах. Чуть поодаль, на возвышении стоял сам Аригетто, одну руку протягивая к своим воинам, второй же указывая им на просторы новых земель, которые предстояло завоевать. Его доспехи были вытканы столь искусно, что золотой узор на них казался объемным, он ловил и отражал солнечный свет; шлем Аригетто украшали пышные перья – и внимательный зритель видел, как дыхание близкого моря колышет их. На заднем плане красовались корабли, стоящие на рейде, а от них продолжали отплывать шлюпки.

Солнце, торжество, победа, слава – люди повторяли эти слова, приходившие на ум при созерцании работы Ясона Тавма.

-Довольно. – Пристукнул молоточком по столу глава собрания. – Мы собрались не для того, что восхвалять мастерство Ясона Тавма, хотя оно определенно того заслуживает. Ка Троголо, вы обратились в совет гильдий. В чем вы обвиняете ка Тавма?

Троголо не спеша поднялся со стула, расправил свой дорогой, вышитый шелковым шнуром плащ, поклонился собравшимся. Он ничуть не изменился с того дня, когда Амадей впервые увидел его в «Резвом челноке»: все то же округлое лицо с невысоким лбом и сытыми щеками, глубоко посаженные, светлые, честные глаза – но чем дольше вы смотрели в них, тем неприятнее вам становилось. Возможно, от того, что настоящий взгляд этого человека был очень глубоко спрятан, и не было в нем ни света, ни чести.

-Мессеры, я должен сказать, что беспредельно восхищаюсь мастерством ка Тавма. Тем большую боль причиняет мне та правда, которую я обязан обнаружить.

-С каких это пор клевета носит гордое имя правды? – Ни к кому не обращаясь, но достаточно громко, чтобы услышали все собравшиеся в зале, спросил Рейнар, демонстративно положив руку на рукоять легкого меча. – Вопрос риторический, ка Троголо, и ответа не требует. Пока не требует.

Не обратив внимания на эту реплику, обвиняющий продолжил.

-Честь гильдии стоит дороже любого ее члена, сколь талантлив бы он не был. Мне стало известно, что золото, отпущенное магистратом Влихады на украшение гобелена, было присвоено мастером Тавма.

Троголо удрученно вздохнул, склонил голову и заговорил, будто через силу.

-Доказать как вину, так и непричастность мастера в этом случае крайне сложно. Даже если мы возьмем пробы золотой нити, это ничего не даст, поскольку в отдельных местах мастер мог использовать и настоящее золото, чтобы ввести заказчика в заблуждение.

-Получается, у вас нет ни доказательств, ни имен сообщников? – Глава стеклодувов, седой, тяжело дышащий старик, недовольно скривил запавший рот. – Но так любого из нас можно обвинить в чем угодно!

-Разумеется, человек, сообщивший о присвоении золота, желал оставаться неизвестным. Ибо он изготовил и продал ка Тавма тот самый сплав, который и пошел на гобелен. Однако мне удалось уговорить его открыть свое имя. Ведь изготовление фальшивого золота само по себе не является преступлением, преступлением становится его использование.

Эти слова пролились как дурно пахнущее, мутное масло, растеклись липкой лужей, оскверняя слух всех собравшихся.

Троголо обернулся и указал на сидящего рядом с гобеленщиками нескладного, высоченного юношу, сутулящегося на жестком стуле.

-Рико служил подмастерьем у ка Эльслера, и не так давно открыл собственную мастерскую. Заказов у него пока негусто, так что за работу для самого ка Тавма он принялся с радостью. Однако совесть не давала ему покоя и побудила поделаться подозрениями со мной. Рико написал мне, что изготовил столько же фальшивого золота, сколько было отпущено городской казной – два слитка. Если принять во внимание, что за день до этого я получил сообщение от неизвестного доброжелателя о том, что казенное золото присвоено домом Тавма, никаких сомнений в виновности последнего не остается.

Троголо скорбно возвел глаза к потолку и умолк.

-Что скажете, ка Тавма? – Обратился к гобеленщику председатель собрания.

Ясон Тавма легко встал, поклонился старшинам, пригладил бороду и пристально посмотрел на юношу, который выглядел как оседланная корова посреди ристалища.

-Проснувшаяся совесть – это замечательно, Рико. Только ты уж проследи, чтобы она более не засыпала. Мессеры, я не в первый раз заказываю фальшивое золото, как и многие гобеленщики, обучающие подмастерьев. На этом бросовом материале они учатся работать, тянуть нить, сплести ее с шелком, а потом и ткать с ней. Вот ваши ученики, как Фарнезе, работают сначала с хрусталем и кварцами, - обратился он к ювелиру, - и лишь потом им доверяют настоящие драгоценности. Так и в нашем деле. Если бы я знал, то привез бы вам остатки тех слитков, равно как и работы моих учеников. Сомневаюсь, однако, что это убедило бы как Троголо.

-Увы, это так. – Троголо удрученно развел руками. – Слишком явное совпадение я вижу. К тому же имя вашей семьи в последнее время слишком часто звучало в судебных разбирательствах, будь то разбойные нападения, - и он с укоризной посмотрел на Ставроса, - или неподобающее поведение. – Кьяру он демонстративно игнорировал. - Налицо все признаки упадка. К тому же все эти инциденты были слишком быстро замяты, что невозможно без значительных трат.

Амадей отчетливо видел, как у Троголо изо рта тянется липкая, белесая нить правдоподобной лжи, опутывающая людей мягкими петлями, заклеивающая их уши так, чтобы ни слова правды не смогло пробиться к ним.

-Это лишнее, как Троголо, - поморщился председатель. – Семейные обстоятельства нас не касаются.

-Мессеры, я прошу вас со всей строгостью отнестись к этому делу. Если под сомнение поставлена репутация лучшего из нас, что остается делать остальным? – И Троголо возвысил голос, зазвучавший требовательно и сурово. - Ясон Тавма должен либо убедительно опровергнуть обвинения в воровстве, здесь и сейчас, либо навсегда отойти от дел.

-Что?! – Ставрос вскочил, с грохотом опрокинув тяжелый стул. - Да как ты смеешь?!

-Ставрос, сядь. – Не оборачиваясь, негромко приказал ему отец. – Это мое дело.

Цедя сквозь зубы проклятия, Ставрос подчинился.

Старшины переглянулись, кто-то торопливо шептал на ухо соседу, кто-то кивал сам себе.

-Требование как Троголо справедливо, - пожевав сизыми губами, высказался глава цеха портных. – Если ты лучший в своем деле – изволь соответствовать во всем.

-Поддерживаю. – Неохотно качнул тяжелой головой старый каменщик. – Негоже первому в гильдии мастеру быть под подозрением.

-Согласен. – Оружейник с нескрываемым сожалением смотрел на гобелен; брызги поднятой грязи не долетали до него, и он сиял в первозданной чистоте и великолепии. – Прекрасная работа, но цена материала неоспорима. Ваше дело оправдаться, ка Тавма, иначе... - и он, не договаривая, умолк.

-Как же мне оправдаться, мессеры? – Негромко спросил мастер, обводя взглядом старшин. – Даже если я использовал дешевый сплав... да, я распушу гобелен и разберу его по нитке, но это займет не одну неделю, а за такой срок легко можно собрать искомое золото и представить его вам как доказательство своей правоты. Но ведь ка Троголо не допустит такого, верно? А я не допущу, чтобы к моему гобелену прикасались руки хоть кого-то из его мастерской.

Зал затянуло тягостной тишиной. Вроде и были дороги из выморочного, подло скрученного лабиринта, но ни одна из них не вела к выходу.

-Мастер Тавма, да вы в своем ли уме?

На этот голос, язвительный и громкий, обернулись все.

Заговоривший до этого момента неприметно стоял в углу; он был невысок и даже тщедушен, но обладал таким огромным, да еще и сломанным носом, что люди невольно проникались к нему неким почтением. Человек быстро прошел сквозь расступившуюся толпу и уверенно заговорил, посверкивая черными бусинами глаз на старшин.

- Вот я возьму и скажу сейчас, что вы, ка Фарнезе, тоже крадете у своих заказчиков золото, да еще и проклинаете каждое обручальное колечко, вышедшее из вашей мастерской. А вы, ка Треви, - и длинный палец носатого ткнул в почтенного пухлого мебельщика, - берете для набивки кресел резаные саваны из приюта для прокаженных.

Собравшиеся в зале зашумели, названные поименно запротестовали, возмущенно размахивая рукавами.

-А почему бы и нет? Вполне возможно. Не более и не менее чем воровство Ясона Тавма. Да этот праведник скорее свое приложит, чем чужое возьмет.

И Гарида, которого никогда не волновало мнение большинства – поскольку он считал всех, кроме себя, болванами - презрительно усмехнулся.

-Что вы так носитесь с этой вашей репутацией? Бросьте, мастер, уезжайте в свою Влихаду и продолжайте работать. Ручаюсь, после этого спектакля у вас заказов еще и прибавится.

-Спасибо тебе на добром слове, Гарида, - улыбнулся в бороду гобеленщик, - но боюсь, последовать твоему совету я не смогу. Хотя он определенно хорош.

-Ка Гарида, - вкрадчиво обратился к носатому Троголо, - если память не подводит меня, то вам пришлось уйти из мастерской Тавма из-за... воровства? Не так ли?

Гильдейские старшины переглянулись: вот ведь незадача, даже появление нежданного защитника Троголо сумел вывернуть с выгодой для себя.

-Довольно. – Громко и решительно сказал Ясон Тавма. – Словами тут не можешь, это сразу было понятно. Я должен снять с себя все подозрения, причем немедленно и прилюдно. Или отправиться на покой прежде времени, да еще и оставив своим детям бесславное имя. Не бывать этому.

Он подошел к окну, распахнул обе створки и негромко позвал, окликнул кого-то, затаившегося в дожде:

-Входи, время пришло.

И отошел в сторону. Первые минуты ничего не происходило, и только Амадей почувствовал неладное, недобрую силу, приближающуюся к людям.

Капли дождя разбивались о каменный подоконник, ветер забрасывал их в комнату, задувал сыростью и холодом. И вдруг оконные створки закрылись, будто невидимая рука потянула их за собой.

-Дождь в апреле – цветы в мае, - раздался нежный, мелодичный голос, от которого у Амадея зашевелились волосы на затылке. – Ка Тавма, вы поможете мне?

И на подоконнике появилась девушка в длинном, белоснежном платье. Ее темно-зеленые волосы, перевитые серебряными лентами, спускались ниже пояса, а лицо было спрятано под лепестками шапочки, сделанной из большого цветка белого колокольчика. На виду была оставлена только улыбка, но и ее хватило, чтобы все собравшиеся ощутили холодок в сердце и внезапно затосковали о чем-то небывалом. Ясон Тавма с поклоном протянул девушке руку, и она, почти не опираясь на нее, легко спрыгнула с окна на пол.

-Похоже, вам не обойтись без моей помощи. – С сожалением сказала девушка, подходя к гобелену. – Поверьте, мне очень жаль. Я предпочла бы промокнуть насквозь, прождать напрасно и уйти восвояси, не услышав вашего приглашения.

-Ничего не поделаешь, госпожа. – Ясон развел руками. - Я прошу вас – исполните то, что обещали. Не имеет значения, как. В моей работе не должно остаться ни одной золотой нити.

Девушка молча кивнула, подошла к деревянному экрану и протянула руки к разноцветной ткани.

-Ай! – Резкая боль заставила ее отдернуть пальцы от гобелена, но она продолжала держать ладонь почти вплотную к нитям. Было видно, что это дается ей нелегко. И вот стоящий рядом мастер увидел, как от ткани отделяется

сияющая нить и повисает в воздухе, удерживаемая волшебством госпожи цветов. Затаив дыхание, люди смотрели, как напротив гобелена возникает почти полный его двойник, только вытканый тонкой солнечной нитью. Там, где золотое шитье было особенно плотным, девушка подносила к ткани сложенные лодочкой ладони, и иногда вздрагивала от боли. Наконец она устало опустила руки, отошла в сторону и повернулась лицом к мастеру.

-Ваша работа чиста, ка Тавма.

Солнечный, сверкающий, сквозной двойник гобелена несколько минут висел в воздухе, позволяя собой налюбоваться, а затем с тихим шелестом осыпался на пол. Не говоря ни слова, Ясон Тавма сгреб, смял золотые нити в ком и протянул его ювелиру Фарнезе.

-Прошу вас, ка Фарнезе, взвесьте и проверьте состав.

-Да-да, разумеется, - очнувшись, растерянно закивал головой тот, – немедленно все сделаю.

Он махнул рукой своему помощнику, тот кинулся опростетью из зала и почти тут же вернулся, таща весы и укладку с реактивами. Несколько минут ювелиру хватило, чтобы капнуть на золотой клубок чем-то раз, другой, и объявить:

-Чистое золото. Отличное качество.

Тут же он положил блестящую проволоку на одну чашу весов, а на другую – гирьку, соответствующую весу двух слитков. И недоуменно уставился на темный металлический цилиндр, неуклонно плывущий вверх.

-Ну, что я вам говорил? – Засмеялся, но как-то очень невесело, Гариди, пробравшийся вплотную к столу. – Свое приложит – это про него. Что, мастер, на доспехи Аригетто не хватало?

-Как раз на доспехи хватало. – Рассеянно ответил гобеленщик. – А вот на солнце уже не очень.

-Мастер Тавма, - ювелир снял золото с весов, осторожно положил перед собой на стол, - я уверен, что никаких сомнений в вашей безупречной честности ни у кого не осталось. Имя вашего дома и впредь будет образцом высокого мастерства и самых похвальных душевных качеств. – И он решительно стукнул по столу молоточком, бросив неприязненный взгляд в сторону притихшего Троголо.

Собравшиеся одобрительно, но сдержанно зашумели, явно довольные таким исходом дела, кто-то хлопал в ладоши, кто-то выкрикивал ободряющие слова; ничего, что гобелен утратил долю своего блеска, зато он стал частью такой истории, что сияние ему обеспечено и без золота.

-Ясон Тавма! – прохладный, нежный голос заставил всех замолчать. – Я надеюсь, вы не забыли о том, что обещали расплатиться со мной. Или предпочитаете остаться у меня в долгу?

Госпожа цветов стояла рядом со столом старшин, и в то же время словно находилась где-то далеко-далеко, только притворяясь частью мира людей, обманывая кратко живущих своим мнимым присутствием.

-Нет, только не это. – Гобеленщик решительно повернулся к той, что пришла из страны под холмами. – Я готов расплатиться.

-Я спасла от поругания имя вашего дома – имя, что долго еще будет сиять чище и ярче этой мишуры, - и она небрежно махнула рукой в сторону клубка золотых нитей. - Взамен я заберу самое дорогое, что принадлежит лично вам, Ясон Тавма. Это честная сделка. – И она улыбнулась, показав свои белые острые зубы.

В тишине, нарушаемой лишь монотонными мольбами дождя, госпожа цветов шагнула к мастеру. И Амадей увидел, как он улыбнулся ей – сначала застенчиво, уголком рта, а потом открыто и радостно. Так окруженный воин, подняв забрало, улыбается в сотни раз превосходящему его врагу. Он сделал то, что должен был сделать, и готов принять все, что последует.

Госпожа цветов подошла так близко к мастеру Тавма, что, вытянув руку, он мог бы потрогать ее зеленые волосы. Она подняла лицо к человеку и развернула лепестки своей цветочной шапочки так, чтобы он мог взглянуть ей в глаза.

В то же мгновение Амадея накрыло волной ледяной, беспредельной, неутолимой ненависти; тлетворное дыхание Матушки Порчи показалось ему теперь не более чем детской страшилкой. Он схватился за плечо Рейнара, чтобы не упасть, вцепился зубами в собственные пальцы, чтобы не закричать в голос от боли и страха. Сам же Рейнар – как и остальные люди в зале – окаменел, не двигался и даже не дышал.

Ясон Тавма смотрел на госпожу цветов, не меняясь в лице, не слабая, и только Амадей видел, как гаснут его глаза. Сначала они просто побледнели, выцветли, как выцветает небо перед закатом, а потом свет покинул их навсегда. В глазницах человека, потрескивая, смерзлся бесцветный лед.

Мастер пошатнулся, и Амадей бросился к нему, расталкивая бесчувственных людей, забыв свой ужас перед тем, что смотрело из-под нежных цветочных лепестков и было страшнее самой смерти. Он успел поймать простертую в пустоту руку Ясона Тавма, поддержал ослепшего, и они устояли. Воздух вокруг них был невыносимо холодным и разреженным, на вдохе нещадно обжигал легкие, а на выдохе норовил вытянуть из людей все их тепло.

Госпожа цветов отвернулась и поспешно опустила лепестки колокольчика, пряча от Амадея свой взгляд.

-Это несправедливо. – Задыхаясь, выговорил Амадей.

-Нет. Это всего лишь жестоко, - повернулась к нему госпожа; она вновь улыбалась – тонкой, дразнящей улыбкой.

-Зачем тебе его глаза? – Альбинос смотрел на девушку хогменов со все возрастающей злобой, казалось, что его красный взгляд оставляет ожоги на ее нежной коже. – Зачем?! Мало тебе своих? Ты же убила его!

-Не дерзи мне, мальчик, - госпожа цветов погрозила Амадею тонким пальцем. – Пора бы тебе усвоить: не бывало еще такого, чтобы человек выиграл в сделке с хогменом. Так было от начала времен. Так оно и останется, пока стоит мир.

Она отступила на шаг и изящно поклонилась.

-Мастер Тавма, ваши глаза теперь у меня. Если это хоть немного утешит вас – знайте, я буду хранить их как настоящую драгоценность. А теперь прощайте, и пусть жизнь ваша будет недолгой, ибо отныне в ней не будет радости. А без нее зачем жить человеку? – И госпожа цветов засмеялась.

Она подошла к окну, створки которого распахнулись по ее воле. Люди в зале начали приходить в себя, они запоздало вскрикивали, кто-то плакал навзрыд, старшина ювелиров потерял сознание, бессильно обмяк на стуле, и молоточек, выпавший из его руки, звонко стукнулся о каменный пол. А госпожа цветов поманила к себе дождь, втянула его в комнату, и он послушно лег к ее ногам, как летающий ковер из шаммахитских сказок. Она поставила ножку на серую кисею дождя и оглянулась, посылая Амадею прощальную улыбку.

Освободившаяся от злых чар Кьяра подбежала к отцу и, увидев его глаза, отшатнулась в ужасе.

-Нет, только не так... пожалуйста, не надо... - Дрожащими пальцами она потянулась к безжизненному, мутно-белому льду под заиндевевшими отцовскими бровями, не смогла прикоснуться к нему, опустила руки и жалобно заплакала.

-Возьми себя в руки. - Амадей больно стиснул ее плечо. - Ты дочь Ясона Тавма, так не подведи его. Или хочешь украсить ее торжество своими слезами? Да она себе из них ожерелье нанижет!

Кьяра медленно высвободилась, вытерла ладонью щеки и повернулась лицом к стоящей на дожде.

-Клянусь... придет и твой черед, и я увижу твои кровавые слезы.

-О, как прекрасно сказано, Мильфлер! – Захлопала в ладоши госпожа цветов. – Когда-нибудь мы непременно встретимся!

Дождь поднял ее над полом, вынес в окно, и через мгновение легкая фигурка истаяла в серой мгле.

-Я здесь, отец. – Кьяра прижалась к мастеру Тавма, вцепилась в его рукава, а он обнимал ее, гладил по голове, утешая свою самую любимую.

Надо отдать должное Ставросу – обычно такой несдержанный, норвящий с места вцепиться в горло, он сохранил спокойствие и сделал все, чтобы его отца оставили в покое. Он быстро вывел свою семью из зала, где слишком многие хотели выразить свое сочувствие. Рейнар, Амадей и несколько человек из гильдии gobеленщиков помогли ему, и вскоре карета увезла семью Тавма подальше от любопытных.

-Что за день, мать его. – Рейнар посмотрел из-под низко надвинутого капюшона на хнычущее небо, плюнул и выругался. – Да пропади все пропадом!

Ратуша уже опустела; разошлись удрученные старшины, куда-то исчез Троголо со своими прихвостнями. Gobелен и золото под охраной отправили в гильдию gobеленщиков, чтобы те вернули их магистрату Влихады. Друзья стояли, не глядя друг на друга, не решаясь говорить и не в силах молчать.

-Гнусная погодка, мессеры. – Откуда-то из-за угла вынырнул Гарида, кутаясь в дырявый плащ. – Как раз под стать этому поганому суду. Проклятье, какого мастера загубили!

И он ожесточенно пнул лужу, взорвавшуюся в ответ веером брызг.

-Однако хватит тут мокнуть. Пошли в «Челнок». Я надеюсь, ка Амадей, в этот раз вы не станете ломать мое единственное сокровище, - и Гарида с любовью огладил свой нос, - равно как и пинать меня по яйцам.

-Если не будешь пытаться меня прирезать, то почему бы и нет, - пожал плечами Амадей.

-Тогда идем, пока нас дождем в канаву не смыло. Как подумаю, что глаза мастера теперь у хогменов, так впору на стену лезть. Кто знает, что они с их помощью сотворить смогут... - И Гарида, набросив на голову драные остатки капюшона, поспешил в родную таверну.

Уже усевшись за столом, поближе к пышущему жаром камину, и опустошив первый кувшин подогретого вина, они впервые открыто посмотрели друг на друга.

-Слушай, Гарида, а с какого ты вдруг своего бывшего мэтра защищать бросился? – Спросил Рейнар, щурясь на пламя свечей.

-Я? Защищать? - Гарида хмыкнул. – Защищают слабых. Тавма и слабость – они, знаешь ли, и рядом не стояли. Я глупости не терплю, как услышу - прямо сам не свой становлюсь. А, да что толку. Выпьем-ка лучше еще. Что-то я никак не согреюсь. По ногам холодом тянет, как и не весна.

Входная дверь наотмашь распахнулась, чуть не опрокинув хозяина с полным подносом посуды. В «Резвый челнок» влетел его сын, крепыш лет семи, коренастый и краснощекий.

-Куда прешь, оглоед? – Привычно рявкнул трактирщик. – Совсем страх потерял?

-Пап, там везде лед! – Восторженно завопил в ответ мальчишка. – Все замерзло! Я от самого фонтана катился!

У парня радости было, что называется, полные штаны; сообщив новость, он тут же шмыгнул за дверь, чтобы с десятком таких же оглоедов раскатывать дорожки на обледеневшей улице.

Несколько посетителей поднялись и выглянули за дверь, не устоял и сам хозяин.

-И правда, все льдом прихватило. С утра лило как из ведра, и вдруг такое, - неодобрительно качая головой, сообщил он и удалился за стойку. – Так будет весна в этом году или нет, а? – Спросил он у бочонка с пивом и принялся ополаскивать и вытирать кружки.

Когда Амадей вернулся во дворец, было уже за полночь. Стемнело той прозрачной, лиловой темнотой, какая бывает в конце апреля. Юноша открыл окно и выглянул в сад. Деревья поблескивали в лунном свете, облитые льдом, похожие на хрустальные друзья; тянуло холодом – не бодрящей прохладой весенней ночи, а бесстрастным дыханием зимы. И по всему саду метались огни – это садовники с факелами и проклятиями бегали, пытаясь спасти своих питомцев: укрыть, согреть, унести.

-Шеш, - шепотом позвал Амадей, подняв к лицу руку, - это же не навсегда?

Фамилиар долго молчал, потом повернул голову и посмотрел на юношу.

-Я не знаю. – Признался он. – Совсем плохи дела у моих сородичей. Нет, Амадей, они не в силах повернуть год вспять, и за апрелем не придет декабрь. Но насыпать заморозки один за другим, не давая земле вдохнуть полной грудью – это они могут. И заставить цветы чернеть и замертво ложиться на землю – тоже могут. И забирать у людей самое лучшее – это для нас легче легкого.

-Но зачем? – Амадей закрыл окно и подошел к камину, где теплился под слоем золы огонь, подложил хворост, раздул пламя и придвинул к нему массивное, лежавшее в глубине полено. – Ты сказал, плохи дела. Но при чем тут люди? Какой вам толк в наших бедах?

-Сам узнаешь. – Вздохнул Шеш. – Скоро уже.

Глава пятнадцатая, в которой, наконец, случается праздник

Ты можешь не волноваться, любезный мой читатель, заморозок, упавший на землю Тринакрии, не был долгим. Как пощечина, он больно хлестнул привыкшие к теплу земли и уже через день растаял под лучами южного солнца, возмущенного таким злодеянием. Все приготовления к празднику Майского Древа были закончены – насколько возможно закончить подобные приготовления, Трискелион вострепнулся в предвкушении новых ощущений. Постоялые дворы были уже переполнены, а потоки гостей продолжали вливаться во все городские ворота, королевский дворец гудел как улей, и даже самый последний нищий раздувал щеки от гордости за столичную роскошь.

Амадей, вопреки повсеместно наступившему хаосу, был абсолютно спокоен; он был уверен в своих помощниках – и в первую очередь, в Кьяре Мильфлер, которая справлялась с таким количеством поручений, что и три опытных декоратора сбились бы с ног. Она вновь переселилась во дворец и, по мнению окружающих, вовсе не ела и не спала, насыщаясь и отдыхая работой. Амадей оставил в полное ее распоряжение украшение садового павильона, выстроенного для королевского пира, и предоставил свободу в создании картин для еще одного волшебного фонаря, спрятанного в саду. Девушка отнюдь не протестовала, напротив, заканчивая одно дело, она уже начинала другое.

Дамиано и Ораха полладили с самого начала; Дамиано звучал для музыканта на два голоса, а кроме того, сшил ему такой наряд, что сам, увидев дело рук своих, в приступе восторга чуть не порвал портновский сантиметр. Облаченный в черное, лазоревое и золотое, музыкант выглядел как молодой бог, забавы ради взявший в руки виолу.

-Вот это да, - сказал он, озирая себя в ростовое зеркало, - неужели это я?

С госпожой Лю Пин Амадею пришлось поспорить всего раз, и этого вполне хватило, чтобы в дальнейшем спокойно договариваться обо всем, что касалось дворцовых трапез. Они единодушно сошлись на том, что молодая птица будет играть заглавную роль на праздничном садовом ужине, и что настало время вспомнить старый суртонский рецепт императорского жаркого.

-Вынуть из крупной вяленой сливы косточку и заменить ее кроличьим языком, - полузакрыв и без того узенькие глазки, перечисляла повариха, - сливу положить в хорошенько выпотрошенного жаворонка, предварительно растерев его морской солью с медом. Жаворонка поместить в перепела, перепела в куропатку, куропатку – в фазана. И пусть он найдет себе убежище в некрупной индейке, хорошенько посыпанной белым перцем как изнутри, так и снаружи. А уж потом приготовить молочного поросенка, вынуть из него все кости, пропа-

рить над кипящими сливками – и отправить индейку в поросенка, а его самого на вертел.

-Потрясающе, - кивнул Амадей. – А ее величеству подавать только язык в сливе, и немного сока со всего жаркого. Она оценит.

-И свежую спаржу. – Со знанием дела кивнула Лю Пин.

Она так прониклась идеями Амадея, что разрешила ему почти опустошить свои запасы засахаренных фруктов для того, чтобы он мог увешать ими деревья, окружающие аллею, ведущую к королевскому павильону. «Расточительство в чистом виде, - ворчала повариха, - но их давно пора пустить в ход, иначе залежатся до плесени».

Артисты, собранные Амадеем по всему Трискелиону, вели себя как бабочки в горсти: метались, трепетали и жаждали вырваться, чтобы явить себя миру во всем великолепии. Одним словом, праздник пора было вынимать из печи и подавать на стол.

Накануне Амадей был призван в покои королевы; рядом с Фьяметтой сидел ее внук и, в виде особой милости, держал на коленях циморила, на этот раз светло-серого.

-Ты поднял на дыбы весь мой город, - с удовольствием констатировала королева. – Гильдии из кожи вон вылезли, чтобы перещеголять друг друга. Они даже шпионов друг к дружке засылали, чтобы выведать, какой у соседей выезд. Посольства переполнены как рассольные бочки в порту, всякому хочется посмотреть, как веселится Трискелион. Дошло до того, что тюремные камеры – те, что наверху, разумеется – сдают как комнаты для приезжих.

-Ходят слухи, - добавил Дионин, - что во время большого представления выпустят настоящего дракона.

-И поговаривают, будто принцев альбинос призвал духов, чтобы они развлекали горожан.

Королева и принц переглянулись: они действительно были довольны тем, как оживилась столица, в последние годы несколько утратившая былой блеск и задремавшая.

-На королевском празднике скромность неуместна. - Поклонился Амадей.

-Только смотри у меня, - погрозила пальцем Фьяметта, - никаких сюрпризов. Терпеть их не могу. Что прописал, - и она кивнула на лежащий перед ней лист бумаги, исписанный от и до, - того и придерживайся.

Дионин и Амадей переглянулись.

-Ох, да знаю я о вашей затее, - снисходительно бросила королева. – Как дети малые. Мало вам всем управлять, так еще и лично поучаствовать хочется. Что ж, играйтесь, пока можете.

День праздника Майского древа задался с самого начала: небо, раскинувшееся над столицей, было ликующе голубого цвета, ни единого облачка не было видно до самого горизонта. Воздух был так прозрачен и чист, что с вершины горы, со смотровой башни гарнизона альмугавари можно было разглядеть море с южной стороны побережья. Солнце щедро золотило крыши Трискелиона, теплый ветер нес ароматы цветов из окрестных долин.

-Вссе готово, - на этот раз Шеш обвивал шею Амадея. – Вссе на своих местах, и шшшдут только тебя. Покашши им, на шшшто годишьсся.

И в качестве ободрения легонько укусил юношу за мочку уха.

Амадей еще раз оглядел себя в зеркало: вот и пригодился синий плащ, подаренный Дамиано. Он заколол его на плече аграфом, похожим на разломанный плод граната, и в глазах альбиноса вспыхнули ответные красные огни. Взял со стола жезл мастера ритуалов и отсалютовал своему отражению.

-Я – душа Праздника. – Юноша торжествующе улыбнулся и убрал жезл за пояс.

На улицах и площадях Трискелиона было весело и шумно как при сотворении мира; каждый хозяин счел первейшим долгом украсить фасад своего дома цветочными гирляндами, коврами, лентами, но все-таки лучшими украшениями были женские половины дома, разряженные в пух и прах, восседавшие на балконах, выглядывающие из окон, стоящие у дверей. Торговцы сладостями и замороженным вином сновали в толпе, и не испытывали недостатка в покупателях. То и дело вспыхивали перепалки: кто-то кому-то наступил на платье, или не вовремя перешел дорогу, а то и подмигнул чужой жене – но все они мгновенно разрешались смехом, рукопожатиями и совместным распитием чьей-нибудь фляги.

Около трех часов пополудни в Трискелионе начались шествия гильдий. И вот тут стало понятно, что тщеславию людскому нет предела, равно как и фантазии, подкрепленной деньгами. С разных концов города, с площадей и из уличных тупиков, начинали свой путь разукрашенные повозки, сопровождаемые чуть ли не всеми гильдейскими. Впереди повозки верхом ехали старшина с казначеем и хранителем секретов мастерства. А за ними, влекомые лошадьми-тяжеловозами, двигались удивительные сооружения, изображающие славу и гордость гильдии.

У столяров это была огромная кровать, с резными столбиками и изголовьем, на которой в легких цветных камизах лежали и сидели самые красивые девушки из гильдейских семей. Надо ли говорить, что какой бы искусной не была работа столяров, все равно все восторги доставались их дочерям и сестрам - кото-

рые были чудо как хороши. Портные превратили свой выход в настоящую цветочную клумбу, где цвели гильдейские же девушки в нарядах, сшитых в подражание природе. По краям повозки, за плетеными из лозы боковинами, в ворохе обрезков зеленого бархата сидела вереница маленьких девчушек, наряженных в трехцветные платица из желтого, фиолетового и сиреневого атласа и весьма убедительно изображающих маленькие цветочки, называемые сладкими обещаниями. За ними ярусами следовали платья-анемоны, платья-солнцецветы и еще десятки других нарядов. А на вершине клумбы цвело бело-розовое платье, разворачивающееся десятками шелковых отворотов с искусно слоеными краями. Это была роза – и, разумеется, самая красивая девушка гильдии (внучка старшины, но при ее фигуре это было простительно).

Повозку оружейников с трудом сдвинула с места четверка крепких тяжело-возов. На ней сменяли друг друга два воина в доспехах, два фехтовальщика, метатели ножей; выкованные мастерами гильдии мечи резали подброшенные шелковые шарфы, ножи в умелых руках взлетали в воздух серебряной стаей и втыкались точно по окружности деревянного щита. Мальчишки всего города следовали за повозкой, вереща от восторга и почитая за высшее счастье, если сильные, жесткие руки подхватывали их, поднимали наверх и мастер позволял подать ему оружие или убрать его на стойку.

Повозку пекарей везли лошади белые как мука, а на ней возвышалась каменная печь, в которой непрерывно пеклись пирожки со всевозможными начинками – и, с пылу с жару, летели в толпу. Сами пекари, наряженные в белые рубахи, фартуки и колпаки, румяные и довольные, не отказывали себе в удовольствии кинуть в воздух пригоршню-другую муки, отчего повозка была окружена облаком белой пыли, пронизанной золотыми солнечными лучами.

Таких шествий было более двух десятков; они наполнили улицы Трискелиона роскошью, щедростью и весельем. Причем это касалось не только половины Полудня – гильдии сочли своим долгом обойти весь город, включая и полуночную сторону.

Около семи часов пополудни гильдии, вдоволь нарасовавшись, собрались по краям ратушной площади. Толпа прихлынула как морской прибой, желая новых небывалых зрелищ.

На площади, возле серой стены ратушной колокольни, была выстроена высокая сцена, к которой вели три помоста. Один, что покороче, заходил в полотняный шатер, второй такой же переходил в примыкающее к сцене возвышение для музыкантов, а тот, что подлиннее, шел почти до середины площади. Над всем открытым пространством были натянуты сложные веревочные конструкции, над которыми в последнюю неделю трудились лучшие такелажные масте-

ра, вызванные из Гринстона. Они крепились к крышам домов, к самой колокольне, и к нескольким специально возведенным колоннам. Тут и там были натянуты полотняные навесы, прогибающиеся под грузом цветочных лепестков – в нужный момент знающие руки распустят пару узлов, и на головы горожан просыплется цветочный дождь. Эти же руки будут управлять перемещениями воздушных гимнастов над толпой, и еще многими секретами праздника.

На крыше дома, расположенного напротив сцены, под разукрашенным навесом был спрятан волшебный фонарь и те, кто им управлял; до последнего часа выход на крышу строго охраняли, но сейчас стража попросту расселась на краю, заполучив места с прекрасным обзором.

Сам Амадей стоял рядом с ними: не было места, откуда лучше просматривались бы площадь и сцена, а чтобы быстро сообщить что-то, у него под рукой был Сардинка и его дружки. Дождавшись, когда ратушные часы отзвонили семь раз, Амадей выпрямился и поднял жезл мастера ритуалов, подавая сигнал давно ожидающим его артистам.

Все началось с музыки.

Где-то в путанице переулков раздался барабанный бой, будто забилося сердце Трискелиона. Сначала тихий, он становился все громче, и вот на площадь вышли музыканты с Орахой во главе. Они шли, окруженные служителями праздника, одетыми причудливо, ярко и разнузданно. Служители несли высокие жезлы, похожие на древки копий, увитые цветочными гирляндами и увенчанные кедровыми шишками; они потрясали ими, стучали по мостовой, вторя музыке барабанов и трещоток. Сопровождаемые радостными воплями толпы, музыканты прошли по длинному помосту до середины и остановились по приказу Орахи. В нахлынувшей тишине он достал из-за пояса дудочку и сыграл несложный пастуший мотив, который испокон века наполнял просторы полей Тринакрии. Сыграл и прислушался, оглядываясь вокруг. В ответ на его призыв чуть ли не с небес прозвучал звонкий девичий голос, повторивший мелодию. Ораха вновь заиграл, и в этот момент из самого высокого ратушного окна буквально выпорхнула певица: сидя на тонкой перекладине, она обеими руками держалась за веревки, на которых та крепилась к направляющей снасти. Она летела над головами зрителей как птичка на зов птицелова.

Повинуясь расчетам и силе управляющих рук, воздушные качели замедлили свой ход прямо над помостом, и певица плавно опустилась в руки Орахи. И вновь запела – на этот раз радостную, звучную песню, вторя которой загрохотали барабаны. Процессия прошла весь помост, сцену, поднялась на возвышение, где музыканты и расположились, не переставая играть.

Как только Ораха изменил ритм мелодии, от некоторых разукрашенных повозок стали отделяться до этого времени спрятанные под конструкциями фигуры. Оружейники поколдовали над изогнутыми полыми прутьями, и они обернулись двойным колесом в рост человека с несколькими поперечинами между ободьями и небольшими ручками на них. Один из гильдейских наездников снял капюшон, и на солнце загорелись непокорные рыжие волосы, торчащие в разные стороны; его кожаная безрукавка была украшена золотыми накладками, равно как и широкие наручи. Он подтолкнул колесо, и оно покатило между расступающимися перед Рейнаром Бреттиноро людьми. Вкатив колесо на помост, Рейнар примерился, встал в колесо и покатило в нем прямо на сцену.

Из раскаленной печи, из которой только что вынули очередную партию пирожков, раздался громкий голос, выкрикивающий что-то невразумительное на старошаммахитском языке. И на глазах изумленной публики из горячего, черного от сажи зева выпрыгнул одетый в ослепительно белые, развевающиеся одежды молодой шаммахит-фокусник. И ни единого пятнышка не было ни его джеллабе, а из широких рукавов на зрителей посыпался снег.

Ворота одного из особняков, выходящие на площадь, распахнулись и оттуда вышли четверо высоченных альмугавари, зеленокожих и клыкастых, разукрашенных так, что их предки в изумлении попятились бы. Голые по пояс, увешанные варварскими ожерельями из костей, металлических дисков и меха, они несли плечах открытый паланкин, в котором восседала Дакини – одетая, вернее, раздетая волей Дамиано так, что вся мужская половина площади задохнулась от восторга, а женская от зависти. Ее широкое ожерелье крыса выпросила у отца Цатха, а принадлежало оно их роду вот уже не одно столетие; поговаривали, что костяные пластинки в нем сделаны из человеческих черепов.

И когда все восемь избранных собрались на сцене, началось представление.

Один за другим артисты сменяли друг друга, то выходя далеко на помост, то поднимаясь на крутящийся диск в центре. Однако самозабвенно игравшие детей Лимпэнг-Танга не оставались на сцене в одиночестве: их собратья, спрятанные кто в полотняном шатре, кто под помостами, кто на крышах домов то и дело выбегали, прыгивали, слетали на трапециях, чтобы помочь своим и разукрасить их выступление так, чтобы само солнце засмотрелось и подольше задержалось на небе.

В одном из номеров сестрам тройняшкам подыграли два воздушных гимнаста. Девушки, расположившись на крутящемся диске, демонстрировали публике чудеса гибкости и изящества, играя трех диковинных пустынных змеек. Неожиданно с двух ратушных балконов на вертикальных воздушных полотнах спустились юноши, легко подхватили двух сестричек, а одну оставили безутешной. Они оба были одеты в черные костюмы, украшенные перьями, а лица

их скрывал сложный грим, изображающий хищных птиц. Они дразнили оставшуюся внизу змейку, раз за разом пролетая мимо с ее сестрами. И только после того, как девушке удалось зацепить оба полотна и с помощью силача остановить их, захватчики отпустили ее сестер и, легко перебирая руками, взлетели вверх и исчезли внутри ратуши. Там Амадей и Дионин спешно смыли грим, переоделись и опрометью бросились по своим местам, самодовольные как молодые купчики.

Когда воздух из прозрачного стал темно-лиловым, Ораха утихомирил своих музыкантов, разошедшихся так, что помост ходуном ходил. Публике, да и артистам требовалась передышка, чтобы продолжить праздник. И тут возвышение, на котором сидели музыканты, опрокинулось – да так, что все они попадали вверх тормашками. А из объявившегося под их сиденьями люка с кряхтением и оханьем вылез глубокий старец – лет ста, никак не меньше, с седой бородой ниже колен, с кустистыми бровями, помогающий себе массивной клюкой.

-Амадей! – Дернула альбиноса за руку Кьяра, уже готовящая картины для фонаря. – Это кто такой? И когда ты успел устроить люк у музыкантов?

-Это не я. – Смеясь, ответил Амадей, спеша спуститься к артистам. – Кьяра, он все-таки вышел на сцену! Не удержался...

-Тут он я, бегу изо всех сил! Чем смогу, помогу! – Старик довольно резво заковылял по помосту, оглянулся, увидел барахтающихся на спинах музыкантов и ошарашенного Ораху, повернулся к публике и скорчил гримасу, в которой стыд от содеянного сочетался с таким неприкрытым удовольствием, что ответом ему стал дружный хохот. Старик взмахнул клюкой и поторопился на сцену. Там он огляделся, погрозил пальцем двинувшемуся было к нему силачу и поманил к себе акробатов. Захихикав, девчонки окружили его, хватая за бороду – впрочем, довольно ласково. Жестами старец показал, что делает получить урок циркового искусства. Смеясь еще пуще прежнего, одна из акробатов прогнулась в спине и встала гибкой дугой.

Старик покивал и знаками попросил девушек о помощи; охая и причитая, он принялся наклоняться назад. Его спина издавала глухой треск, ноги разъезжались. Акробатки поддерживали его изо всех сил, публика уже стонала от смеха. И тут старик неожиданно прогнулся не хуже акробатки, встал на мостик, оттолкнулся ногами от сцены и сделал стойку на руках. Суртонки ахнули и захлопали в ладоши. А старец встал на ноги и тут же согнулся, изображая сильнейший приступ боли в спине.

Следующим стал силач. Его неожиданный гость пригласил померяться силами. Закончилось это тем, что старик поднял здоровяка вместе с его гириями. К этому

времени Ораха уже пришел в себя, и играл самые глумливые мелодии для царившего на сцене шутовства. Затем пришла очередь Дакини.

Старик поначалу пытался заигрывать с ней, призывно помахивая клюкой и строя глазки. А потом вышел в центр сцены и принялся танцевать в шаммахитском стиле, отчего зрители просто взвыли от восторга. В какой-то момент вошедший в раж старец наступил себе на бороду, и та осталась лежать на полу. Танцор попытался незаметно смахнуть ее клюкой под сцену, но вместо этого борода полетела прямо к танцовщице и улеглась на ее плечи как боа. Дакини направилась к старику, а тот не сплеховал и подхватил ее на руки, поднял, усадил себе на плечо – и тут увидел насупившегося Рейнара. Тут же танцовщица оказалась на земле, мало того, старик еще и подтолкнул ее к рыжему коленом пониже спины.

Когда все артисты были вдоволь осмеяны, старик подошел к краю сцены и поклонился, одновременно срывая с себя парик и отбрасывая клюку. На зрителей смотрел, смеясь, высокий мужчина лет тридцати, с резкими чертами лица, черноволосый и остроухий.

-Куда вам без шута! – Повернулся он к артистам. – Однако же вы хороши, самозванцы.

И он прошел вглубь сцены, устраиваясь совершенно по-свойски. Внимательно глядящий из-за кулис Амадей заметил, что в левом ухе у него покачиваются точно такие же серебряные колокольчики.

Уже почти стемнело, когда альбинос пустил в ход свой главный козырь. Клубы дыма заволокли стены ратуши, поднялись вверх на десяток метров (алхимик отработывал свои деньги не на страх, а за совесть). Тонкий луч света вонзился в плотный дым, и тут же на месте ратуши вспыхнуло вселенское пламя, языки которого обернулись драконьими крыльями. Чудовище повернуло голову к людям и разинуло пасть в реве, который так удачно изобразила боевая орочья труба в руках Орахи, что немало дам попадало в обморок. Дракон выдохнул сгусток огня, улегся, накрыв морду хвостом, и застыл. Очертания его потемнели, и стало видно, что это уже не древний исполин, хранитель миров, а остров, плывущий по морю. Там, где была голова, теперь возвышалась гора, шипы на спине стали холмами, изгибы туловища – гаванями. И сколько раз тут было выкрикнуто имя Тринакрии, и сколько раз провозгласили славу королевству – сосчитать было невозможно.

Остров приближался; зрители увидели самую вершину Трискелиона, скалистую, суровую землю, на которой росло тоненькое деревце. На глазах у людей деревце росло все выше, вот уже оно шумело листвой и, наконец, зацвело. Белоснежные цветы усеяли его ветви; и вот тут-то и посыпались с неба на головы

горожан нежные цветочные лепестки. Видение Майского Древа вспыхнуло и исчезло. На площади стало так тихо, что было слышно, как переступают с ноги на ногу лошади.

Со сцены на длинный помост нарочито неторопливо вышел Рейнар, катя перед собою колесо. Площадь была освещена факелами, зажженными служителями праздника, и в их свете голова одного из Бреттиноро полыхала огнем. Рейнар остановился в конце помоста, в самом сердце толпы, оглянулся, пожал плечами – мол, пропадать, так с музыкой – и встал в колесо, держась за не приметные ручки. Он раскрутил его сначала несильно, а потом все быстрее и быстрее, и когда самого Рейнара стало уже не разглядеть, целых десять огненных рассыпающихся свечей, закрепленных на ободе, вспыхнули разом. Стоит ли говорить, что все девичьи ладони были в этот момент отхлопаны донельзя.

А через полминуты в дело пошли все фейерверки, заказанные и оплаченные королевской казной. Небо сияло и грохотало, в нем расцветали небывалые цветы – алые, золотые, белоснежные, в небо взлетали сотни бирюзовых копий, тысячи серебряных стрел низвергались наземь. И неизвестно, кто был в большем восторге – зрители или алхимики, которым в кои-то веки развязали руки.

Когда все закончилось, люди, малость оглохшие и подслеповато мигающие, увидели, что сцена опустела, и только одна певица сидит на ее краешке. Девушка сняла с головы венок из белых цветов, бросила его в толпу, улыбнулась и запела старую весеннюю песню, которую тут же подхватили сотни голосов, и мелодия волной пошла по площади, расцветая и набирая силу. С площади ее понесло на улицы, в дома – и праздник пошел вслед за ней.

-Ты доволен? – Спросил у Амадея Дионин, когда они, дождавшись, пока площадь немного опустеет, направились ко дворцу.

-Еще рано об этом говорить, - покачал головой альбинос. – Однако уже то, что моих детей Лимпэнг-Танга сейчас девять – несомненно, удача. Если, конечно, он не удерет с дворцового праздника.

-Пока не удрал, - пожал плечами принц. – Вон, идет рядом с суртонками, они сегодня из-за него подерутся, сдается мне. Сколько ему лет, ты говоришь?

-Не меньше трехсот. Ты не передумал насчет волшебного фонаря в саду?

-Еще чего. Бабушка тоже должна увидеть... - и, запнувшись от неприкрытой насмешки во взгляде Амадея, закончил: - Хотя, наверно, все она видела.

Праздничный пир удался на славу. Выстроенный павильон с легкими полотняными стенами защищал гостей от прохладного ветра, в жаровнях пылал огонь, стол радовал взоры и гурманов, и эстетов. Королева, восседавшая во главе пиршества, отведала предложенную ей сердцевину императорского жаркого,

осталась довольна, остатки скормила циморилу и теперь прислушивалась к разговорам приглашенных гостей.

-А вы видели, мессеры, гильдия гобеленщиков так и не вышла на праздник. И ведь у них все было готово. Кроме старшины. Он куда-то уехал, не особо кому докладываясь. Жаль, достойная гильдия была.

-А каков был фейерверк, а? Я такого за всю свою жизнь не видел. Особенно золотые хризантемы удались, недаром они у себя половину лаборатории сожгли.

-А это верно, мессеры, что артисты выступят и здесь? Верно? Какое счастье!

-Праздник удался. – Фьяметта допила вино, разбавленное горячей водой, поставила бокал на скатерть и поманила к себе Амадея, стоящего за ее спиной. – Если у тебя еще что-то осталось, самое время это показать. Скоро начнутся танцы, там гости сами себя развлекут. Ах да, чуть не забыла. Я подтверждаю твое право быть мастером ритуалов, Амадей из Шэлота.

И королева протянула юноше руку для поцелуя.

Какая-то впечатлительная дама ахнула. Звякнула упавшая на тарелку вилка. Затрепетали язычки свечей в светильниках.

-Именно это ты и поберег напоследок? – Поинтересовалась Фьяметта, кутая худые плечи в меховую накидку.

По траве, кустам и деревьям пробежали тысячи, миллионы синих и белых огоньков, молодая листва шелестела, ветки трепетали, хотя не было ни малейшего ветра. Со стороны каскада парковых озер доносился плеск, за стволами скользили неясные тени, звучали голоса флейт и перезвон колокольчиков.

-Твоя работа? – Повторила вопрос королева.

-Нннет. – С трудом выговорил Амадей. – Я вижу Кьяру, она с Орахой рядом сидит. Да и не рисовала она таких картин для малого фонаря.

-Значит, надо пойти посмотреть, кто так постарался для нас.

Фьяметта встала, выпрямилась и, опираясь на руку Дионина, пошла к выходу из павильона. Гости, заподозрив неладное, притихли и вереницей потянулись вслед за королевой.

-Бабушка, - негромко спросил принц, - вы уверены?..

-Нож моего Гираута при мне. – Ответила королева. – Я эту музыку ни с чем не спутаю. Опять они явились.

Небольшая процессия с королевой во главе вышла на главную аллею парка, заканчивающуюся у первого в каскаде озера. Вода в озере светилась так, будто звезда упала на его дно. На берегу стоял очень высокий мужчина, одетый в богатые зеленые одежды, когда-то своеобразно красивый, а теперь мертвый. Из груди у него торчала стрела – как раз оттуда, где полагается быть сердцу. Лицо

его было спокойным, тонкий рот под орлиным носом крепко сжат, ледяные глаза ничего не выражали. Мужчина опирался на тяжелый деревянный посох, на голове его поблескивал белыми искрами костяной обруч, длинные светло-зеленые волосы рассыпались по травянистой мантии.

-Ваше величество королева, - первым заговорил он и поклонился.

-Ваше величество король, - ответила Фьяметта и слегка, намеком, склонила голову.

-Я пришел забрать свое. – Вокруг короля из-под холмов вился туман, дыхание не трогало его грудь.

-Что именно? – Безучастно спросила королева, опуская руку на рукоять тяжелого солдатского ножа, висящего на ее поясе.

-Кого. Своего внука. – Мертвый король указал на Дионина. – Он сын Первоцвет, моей старшей дочери. И я имею на него те же права, что и вы.

-Неужели? – Тон Фьяметты был настолько ядовит, что трава должна была пожухнуть на всей лужайке. – О каком праве вы говорите? Я вырастила Дионина, он человек всем своим сердцем, что ему делать в ваших подземельях?

-Он человек лишь наполовину, - покачал головой король хогменов. – А на другую половину он сын старых богов. Подождите, - он поднял руку, требуя молчания. – Я должен сказать вам, зачем пришел за Дионином.

Фьяметта знаком приказала всем гостям отойти и осталась наедине с незванным гостем, опираясь на руку внука.

Мертвец помолчал с минуту и продолжил.

-Дионина ожидает мой престол. О нет, я не собираюсь умирать, - и король выразительно посмотрел на стрелу, торчащую из его груди, - ибо сделал это уже очень давно. Король безвременья – так мы зовем его – правит землей под холмами недолго, лишь пока мой народ спит. И чем скорее он уснет, тем спокойнее будет людям. На пороге сна хогмены становятся невыносимыми даже для меня.

-Ясно. – Невежливо прервала мертвеца королева. – А если я не отпущу своего единственного наследника даже ради такой выгоды?

-Я заберу его силой. – На мертвом лице не дрогнул ни единый мускул.

-Зачем же так нагнетать?

Голос прозвучал спокойно и рассудительно; обе венценосные особы согласно повернули головы – говорил ни кто иной, как давешний шут, неизвестно как оказавшийся рядом с одиноко стоящими королями. Шут сидел на траве, пересыпая из ладони в ладонь светящуюся пыльцу.

-Ты? – В голосе мертвеца послышалось удивление.

-Я. – Кивнул шут. – Тебе нужен твой внук, дитя королевской крови хогменов и людей. Но почему именно Дионин, скажи на милость?

-Я не понимаю тебя. – Король нетерпеливо пристукнул посохом, и трава зазвенела, мгновенно покрываясь льдом.

-У тебя не один внук, Остролист. – Шут коротко глянул на короля. – Я знаю, ты недолюбливаешь свою младшую дочь, Вереск. А между тем у нее тоже есть сын, и его отец, хоть и нездешний, но все-таки королевских кровей.

-И что мне в том толку? – В голосе короля хогменов сквозило ледяное непонимание. – У меня нет времени на поиски этого ребенка.

-Что ты, он давно вырос. – Усмехнулся шут. – Вереск отлично его спрятала. А сам увидеть что, уже не можешь? Совсем разучился?

-Арколь. – Мертвый король переложил посох из левой руки в правую. – Я чту память твоего учителя, который, в отличие от тебя, всему знал меру. Ты что же, хочешь, чтобы все эти люди умерли только ради того, чтобы я открыл глаза?

-Брось, - примирительно заметил на это шут, - сам знаешь, я быстрее тебя. Так что людям вреда не будет. Я бы и сам показал тебе наследника, но вернее будет, если ты сам его увидишь.

Остролист согласно кивнул. Знаком он попросил королеву и Дионина отойти к остальным гостям, застывшим посреди заиндевелой лужайки. Среди них стоял и Амадей. Через несколько долгих мгновений он увидел, как мертвый король поворачивается к людям.

Светло-серые, ничего не выражающие глаза раскрылись как створки морской раковины, и из них хлынул поток обжигающе холодного света. Его лучи медленно двигались в темном ночном воздухе, обходили замерших людей, пока не остановились на нем, Амадее из Шэлога, сыне старьевщика.

-Мой мальчик. – Остролист закрыл глаза, вернув им прежнюю безучастность. – Кто бы мог подумать, все это время... - И он удивленно покачал головой.

-Ну что ж, Амадей, выходи. – Махнул рукой названный Арколем. – Сам понимаешь, оставить Тринакрию без наследника я не могу. Кто знает, сколько продлится их безвременье: может час, а может, и десяток лет. Никогда не угадаешь.

Амадей подошел к берегу, изо всех сил стараясь удержаться и не закричать, не рвануть с места – отчаянно, напролом, как когда-то в детстве, удирая от рыночных торговок с украденным пирогом за пазухой. Шеш, перепуганный насмерть, сполз с его шеи и спрятался, обвившись вокруг предплечья. Как же так, думал альбинос, ведь он только что добился того, о чем мечтал всю жизнь...

-И ты это получил, Амадей.

Этот голос он ни с чьим другим спутать не мог. Это он спросил мальчика о сокровенных желаниях тогда, на темной дороге в далеком ноябре. Это он обе-

шал ему показать танцующих зайца, лису и волка. И это он обрекал Ясона Тавма на слепоту.

-Госпожа цветов, - церемонно поклонился Арколь. – И вы успели руку приложить?

-Мальчик был такой... ничей. – Девушка вышла из-за спины своего короля, в руках ее была ветка дерева, усыпанная белыми цветами. – Я просто спросила его, чего он хочет. Кто же знал, что он этого добьется. Еда. Одежда. И праздник. Я лишь помогла ему сказать нужные слова в нужное время. Добивался всего он сам.

-А у людей всегда так. – Усмехнулся Арколь. – По-другому лучше и не начинать.

Госпожа цветов вздохнула – надо же, какое бывает невезение, и, не оглядываясь, ушла вглубь сада.

-А если я откажусь? – Амадея трясло одновременно от холода и от негодования: в его присутствии вот так запросто обсуждать его судьбу, да что они о себе возомнили, эти короли?!

-Но ты не откажешься. – Грустно развел руками маг, утративший все шутовское в облике. – Ты поклялся служить Дионину. К тому же, принц твой старший брат, хоть и сводный. Она права – здесь ты получил все, чего хотел. А значит, скоро заскучаешь.

-Я всего один праздник успел сделать! – В гневе выпалил Амадей. – И девушки у меня так и не было...

-Один, зато удачный. – Наставительно ответил Арколь. – Что касается девушек, то мне тоже не очень-то здесь везет...

Амадей замолчал. Он без страха оглядел стоящих рядом с ним существ, которые не казались ему ни чужими, ни чуждыми, и внезапно осознал, что маг прав. Он должен идти, и мало того – идти ему хочется.

-Я могу попрощаться?

-С друзьями не стоит, ты только опечалишь их. А вот с братом, пожалуй, надо. – И маг подошел к неподвижно стоящему Дионину, что-то сказал ему и указал на Амадея.

Братья стояли рядом, избегая смотреть друг на друга.

-А здорово было девчонок с воздуха хватать. – Сказал, наконец, Дионин.

-Еще бы. Вы довольны праздником, ваше высочество?

-Весьма... Я буду ждать твоего возвращения. Я бы и сам пошел...

-Нет, пойду я. Прошу, присмотрите за моими друзьями. Особенно за Мильфлер, сами понимаете.

-Обещаю. – Принц замолчал и немного неловко обнял младшего брата. – Возвращайся, Амадей.

Когда Дионин вернулся к людям, маг обратился к Остролисту.

-Время уходит. Вам пора, пока дорога открыта. Амадей, - он ободряюще улыбнулся юноше, - поверь мне, в королевстве под холмами не заскучаешь даже ты. И праздники нужны всем, и хогменам тоже. И спасибо тебе за ожившие воспоминания. Какие были времена...

-Амадей. – Остролист протянул юноше руку. – Ты идешь со мной?

-Да. – И альбинос крепко сжал холодную ладонь. – Иду, ваше величество.

И не размыкая рук, они направились к озеру. Светящаяся вода беззвучно расступилась, они вступили на видную только хогменам тропу, ведущую вниз, и вскоре скрылись из виду. И тогда озеро вновь расплескалось в положенных ему берегах, погасли тысячи блуждающих огней, и неясные тени покинули королевский сад.

Одинокий шут сидел на траве и задумчиво смотрел на тихую и темную водную гладь. Он сидел так все время, пока гости, которым искусно отвели глаза, не удалились в павильон, где музыканты уже настроили инструменты, а слуги разнесли десерты. По дороге люди громко удивлялись, до чего правдоподобными получаются картины в волшебном фонаре. Поразмыслив еще немного, шут поднялся и пошел разыскивать кого-то. А когда отыскал, то преградил ей дорогу, поклонился и сказал:

-Кьяра Мильфлер, вы позволите пригласить вас потанцевать? Праздник еще не закончен, должна быть доля и у тех, кто создавал его.

-Для шута вы чересчур церемонны, - ответила девушка, - а для важной персоны слишком приветливы. Что же мне вам ответить? Амадей где-то потерялся, Ораха занят, а больше мне никто не указ. Похоже, праздник продолжится и без моих трудов. Так что я согласна потанцевать с вами... - И она замолчала, вопросительно глядя на нежданного кавалера.

-Арколь. – С готовностью ответил тот, подал Кьяре руку и повел ее к веренице танцующих людей.

Конец книги Амадея